

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»**

на правах рукописи

АКУЛИНИН Константин Владимирович

**ПАМЯТЬ АНГЛИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ О
ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ. (1914 – КОНЕЦ 1920-х гг.)**

Специальность 07.00.03 Всеобщая история (Новая и
новейшая история).

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, доцент
Миронов В.В.

Тамбов – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Первая мировая война в коллективной памяти британского общества.....	22
1.1. Британские экспедиционные силы на Западном фронте Первой мировой войны: организация, сражения, память.....	22
1.2. Коммеморация Первой мировой войны в Великобритании в 1920-х годах.....	48
Глава 2. Трансформация образов Западного фронта Первой мировой войны в 1914 – конце 1920-х гг.....	67
2.1. Фронтовая корреспонденция как один из источников складывания образа Западного фронта в памяти английских ветеранов.....	67
2.2. Западный фронт Первой мировой войны в воспоминаниях английских ветеранов в 1920-х гг.....	85
Глава 3. Коммеморация Первой мировой войны в творчестве английских писателей-фронтовиков.....	119
3.1. Западный фронт Первой мировой войны в памяти «окопных поэтов».....	119
3.2. Первая мировая война в произведениях английских женщин-ветеранов Западного фронта.....	137
Заключение.....	155
Список использованных источников и литературы.....	161

Введение

Актуальность темы исследования. Первая мировая война по-прежнему занимает заметное место в общественном сознании, подогревает вокруг себя множество дискуссий и имеет множество интерпретаций. Естественно, под столь продолжительным и резонансным событием в мировой истории очень тяжело подвести итог, или попытаться объективно оценить его в полном объеме. Первая мировая война стала одним из важнейших событий в английской истории. Она серьезно повлияла на социально-экономическое развитие страны, а также на формирование политических коалиций. Отношение к ней простых англичан и ветеранов было, по меньшей мере, неоднозначным. В первые послевоенные годы в коллективной памяти английского общества начал складываться глорификационный образ Первой мировой войны. Однако в конце 1920-х гг. под влиянием ряда социально-экономических и социально-психологических факторов интерпретация данного конфликта бывшими фронтовиками постепенно стала утрачивать героические черты и привела к формированию ветеранами-представителями среднего класса мифа о «потерянном поколении».

Тщательный анализ причин утверждения данного мифа в памяти английских участников Первой мировой войны позволяет пролить свет на пути и способы реконструкции людьми событий прошлого, сохраняющие актуальность в настоящем. Изучение стратегий репрезентации Первой мировой войны как ее рядовыми участниками в Великобритании, так и правительственной пропагандой содействует необходимому дополнению созданной исследователями объективной картины глобального конфликта за счет субъективных, зачастую политически ангажированных оценок, анализ которых имеет ключевое значение для понимания природы социальной памяти.

Степень изученности диссертационной темы. К настоящему времени сформировался огромный массив отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной истории Великобритании в первой трети XX века. В рамках данной группы исследований целесообразно выделить несколько ключевых направлений. Так, изучению внутри-и внешнеполитических процессов были посвящены труды К.Б. Виноградова, Т.Н. Геллы, С.Ю. Тороповой, Е.А. Суслопаровой, А.Ю. Прокопова и А.Г. Сенокосова¹. Отдельные вопросы, связанные с экономическим развитием страны в годы Первой мировой войны, были затронуты в исследованиях Н.А. Ерофеева, С.А. Соловьева и М.А. Оболонковой². Содержание и эволюция общественно-политических взглядов и социокультурных ценностей британской интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. стали предметом глубоких исследований Л.А. Фадеевой³.

¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970; он же. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975; Гелла Т. Н. Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX - начале XX в. (1895-1905 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Москва, 1984. – 215 с.; Торопова С.Ю. Дэвид Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века // Британская история XIX-XX веков: люди, события, идеи / Под ред. А.Г. Чевтаева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1997. С.147-164; Суслопарова Е. А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866-1937). К политическому портрету лейбористского лидера // Новая и новейшая история. 2003. №4. С. 141-157; она же. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. // Вестник Московского Университета. Серия: История, 2009, №1. С. 5-25; Прокопов А.Ю. Лейбористская партия и Версальский мирный договор // Первая мировая война, Версальская система и современность/ отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб: Издательство СПбГУ, 2012. С. 253-261; он же. Британское общество в начале Первой мировой войны // Великая война. 1914-1918. Выпуск 2. М., 2013. С. 44-50; Сенокосов А.Г. Роль «Либерал-пацифистов» во внешней политике Великобритании накануне Первой мировой войны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. №21. С.109-120; Суслопарова Е.А. Дебаты «о капитализме» в британском парламенте в 1923 г. // Вестник Московского университета. 2014. Серия 8. История. № 6. С. 3-17.

² Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959; Соловьев, С. А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны. М.: Издательство МГУ, 1985; Оболонкова М.А. Усиление государственного вмешательства в английскую экономику в годы Первой мировой войны и сдвиги в общественном сознании // Из британской истории нового и новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992. С.76-93.

³ Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: из-во Пермского ун-та, 1995; она же. Социальные идеи и идеалы английского «образованного класса» в конце XIX – начале XX века // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С.335-354; она же. Трансформация образа викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. С.159-169.

Обширной представляется историография Первой мировой войны: за последние сто лет по данной теме были опубликованы тысячи статей и монографий. Однако круг основных вопросов, которые пытались и пытаются разрешить специалисты остается фактически неизменным. В частности широкое распространение получили работы, посвященные политической, военной и классовой тематике⁴. Современные направления в изучении важнейших проблем истории Первой мировой войны нашли свое отражение в сборниках научных трудов, вышедших под редакцией Ю.А. Писарева, В.Л. Малькова, С.В. Листикова, а также в статье Е.Ю. Сергеева⁵.

Влияние Первой мировой войны на повседневную жизнь женщин стало предметом исследований П.П. Щербинина, М.Х. Дэрроу, С.Р. Грейзел, Д. Мейер⁶. Опираясь на широкий круг источников, им удалось определить, какую роль женщины играли во время войны в пацифистском движении, во внутренней политике и пропаганде.

Взаимосвязь между войной, государством и его социальной политикой в отношении ветеранов и военных инвалидов на чехословацком материале двух мировых войн рассмотрела в своей монографии немецкий историк Н. Штегман⁷. Согласно автору, социальный статус военнослужащих во время войны был как никогда высок. Солдаты ставились в пример всем гражданам в тылу. Поэтому от социальной политики правительства в

⁴ Зайончковский А. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002; Шаццлло В. Первая мировая война 1914-1918. Факты и документы. М.: «Олма-Пресс», 2003; Morrow J. The Great War An Imperial History. London: Routledge, 2005.

⁵ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю.А. Писарева, В.Л. Малькова. М.: Наука, 1994; Первая мировая война: пролог XX века / Под ред. В.Л. Малькова. М.: Наука, 1998; Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн.1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Под ред. Листикова С.В. М.: Наука, 2008; Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. №1. С.6-12.

⁶ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины. Тамбов: Изд. Юлис, 2005; Darrow M. H. French Women and the First World War: War Stories of the Home Front. London: Bloomsbury Academic, 2000; Grayzel S. R. Women and the First World War. London.: Routledge, 2013; Meyer J. Not Septimus Now: wives of disabled veterans and cultural memory of the First World War in Britain // Women`s History Review, Volume 13, № 13, 2004 – p.117-138.

⁷ Stegmann N. Kriegsdeutungen - Staatsgründungen - Sozialpolitik: der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei 1918 - 1948. München: Oldenbourg Verlag, 2010.

межвоенные годы, особенно по отношению к ветеранам, во многом зависели целостность государства, а также легитимность действующей власти.

Воздействие официальной государственной пропаганды на восприятие военными своего боевого противника, а также влияние Первой мировой войны на психологию солдат проанализировала Е.С. Сенявская⁸. Отдельные вопросы, связанные с духовно-нравственными ценностями «потерянного поколения», были рассмотрены в работах Е.М. Сидорук и Р. Уоля⁹. Влияние Первой мировой войны на европейскую культуру пытались проанализировать А. Рошвальд, Р. Стайтс и Г. Робб¹⁰.

Предметом исследования целой группы ученых стала фронтовая корреспонденция участников Первой мировой войны. Так, в книге М. Бонфиглиоли и Дж. Мансона¹¹ анализируется коллекция писем семьи Слатерс, проживавшей в Оксфорде во время войны. Другим примером может служить научный комментарий к сборнику писем, отправленных британскими, канадскими и австралийскими солдатами домой своим близким, сделанный британским исследователем Э. Робертсом¹²

Также необходимо отметить книгу Л. Хаусмана¹³. Из многих тысяч фронтовых писем для нее была отобрана корреспонденция 95 человек, 82 из которых были офицерами. Это были представители среднего класса, те, кого в межвоенный период стали называть «потерянным поколением». Поэтому

⁸ Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Российское военно-историческое общество. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/obraz-vragha-v-soznanii-uchastnikov-piervoimirovoi-voiny> [дата обращения 06.08.2015]; она же. Психология войны в XX веке: итоги и задачи изучения // Исторические записки. Вып. 121(3). М.: Наука, 2000. С. 254-284.

⁹ Сидорук Е.М. Социокультурные аспекты развития американского общества в 1918 - 1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Тамбов, 2005. – 200с.; Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

¹⁰ Roshwald A., Stites R. European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914-1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Robb G. British Culture and the First World War. London: Palgrave Macmillan, 2014.

¹¹ Bonfiglioli M., Munson J. Full of Hope and Fear: The Great War Letters of an Oxford Family. Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹² Roberts A. Love, Tommy: Letters Home, from the Great War to the Present Day. Oxford: Osprey Publishing, 2012.

¹³ Housman L. War Letters of Fallen Englishmen. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2002.

книга Л. Хаусмана в большей степени дает представление о восприятии войны именно этим социальным слоем. Анализу фронтовой корреспонденции английских солдат также была посвящена работа Ж. Вендсворт¹⁴.

Морально-психологическое состояние английских военнослужащих на Западном фронте стало предметом исследования И.В. Смирновой¹⁵. Особую группу работ в рамках изучения Первой мировой войны представляют труды, связанные с организацией и устройством британской армии в 1914-1918 гг.¹⁶ Эволюцию сознания английских фронтовиков в 1914-1915 гг., особенности реакции британского общества на события Великой войны, а также положительное влияние игрового кодекса на дисциплинированность и стойкость английских солдат рассмотрела Ю.Ю. Хмелевская¹⁷.

Историография диссертационного проекта характеризуется взрывообразным увеличением количества отечественных и зарубежных исследований, связанных с изучением коллективной памяти. В их числе целесообразно отметить исследовательские наработки в области

¹⁴ Wandsworth J. Letters from the Trenches – The First World War by Who Were There. Barnsley: Pen and Sward, 2014.

¹⁵ Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Москва, 2011. – 334 с.

¹⁶ Marrison R.J. Fosten D.S.V. The British Army 1914-18. London: Osprey publishing, 1978; Chapell M. The British Army in World War I. The Western Front 1916-18. Oxford: Osprey publishing, 2005; Gudmundsson B. The British Army on the Western Front 1916. Oxford: Osprey publishing, 2007.

¹⁷ Хмелевская Ю.Ю. Британские фронтовики в 1914 - 1916 гг.: от эйфории патриотизма к психологии «Большой войны» // Из британской истории нового и новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992 С. 51-67; она же. Хмелевская Ю.Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914-1918 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Пермь, 2000 – 257 с.; она же. «Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морали британской армии в 1914-1918 гг. // Государственный специализированный институт искусств. URL: http://www.gsii.org/brit_sport_ww1.htm [дата обращения 06.08.2015]

политической мифологии Первой мировой войны, базирующиеся на концепции «памятных мест»¹⁸.

Феномен преломления и политической инструментализации военного опыта в деятельности ветеранских организаций Западной, Центральной и Восточной Европы и Северной Америки в межвоенный период нашел освещение в работах немецких исследователей Б. Барта и С. Райхарда¹⁹.

Проблеме трансформации памяти о войне в сознании ветеранов Первой мировой войны в Европе в межвоенный период посвящена работа Ю. Айхенберг и Д.П. Ньюмана²⁰. Особое внимание ученые уделяли положению ветеранов в послевоенном обществе, уровню их социальной защищенности, роли ветеранских ассоциаций в политической жизни западно- и центральноевропейских государств и возросшему значению сообществ ветеранов на международной арене.

Исследование немецкого историка Б. Циманна было направлено на изучение взаимосвязи памяти о Первой мировой войне и политики²¹. Его интересовали общественные коммеморативные практики, их влияние на воспоминания конкретного индивида. Б. Циманн утверждал, в частности, что немецкие ветераны из числа социал-демократов участвовали в коммеморации на всех уровнях: они поддерживали пацифистов; оплакивали павших товарищей у мемориалов; призывали к политике международной солидарности. Автором была предпринята одна из первых попыток

¹⁸ Mosse.G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford: Oxford University Press, 1991; Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Winter J. *Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century*. London: Yale University Press, 2006; Weber C. *Auf der Suche nach der Nation. Erinnerungskultur in Bulgarien von 1878-1944*. Berlin: LIT Verlag Münster, 2006.

¹⁹ Barth B. *Dolchstosslegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914 – 1933*. Düsseldorf: Droste, 2003; Reichard S. *Faschistische Kampfbünde: Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismus und in der deutschen SA*. Köln: Böhlau Verlag Köln Weimar, 2009.

²⁰ Eichenberg J., Newman J. P. *The Great War and Veterans' Internationalism*. London.: Palgrave Macmillan, 2013.

²¹ Ziemann B. *Contested Commemorations: Republican War Veterans and Weimar Political Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

произвести комплексный анализ воспоминаний ветеранов в послевоенной Германии.

Говоря о разработке проблем, связанных с формированием и трансформацией исторической памяти, следует упомянуть статью²² известного российского историка Л.П. Репиной, в которой были сопоставлены различные трактовки феномена памяти, сложившегося в гуманитарном знании XX века, с наиболее интересными новейшими разработками российских ученых в области философии, психологии, лингвистики, культурологии, нацеленными на преодоление дихотомии индивидуальной и надиндивидуальной памяти.

Еще одну группу исследований составляли работы, посвященные образу жертв войны, в частности инвалидов, формировавшемуся, как правило, за институциональными рамками официальной коллективной памяти – исключение нацистская Германия, где облик инвалида времен Первой мировой войны был превращен в растиражированный пропагандистский конструкт²³.

Аналізу условий и механизмов формирования коллективной памяти о Первой мировой войне в западноевропейских и центральноевропейских государствах в межвоенный период были посвящены статьи Е.С. Сенявской, М.А. Оболонковой, В.В. Миронова, В.Ю. Добровольского и А.В. Наумова²⁴.

²² Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Под ред. Е.П. Серапионовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С.8-16.

²³ Hofer H. G. Nervenschwäche und Krieg. Modernitätskritik und Krisenbewältigung in der österreichischen Psychiatrie (1880- 1920). Köln: Böhlau, 2004; Kienitz S. Beschädigte Helden. Kriegsinvalidität und Körperbilder 1914-1923. Paderborn: Schöningh, 2008; Леффельбайн Н. Военные инвалиды в политике национал-социалистов // Вопросы истории. 2011. № 5. С.162-165.

²⁴ Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121. В соавт. с А. С. Сенявским; Оболонкова М.А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. 2010. Выпуск 1 (13). С.8-14; Добровольский В.Ю., Наумов А.В. Англосаксонские страны. Справедливая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2014. С. 88 – 117; Миронов В.В. Австрия. Неизвестная война // Там же. С. 307 – 350.

Проблема актуализации памяти о военных преступлениях, совершенных в годы Первой мировой войны на территории различных географических регионов, рассматривается в трудах Дж. Хорна и А. Крамера²⁵.

Современные репрезентации памяти о Первой мировой войне нашли отражение в публикациях Р.Г. Гранта и М. Форти²⁶. Роль памяти о прошлом в процессе построения культурных идентичностей, в том числе и политических, была проанализирована в работе Я. Ассмана²⁷.

Тема коммеморации Западного фронта английскими участниками Первой мировой войны долгое время находилась на периферии исторического исследования. Однако данная ситуация коренным образом изменилась в последней четверти XX века. В центре внимания ученых оказался широкий спектр вопросов, в числе которых практики коммеморации Первой мировой войны в Великобритании²⁸. Так развенчанию мифов о Первой мировой войне была посвящена работа английского историка Д. Тодмана²⁹.

Значительный вклад в изучение мемуаров ветеранов Первой мировой войны внесла доцент кафедры истории Коннектикутского университета (США) Д. Уотсон. В своем исследовании³⁰ она смогла провести четкий водораздел между реальным боевым опытом и попытками многих ветеранов описать его спустя годы после окончания конфликта. Анализу мемуаров

²⁵ Horn J., Kramer A., *German Atrocities: A History of Denial*. New Haven: Yale University Press, 2001; Kramer A. *Dynamic of Destruction. Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford: OUP Oxford, 2007.

²⁶ Grant R. G. *Der Erste Weltkrieg: die visuelle Geschichte*. München: Dorling Kindersley Verlag, 2014; Forty S. *Mapping the First World War: battlefields of the great conflict from above*. NY.: Bloomsbury USA, 2014.

²⁷ Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

²⁸ D'Arcy F. *Remembering the War Dead: British Commonwealth and International War Graves in Ireland Since 1914*. London: Stationery Office, 2007; Hynes S. *A War Imagined – The First World War and English Culture*. NY: Random House, 2011; Fussell P. *Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

²⁹ Todman D. *The Great War – Myth and Memory*. London.: A&C Black, 2014.

³⁰ Watson J. *Fighting different wars*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

ветеранов Первой мировой войны также был посвящен труд³¹ известного английского военного историка Б. Бонда. Большинство из авторов этих мемуаров уже были хорошо известны широкому читателю: среди них можно встретить З. Сассуна, Р. Грейвза, Э. Идена, Г. Макмиллана и др. Б. Бонд показал, как полученный боевой опыт повлиял на жизнь этих писателей, а также отмечал отсутствие в их воспоминаниях антивоенной направленности. Отношение британских солдат к событиям Первой мировой войны на основе дневников солдата-связиста Э. Стэплтона, опубликованных Британским национальным архивом, рассмотрел в своей статье Д.С. Ткаченко³².

Влияние юнионистской точки зрения на особенности преломления образа мирового конфликта в исторической памяти населения Северной Ирландии в своей монографии исследовала К. Швицер³³. Слаженную работу национальных ветеранских общин на территории Великобритании в межвоенный период, направленную на создание универсального образа Первой мировой войны, рассмотрел в своей монографии М. Коннелли³⁴. Анализу процесса конструирования коллективной памяти о войне, а также видоизменению риторики коммеморации в конце 1920-х годов была посвящена статья Т.А. Смирновой³⁵.

Подводя краткий итог, мы можем констатировать, что, во-первых, в отечественной и зарубежной историографии разработаны теоретико-методологические подходы к изучению коллективной памяти (об этом более подробно будет сказано в разделе «методология»). Во-вторых, в зарубежной

³¹ Bond B. *Survivors of a Kind – Memoirs of the Western Front*. London.: Bloomsbury Publishing, 2008.

³² Ткаченко Д.С. Первая мировая война глазами британских солдат // Новая и новейшая история. 2014. №6. С.62-71.

³³ Switzer C. *Unionists and Great War Commemoration in the North of Ireland, 1914-1939: People, Places and Politics*. Portland: Irish Academic Press, 2007.

³⁴ Connelly M. *The Great War, Memory and Ritual: Commemoration in the City and East London, 1916-1939*. Suffolk: Boydell & Brewer Ltd, 2015.

³⁵ Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. №4. Том 1. С.95-98.

историографии еще не создана целостная картина коллективной памяти английских участников Первой мировой войны о Западном фронте в 1914-1920-х гг. В-третьих, в российской историографии лишь в общих чертах рассмотрен феномен коммеморации Первой мировой войны в британском обществе.

Объект исследования – военнослужащие и ветераны Британского экспедиционного корпуса, сражавшиеся на Западном фронте Первой мировой войны. С точки зрения административно-территориального деления Великобритании мы опирались на свидетельства военнослужащих – уроженцев Англии.

Предметом исследования являются особенности становления и эволюции коллективной памяти английских участников Первой мировой войны о Западном фронте.

Цель исследования состоит в анализе состояния и характера трансформации коллективной памяти о Западном фронте в сознании английских участников Первой мировой войны в 1914 – 1920-х гг. с учетом внешних факторов, оказавших влияние на ее эволюцию.

Для ее решения необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

- выяснить место первого глобального конфликта в коллективной памяти английского общества;
- сопоставить восприятие боевых действий английскими военнослужащими и ветеранами во время и после войны;
- рассмотреть основные формы коммеморации событий Первой мировой войны, практиковавшиеся английскими военнослужащими и ветеранами в 1914 – 1920-х гг.;
- выявить место и роль военной литературы в рамках процесса трансформации образов Первой мировой войны;

– сопоставить воспоминания о войне женщин, побывавших на фронте, и ветеранов мужчин.

Хронологические и территориальные рамки исследования.

Хронологические рамки работы охватывают период 1914 – 1920-х гг. Нижняя временная граница исследования определена началом Первой мировой войны, а выделение в качестве верхней границы конца 1920-х гг. связано с выходом в свет в Великобритании целой серии военных рассказов, сформировавших устойчивый образ войны.

Географические рамки исследования охватывают Западный фронт Первой мировой войны, который включал в свои границы территорию Бельгии, Люксембурга, Эльзаса, Лотарингии, рейнские провинции Германии и северо-восток Франции. Применительно к территории Великобритании исследование охватывает «места памяти» (могила Неизвестного солдата, кенотаф на Уайтхолле и т.д.), созданные в межвоенный период.

Методологическая основа диссертационного исследования.

Диссертационная работа выполнена в русле истории памяти (memory studies). Главным предметом истории памяти является не событие прошлого, а память о нём, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях³⁶. Определяющими понятиями для диссертации стали «коллективная память», «коммеморация», «места памяти», «образ прошлого» и «миф».

В основе методологии диссертационного исследования лежат работы французского социолога М. Хальбвакса, который разработал концепцию «коллективной памяти», как своеобразной совокупности донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений

³⁶ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003 – с. 9-10.

социума о значимых для общества событиях, деятельности выдающихся личностей, традициях, морали³⁷.

В 1932 г. был опубликован труд английского ученого Ф. Бартлетта³⁸, в котором он проанализировал результаты экспериментов по влиянию социальных факторов на память человека. В 1940 г. английский антрополог Э.Э. Эванс-Притчард разработал понятие «структурной амнезии» (специфический механизм каждой конкретной культуры, направленный на закрепление одних видов информации и исключения других из поля внимания)³⁹.

В 1959 г. американский антрополог профессор Чикагского университета У.Л. Уорнер опубликовал свою работу⁴⁰ в которой он, досконально изучив символическую жизнь современного общества, попытался разработать общую социологическую теорию символизма. Согласно У.Л. Уорнеру, коллективная жизнь любой группы людей поддерживается за счет общей символической основы. Единство символических значений объектов опыта связывает разные поколения и обеспечивает преемственность социальной жизни человеческого коллектива. Автор также отмечал, что ряд символических контекстов пробуждаются в людях исключительно благодаря идущим из прошлого коллективным чувствам, то есть социальной памяти.

Идеи М. Хальбвакса дополнил американский историк А. Мегилл, который дал такое определение: «Коммеморация – это сохранение в общественном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого.

³⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

³⁸ Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University press, 1995 (first published in 1932).

³⁹ Evans-Pritchard E.E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press, 1940.

⁴⁰ Warner, W. Lloyd. The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans. New Haven: Yale University Press, 1959.

Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»⁴¹.

Коммеморация подразумевает создание «мест памяти». Автором данной концепции является французский историк П. Нора. Он отмечал, что: «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»⁴².

Другим основополагающим понятием в рамках данной работы является «образ прошлого». Использование концепции О.Б. Леонтьевой «образ прошлого» особенно полезно для изучения процесса складывания представлений о войне среди современников. Согласно О.Б. Леонтьевой, образ прошлого – это подход, основанный на том, что память по сути своей образна: именно образы событий и персонажей прошлого, созданные в произведениях художественной культуры, являются основой обыденных представлений о прошлом. Мобилизующий, интегрирующий потенциал образного восприятия прошлого осознавался всеми идеологами; феномен «социального заказа» на художественную трактовку событий прошлого в «нужном» ключе существовал, вероятно, со времен древнейших цивилизаций⁴³.

Еще одной часто встречающейся категорией в рамках исследований, посвященных рассмотрению феномена исторической памяти, является «миф». В данном случае это понятие трактуется как механизм, обеспечивающий воспроизведение коллективной идентичности через

⁴¹ Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007 – с. 116.

⁴² Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999 – с. 26.

⁴³ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011 – с.11.

постоянные отсылки к сюжетному повествованию об «общем прошлом», к его ключевым моментам и персонажам⁴⁴.

В основу методологии диссертации легли также принципы историзма и объективности. Принцип историзма предполагает изучение любого исторического события в его развитии и с учетом конкретной ситуации⁴⁵. Принцип объективности, в свою очередь, подразумевает установку на получение исторического знания, адекватного объективной исторической действительности⁴⁶.

В работе над диссертацией применялись как общенаучные (анализ, индукция, дедукция), так и специальные исторические методы (историко-генетический и историко-сравнительный). Историко-генетический метод в первую очередь нацелен на изучение генезиса (происхождения, этапов развития) конкретных исторических явлений и анализ причинности изменений⁴⁷. Историко-сравнительный метод, в свою очередь, подразумевает раскрытие сущности изучаемых объектов, исходя из их сходств или различий. В данной работе можно выделить сразу несколько объектов для сравнения. В частности, речь идет об образе Первой мировой войны, зафиксированном в подавляющем числе мемуаров английских ветеранов в начале 20-х годов XX века и претерпевшем существенные изменения после 1928 г., формах репрезентации войны мужчинами и женщинами и т.д.

Источниковая база диссертационного исследования включает обширный комплекс неопубликованных и опубликованных документов. Доступ к первым обеспечен на интернет-порталах архива Имперского военного музея (Imperial War Museum)⁴⁸ и Лондонской библиотеки (The

⁴⁴ Там же. с.14.

⁴⁵ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014 – с.149.

⁴⁶ Там же. с.347.

⁴⁷ Там же. с.153.

⁴⁸ Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/> [дата обращения: 18.01.2016]

London Library)⁴⁹. К опубликованным документам относятся материалы Британского газетного архива (British newspaper archive)⁵⁰ и Цифрового архива поэзии Первой мировой войны (The First World War Poetry and Digital Archive)⁵¹. Все привлеченные источники можно разделить на несколько больших групп.

Важной группой источников являются материалы периодической печати. В диссертации были использованы материалы, как ряда ведущих британских газет, таких как «The Times», так и провинциальной прессы «Evening Telegraph», «Western Daily Press», «Hull Daily Mail», «Western Morning News», «Western Times» и др.

Значительный пласт документов, привлеченных в диссертации, составляют источники личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка). Содержащаяся в них информация представляет ценность с точки зрения восприятия событий Первой мировой войны ее непосредственными участниками и характера трансформации ее образа в послевоенное время⁵². Существенное место в источниковой базе диссертационного исследования принадлежит произведениям английской художественной литературы, выяснение исторического контекста создания

⁴⁹ The London Library. URL: <http://www.londonlibrary.co.uk/> [дата обращения: 18.01.2016]

⁵⁰ British newspaper archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> [дата обращения: 18.01.2016]

⁵¹ The First World War Poetry and Digital Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/> [дата обращения: 18.01.2016]

⁵² См., например: Letter from Private Charles Green (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9421/6889?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]; Letter from T.E. Borrill to his brother, Benjamin Borrill (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9595/8428?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]; Letter home by Edwin Thomas // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9103/4418?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]; Grieve W.G. Tunnellers. Uckfield: N & M Press, 2014; Repington C. À. C. The First World War, 1914-1918; personal experiences of Lieut.-Col. C. à Court Repington. Boston and NY.: Houghton Mifflin Company, 1920; Hussey A.H. The Fifth Division in the Great War. London: Nisbet & Co. LTD., 1921; Bickersteth J.B. History of the 6th Cavalry Brigade, 1914-1919. London: The Baynard Press, 1920; Grimwade F.C. The war history of the 4th Battalion, the London Regiment (Royal Fusiliers), 1914-1919. London: Headquarters of the 4th London Regiment, 1922.

которых позволяет не столько реконструировать содержание литературных образов, сколько выявить скрытые за ними общественно-политические реалии⁵³.

Особую группу источников образуют «места памяти» (могила Неизвестного солдата в Лондоне, кенотаф на Уайтхолле, мемориальная табличка с именами погибших на фронте солдат в церкви города Милборн Порт и т.д.), созданные в послевоенное время на территории Великобритании. Изучение вопросов, связанных с историей их возникновения, содержанием и отношением к ним рядовых граждан и государства на разных этапах времени является одним из способов постижения сути процесса конструирования коллективной памяти.

В диссертационной работе были также привлечены некоторые документальные ленты, снятые в Великобритании после окончания Первой мировой войны: «Победа: Боже, храни британскую армию» (1920 г.), «Пять лет тому назад» (1923 г.), «Спустя восемь лет» (1924 г.). Выход в широкий прокат указанных документальных кинолент отражал политику британских властей, направленной на формирование в общественном мнении позитивного образа Первой мировой войны.

Таким образом, представленные источники позволяют выполнить задачи диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования непосредственно определяется его целями и задачами, что нашло свое выражение в следующих положениях:

⁵³ См., например: Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1961; Олдингтон Р. Все люди – враги. М.: Астрель, 2011; Smith H. Z. Not So Quiet. New York: Feminist Press, 1989; Brittain V. Testament of Youth – An Autobiographical Study Of The Years 1900-1925. London: Hachette UK, 2009; Ford M.F. No More Parades // Ebooks@Adelaide. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/f/ford/ford_madox/no-more-parades/index.html [дата обращения 21.01.2016]; Ewart W. Way of revelation: a novel of five years. NY.: D. Appleton and Company, 1922; Raymond E. Tell England. NY.: George H. Doran Company, 1922.

1) Предпринята одна из первых в отечественной историографии попыток исследовать эволюцию коллективной памяти о Западном фронте в сознании английских участников Первой мировой войны в 1914 – конце 1920-х гг.

2) Выявлена взаимосвязь между запросами общества, государственной политикой и характером реконструкции бывшими фронтовиками их недавнего военного прошлого.

3) Реконструированы особенности английской «женской памяти» о боевых действиях на Западном фронте Первой мировой войны.

4) Раскрыты содержание, характер и эволюция интерпретаций образов Западного фронта Первой мировой войны в сознании ее участников, зафиксированных в источниках личного происхождения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Активно проводившаяся в 1920-х годах британским правительством политика коммеморации Первой мировой войны привела к временному вытеснению из национальной коллективной памяти негативных интерпретаций мирового конфликта и преобладанию глорифицированной картины войны.

2) Враждебное отношение к войне, характерное для верхнего слоя английского среднего класса, во многом объяснялось полученными на фронте физическими и психологическими травмами и крахом надежд на сохранение в будущем социально-профессиональных привилегий.

3) В развернувшейся в 1920-х гг. «войне памяти» ее основные участники, как сторонники героизации войны, так и ее противники, оставались верны своим идейным позициям.

4) Важным источником памяти о войне стали воспоминания женщин – участниц военного конфликта, не выходявшие за рамки созданного мужчинами - выходцами из английского среднего класса мифа о

«потерянном поколении». Вместе с тем эти воспоминания свидетельствовали о том, что феминизация британского общества посягнула на привилегию мужчин в области военного дела.

5) В репрезентации образа Западного фронта английскими участниками Первой мировой войны можно условно выделить три этапа: образ, который был сформирован фронтовиками под влиянием цензуры на страницах военной корреспонденции; положительный образ войны, созданный ветеранами в начале 1920-х годов на волне общественных настроений и вследствие активно проводимой государством политики коммеморации; образ, оформившийся после книжного бума 1928 – 1929 гг. и сопряженный с разочарованием ветеранов в войне.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности использования основных положений и выводов диссертации для дальнейшей разработки проблем, связанных с коллективной памятью, реконструкцией прошлого, проблемой сохранения национальной идентичности и т.п.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и выводы проведенного исследования могут быть использованы для разработки лекционных курсов по Новой и Новейшей истории и спецкурсов по истории Первой мировой войны.

Соответствие шифру (паспорту) специальности. Диссертация соответствует шифру (паспорту) специальности 07.00.03 Всеобщая история (Новая и новейшая история).

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования нашли отражения в 6 публикациях автора, включая 4 статьи в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций составил 2 п.л. Материалы диссертации были представлены в докладах и сообщениях автора на 2 международных конференциях (Тамбов

2014 г.; Липецк 2015 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре всеобщей истории и российской истории и была рекомендована к защите.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, разбитых на шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Первая мировая война в коллективной памяти британского общества.

1.1. Британские экспедиционные силы на Западном фронте Первой мировой войны: организация, сражения, память.

Сухопутные силы британской армии накануне Первой мировой войны подразделялись на регулярную и территориальную армии, а также резерв. Их основу составляла регулярная армия, включавшая все рода войск. Территориальная армия являлась своего рода резервом первой очереди и комплектовалась за счет лиц, главным образом отслуживших в регулярной армии. Резерв состоял из демобилизованных офицеров и лиц, прошедших службу в территориальной армии. К августу 1914 г. было три вида резервов. Резервная армия отставников составляла 145 350 тыс. человек. Им платили 3 шиллинга и 6 пенсов в неделю и они должны были участвовать в 12 дневных учениях раз в год. Специальный резерв состоял еще из 64 тыс. человек. Это была форма службы с частичной занятостью. 6 месяцев в году специальные резервисты несли службу, как и регулярные солдаты, получая за это соответствующую плату; после этого им предстояло пройти еще 3-4 недели тренировок в году. Национальный резерв располагал 215 тыс. человек, включенных в реестр, который вели ассоциации территориальных армий графств; эти люди обладали некоторым военным опытом, но не несли никаких дополнительных обязательств. Регулярная армия и резервисты – по крайней мере на бумаге – в случае мобилизации в общей сложности составляли около 700 тыс. человек. Правда, только 150 тыс. попали в ряды БЭС и были отправлены на континент. В общей сложности 6 пехотных дивизий и одна кавалерийская⁵⁴.

⁵⁴ Tucker S., Roberts P.M. World War I: Encyclopedia. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005 – p.504.

В результате регулярная британская армия к началу войны представляла собой небольшую профессиональную армию. Она разительно отличалась от французской армии, в 1914 г. мобилизовавшей 1 650 000 солдат, а также немецкой, поставившей под ружье 1 850 000 человек, составивших 87 пехотных дивизий.

Первые шесть дивизий Британских экспедиционных сил (БЭС) под командованием сэра Д. Френча прибыли во Францию в конце августа 1914 г. К этому моменту Германия на Западном фронте располагала уже 7 армиями. Немцы стремились выполнить модифицированную версию плана начальника немецкого генерального штаба графа А. фон Шлиффена. Известно, что Вильгельм II относился к Британским экспедиционным силам как к «презренной маленькой армии». Однако все британские войска состояли из добровольцев, большинство из которых уже имели боевой опыт, полученный в ходе англо-бурского конфликта. Под командованием фельдмаршала сэра Д. Френча «презренные старые вояки», как теперь они с гордостью себя называли, вскоре доказали свою ценность в бою⁵⁵.

Немцы отдавали себе отчет в том, что Германии придется одновременно вести войну с Францией и Россией и выбирать, где сделать больший акцент. России потребовалось бы много недель, чтобы завершить мобилизацию своей армии, поэтому решительная победа в генеральном сражении на ранних этапах войны здесь была невозможна. Кроме того, в западной части Российской империи не было ни одной жизненно важной цели для немецкой армии. Немцы также были обеспокоены просторами России и скрытыми в них возможностями, которые были наглядно продемонстрированы в 1812 г.⁵⁶

⁵⁵ Tucker S. The Great War 1914-1918. London: UCL Press, 1998 – p.28.

⁵⁶ Ibid. p.20.

Поэтому было принято решение сконцентрироваться сначала на Франции – стране, представляющей наибольшую угрозу для Германии. Массированный немецкий удар, нанесенный в кратчайшие сроки, вывел бы ее из войны уже через шесть недель. После этого, воспользовавшись превосходной железнодорожной системой, Германия могла бы быстро переместить все свои военные ресурсы на Восток, чтобы вступить в войну с медленно мобилизуемой Россией, остановленной к тому времени в Восточной Пруссии минимальными немецкими оборонительными силами. Таким образом, Германия поставила все на быструю победоносную кампанию против Франции.

Немецкие вооруженные силы стояли всего в 70 км от Парижа, но в первой битве на Марне (6-12 сентября) французские и английские войска смогли заставить немцев отступить, воспользовавшись брешью, которая появилась между 1-й и 2-й армиями, закончив тем самым продвижение немецких войск во Франции. Трагедия Марны для французов заключалась в том, что они не смогли воспользоваться плодами успеха, так как их войска были слишком малочисленны и медлительны, чтобы преследовать противника. Однако французы все равно гордились этой победой, назвав ее «Чудом на Марне», расстроившим план А. фон Шлиффена и изменившим ход истории, так как эта битва не дала Германии осуществить блицкриг, в котором она нуждалась, что в итоге и привело ее к поражению в войне.

К концу сентября ситуация вдоль всего Западного фронта от реки Эна и до швейцарской границы зашла в тупик. Ни армия союзников с одной стороны, ни немецкая армия с другой не могли сдвинуться с мертвой точки на этом участке фронта. Если наступление и могло продолжиться, то только к северу от реки Эна, чтобы одна сторона смогла обойти другую с фланга, угрожая уничтожить ее линии коммуникации.

Так началась череда резких продвижений, поскольку каждая из сторон хотела окружить своих оппонентов. Из-за того, что все эти действия производились в северном направлении, они более известны как «Бег к морю». Ни одна из сторон, в действительности, не пыталась добраться до моря. Но так как на каждую попытку противника продвинуться на север другая сторона отвечала адекватно, то морской берег, наконец, действительно был достигнут, однако это так и не дало никому возможности совершить маневр и окружить врага⁵⁷.

Крах плана А. фон Шлиффена тяжело сказался на нервной системе начальника немецкого Полевого Генерального Штаба Х. И. Мольтке и стал причиной, по которой его на этом посту сменил бывший военный министр Пруссии Э. фон Фалькенхайм. Победа для Э. фон Фалькенхайма была синонимом триумфа на Западе. Крах плана А. фон Шлиффена исключил возможность полной победы над Францией до конца года. Не было также никакой вероятности, что в ближайшее время будет нанесен серьезный удар по Великобритании, так как кайзер не собирался посылать свой боевой флот в море для крупномасштабного сражения с британским флотом. Таким образом, к началу 1915 г. Франция продолжала представлять собой жизнеспособную военную силу. А британский флот, вопреки своему желанию не вступающий в генеральное сражение, продолжал действовать в Северном море и Ла-Манше, обеспечивая доступ Британии к сырью и торговли с внешним миром. Этот флот свободно мог в любой момент установить эффективную морскую блокаду Германии⁵⁸.

Несмотря на все это, Э. фон Фалькенхайм пришел к заключению, что операцию, которая должна была разрушить военные перспективы Франции и Великобритании, можно было начать еще до окончания 1914 г. Ее целью

⁵⁷ Prior R. The First World War. London: Cassell, 1999 – p.45.

⁵⁸ Ibid. p.47.

было пробиться к портам Кале и Дюнкерк, выиграв, таким образом, важную часть фронта и отрезав Великобритании прямое сообщение с Францией и Бельгией. В середине октября на небольшом участке Бельгии, находящимся под контролем союзников, Э. фон Фалькенхайм начал наступление, используя как своих ветеранов, так и новобранцев, а также массированный огонь артиллерии. Это событие вошло в историю как Первая битва за Ипр. Атаке подверглись в первую очередь БЭС. Сильно уступавшие числом и в вооружении, укрывшиеся в затопленных окопах, британская экспедиционная армия понесла тяжелые потери, потеряв в общей сложности убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести половину своего состава – 80 000 человек⁵⁹. Лейтенант 6 кавалерийской дивизии Д.Б. Бикерстет так описывал свои впечатления от сражения: «Первая битва за Ипр, можно сказать, началась 20 октября и эти три недели составляли один из самых критических периодов времени на всем Западном фронте. Только во время сражения на Марне и на начальном этапе немецкого наступления в марте 1918 г. была столь же серьезная ситуация»⁶⁰.

В 1927 г. по инициативе английской стороны на востоке города Ипр была установлена триумфальная арка в память о погибших здесь десятках тысяч солдат Содружества. Их имена были высечены на внутренних стенах арки, так чтобы каждый желающий мог ознакомиться с ними. На одном из фасадов же сооружения была сделана надпись: «Они украсили свои головы неувядающими венцами славы»⁶¹.

Термин «БЭС» зачастую употребляется исключительно для обозначения вооруженных сил, сражавшихся во Франции с августа 1914 г. и до первого боя за Ипр в октябре 1914 г. В дальнейшем после сражений за

⁵⁹ Первая битва при Ипре // Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar.info/battles/index.shtml?12> [дата обращения 19.11.2015]

⁶⁰ Bickersteth J.B. Op.cit. p.9.

⁶¹ The Menin Gate Memorial, Ypres, Belgium // The Great War. URL: <http://www.greatwar.co.uk/ypres-salient/memorial-menin-gate.htm> [дата обращения 23.02.2016]

Монс, Ле Като и Эну старая регулярная британская армия была уничтожена⁶². Как альтернатива БЭС 26 декабря 1914 г. были сформированы «Первая» и «Вторая армии». БЭС же осталось официальным названием британской армии во Франции и Бельгии на протяжении всей войны. Общее командованием БЭС до декабря 1915 г. осуществлял Д. Френч, которого впоследствии сменил генерал сэр Д. Хейг.

К декабрю 1914 г. численность БЭС резко увеличилась и составляла теперь пять армейских корпусов, разделенных между «Первой» и «Второй армиями». Так как численность регулярной армии резко сократилась, то приток новобранцев к этому времени начали обеспечивать за счет территориальной армии и добровольцев из армии лорда Г. Китченера. К концу августа 1914 г. им были сформированы шесть новых дивизий, а к марту 1915 г. их число увеличилось до двадцати девяти. Территориальная армия была также увеличена путем создания второго и третьего батальонов и формирования восьми новых дивизий. Благодаря притоку добровольцев в армии Г. Китченера и дальнейшей реорганизации вооруженных сил в июле 1915 г. была сформирована «Третья» армия». «Четвертая» и «Пятая» армии были сформированы позже в 1916 году⁶³.

К концу 1914 г. война на Западном фронте зашла в тупик, а траншеи растянулись от бельгийского побережья до швейцарской границы. В сентябре 1915 г. протяженность британской линии фронта составляла примерно 110 км. Солдаты проводили в траншеях в среднем около 8 дней подряд, пока не подходил конец их смены.

Все траншеи были соединены между собой системой ходов и разделены на три сектора: передавая линия, линия обеспечения и резерв. Окопы варьировались по глубине, но, как правило, они в среднем уходили

⁶² Chandler D. The Oxford History of the British Army. Oxford: Oxford paperbacks, 2003 – p.211.

⁶³ Tucker S., Roberts P.M. Op.cit. p.504.

под землю на четыре-пять футов. В районах с высоким уровнем грунтовых вод стенки окоп обкладывали мешками с песком. В идеале дно траншеи выстилалось досками, чтобы не дать солдатам увязнуть в грязи, а также строились блиндажи, чтобы защитить фронтовиков от осколков снарядов, однако эти укрытия, зачастую, предназначались исключительно для офицеров. Солдаты должны были спать прямо в окопах, а в дождь им приходилось пользоваться палатками и подстилками⁶⁴. Естественно, многие военнослужащие не были психологически подготовлены к подобным условиям жизни. Их Эмоциональное состояние как нельзя лучше характеризуют строки из стихотворения известного английского «окопного поэта» У. Оуэна:

Другие в рвоте кровью истекали,
 Один же утонул в грязи и кале.
 Все это кануло теперь во мрак.
 Но одного я не забуду: как,
 Прислушиваясь к стонам часового
 И к стуку сломанных его зубов,
 Когда снаряды падали и снова
 По крыше били, сотрясая ров, –
 Мы услышали крик его» Сейчас я вижу свет!» Но свет давно погас⁶⁵.

Подобные сцены буквально врезались в память молодым людям, разрушали их картину мира и подталкивая к дальнейшей переоценке ценностей. Некоторые участки фронта можно было охарактеризовать как горячие точки. Другие, напротив, оставались относительно спокойными во время войны. Однако даже в них были ежедневные потери из-за болезней,

⁶⁴ Miller M. G. Of Lice and Men // The World War I Primary Documents Archive. URL: <http://www.gwpda.org/medical/liceand.htm> [дата обращения 07.08.2015]

⁶⁵ Оуэн У. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.36.

артиллерийских обстрелов и работы снайперов. Настоящей напастью для солдат в окопах стали вши:

Сверкающие голые тела,
 Вопящие в зловещем ликованье.
 Скалящиеся лица друзей
 И сумбурные взмахи рук
 В едином кружатся угаре.
 Рубаха паразитами кишит:
 Солдат ее сорвал с проклятьями –
 От них Господь бы съежился, но не вошь.
 Рубаха запылала над свечой,
 Что он зажег, пока лежали мы⁶⁶.

Все вышеперечисленные напасти подрывали и без того невысокий моральный дух английских солдат. 10 марта 1915 г. началось крупное наступление союзников в районе Артуа. Британская армия напала на Нев-Шапель в попытке захватить хребет Ауберс. В этот день впервые была использована тактика подвижного заградительного огня, при котором все орудия ведут стрельбу по одному наблюдаемому рубежу, а затем сосредотачивают огонь на следующем рубеже. Пехота, находившаяся на безопасном расстоянии, продвигалась вперед синхронно со сменой рубежей, постепенно захватывая ранее занимаемые германскими войсками позиции.

Вот как эту операцию описывал капитан 4-го батальона Королевских фузилеров Ф.К. Гримвейд: «В 8 часов утра наша артиллерия обстреляла вражеские позиции и мы бросились в атаку. Индийцы и 25-я бригада не встретили практически никакого сопротивления, зато 23 бригада столкнулась с барьером из колючей проволоки, укрывшись за которым немцы вели огонь.

⁶⁶ Розенберг И. Рассвет в окопах // Журнальный зал / пер. Лукин Е.В. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2013/4/31r.html> [22.02.2016]

К 8:35 бригады с правого фланга и центра смогли укрепиться в деревне, но 23 бригада все еще несла серьезные потери. Тогда 25 бригада сделала небольшой маневр и ударила во фланг немецким подразделениям, которые вели бой против 23 бригады. К 11 часам утра деревня Нев Шапель была полностью в наших руках. Мы начали укреплять захваченные позиции под прикрытием артиллерии, которая эффективно выполняла поставленную перед ней задачу и не давала немцам подготовить контрнаступление»⁶⁷. Однако продвижение англичан вскоре замедлилось из-за проблем с логистикой и коммуникациями. Немцы же, воспользовавшись заминкой, все же начали свою контратаку, предупредив попытку захватить горный хребет. Так как британцы использовали приблизительно только одну треть своих артиллеристских снарядов, генерал сэр Д. Френч возложил ответственность за неудачу на нехватку боеприпасов, несмотря на успех начального нападения.

Все воюющие стороны подписали накануне войны международную конвенцию, запрещающую использование химического оружия в ходе боевых действий⁶⁸. Вместе с тем она не стала непреодолимым препятствием для развертывания крупномасштабной химической войны. Так, в ходе второго сражения за Ипр произошло массовое использование химического оружия. Город Ипр, расположенный в Бельгии, имел важнейшее стратегическое значение для обеспечения коммуникации с Великобританией. 22 апреля 1915 г., после двухдневной бомбардировки, немцы выпустили 168 тонн газа на поле битвы. Будучи более тяжелым, чем воздух, газ преодолел «ничью землю» и проник в британские траншеи. Зелено-желтое облако вызвало удушье у британских солдат и обратило многих из них в бегство, создав незащищенные 6 км фронта – большой промежуток в союзнической линии

⁶⁷ Grimwade F.C. Op.cit. p.28.

⁶⁸ IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны // ПРАВО.RU. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/18271779/15926345/> [07.08.2015]

обороны. Однако у немцев не хватило людей, чтобы воспользоваться брешью в обороне противника и быстро прибывшие канадские войска отбили немецкое наступление.

Газовая атака была повторена немцами два дня спустя и вызвала 5-километровый провал во франко-британской линии обороны, но возможность воспользоваться им снова была быстро потеряна. Успех предыдущего нападения не был повторен, так как союзники применили противогазы и другие контрмеры. О пользе противогазов можно судить по письму рядового Э. Томаса: «...снаряды оказались газовыми и нужно было срочно убираться из открытых траншей. Наша единственная трапеза за последние 30 часов была испорчена. Мы одели новые противогазы, но я не знал, что у моего был сломан левый глаз, поэтому 15 минут я вдыхал газ. К счастью, газа оказалось недостаточно, чтобы убить меня, иначе здесь мог бы быть маленький крест в память обо мне сейчас. Однако я был очень слаб и попрощался сам с собой, когда яд подействовал сильнее всего»⁶⁹. Солдаты на фронте находились в состоянии постоянной угрозы жизни от артиллерийских снарядов, пуль, а позже и атак с воздуха. Причем если профессиональные военные в целом были готовы к подобному раскладу, то для большинства добровольцев сложившаяся ситуация стала настоящим испытанием и проверкой нервной системы на прочность.

В конце весны союзники продолжили свою наступательную операцию в Артуа, целью которой был захват хребта Вими. Французская 10-я армия напала 9 мая после шестидневной бомбардировки и продвинулась на 4.8 км. Однако столкнувшись с массированным пулеметным огнем они были вынуждены отступить. Это дало шанс немцам перегруппироваться и начать

⁶⁹ Letter home by Edwin Thomas (2) // The Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9103/4419?bt=europeanaapi> [дата обращения 08.06.2015]

артиллерийский обстрел противника. К 15 мая наступление было остановлено, хотя борьба продолжалась вплоть до 18 июня.

В сентябре 1915 г. союзники начали новое наступление. Вместе с французами, которые продолжали вести боевые действия в Шампани, англичане начали наступление на Лоос. Подготовка этой операции заняла все лето. Согласно плану, англичане должны были действовать на достаточно большом протяжении фронта, чтобы создать простор для французских войск. Бомбардировка, которая была тщательно рассчитана посредством аэрофотосъемки, началась 22 сентября⁷⁰. Основная наступательная операция развернулась 25 сентября и поначалу достигла значительного прогресса, несмотря на сохранившиеся проволочные заграждения и пулеметные гнезда. Однако, вместо того, чтобы отступать, немцы приняли новую схему обороны: они успели создать несколько рядов оборонительных полос колючей проволоки и пулеметных гнезд до 8 км вглубь линии фронта. В результате в ходе сражения за Лоос англичане понесли тяжелые потери, не достигнув при этом практически никакой выгоды. Рядовой Э. Томас с ужасом писал об этом наступлении: «...в каждом ярде земли были воронки от снарядов, а вражеские ограждения были снесены... Мертвые тела лежали повсюду. Британские и немецкие тела вперемешку»⁷¹.

4 августа 1930 г. в 5 км. к северо-западу от Лооса сэром Н. Макриди был открыт мемориал в честь павших здесь 20 тыс. британских солдат. Как и многие другие мемориалы, этот был расположен на территории военного кладбища, по периметру которого находилась 15-ти футовая стена. На этой стене были закреплены мемориальные таблички с именами солдат, погибших в ходе сражения за Лоос. Среди них можно встретить имя Д. Киплинга –

⁷⁰ Bailey J. B. A. Field artillery and firepower. Annapolis: Naval Institute Press, 2004 – p.245.

⁷¹ Letter home by Edwin Thomas (2) // The Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/wwlit/gwa/document/9103/4418?bt=europeanaapi> [дата обращения 08.06.2015]

единственного сына известного писателя Р. Киплинга, который долгое время считался пропавшим без вести⁷².

Когда Великобритания объявила войну Германии в августе 1914 г., то в обществе не произошло внезапной вспышки ура-патриотизма. Желавших пойти на службу было не особо много. Главная задача пропаганды в эти годы заключалась в том, чтобы сплотить представителей среднего и высшего классов. Так, в начале Первой мировой войны в англо-французской прессе очень широко были распространены различного рода публикации о зверствах немцев на оккупированной территории Франции, вплоть до леденящих душу рассказов о поднятых на штыки младенцах, отрубленных детских ручках и об изнасиловании монахинь. Эта пропаганда ужасов, по большей части фальсифицированных, имела большую силу воздействия на массовое сознание противника⁷³.

В статье «Таймс» от 7 августа 1914 г. содержался призыв Г. Китченера отправиться на военную службу. Прямо под королевским гербом были напечатаны знаменитые слова «Ваш король и ваша страна нуждаются в вас». Это отпечаталось в умах всех мужчин старше 19 и моложе 30 лет⁷⁴.

Однако новобранцы не спешили вставать под ружье. Многие долго не могли принять окончательного решения. Д. Сингльс, который служил в военкомате на Уайтхолле, отметил, что среди добровольцев «все ворчали, поскольку большинство из них были вынуждены покинуть хорошую работу»⁷⁵. Меньше всего солдат явилось на призывные пункты 22 и 23 августа. До этого момента многие все еще полагали, что 100 тыс. человек

⁷² LOOS MEMORIAL // Commonwealth war graves commission. URL: <http://www.cwgc.org/find-a-cemetery/cemetery/79500/LOOS%20MEMORIAL> [9.02.2016]

⁷³ Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Российское военно-историческое общество. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/obraz-vragha-v-soznanii-uchastnikov-piervoi-mirovoi-voiny> [дата обращения 06.08.2015]

⁷⁴ Fletcher A. A. New Moral Order: Britain at the Start of the Great War // History Today. URL: <http://www.historytoday.com/anthony-fletcher/new-moral-order-britain-start-great-war> [дата обращения 06.08.2015]

⁷⁵ Ibidem.

будет достаточно. 25 августа было объявлено, что первоначальная цель по набору 100 тыс. добровольцев практически выполнена.

Плохие новости появились в прессе в течение первых трех недель после начала войны. Так, например, 25 августа в «Таймс» вышла статья, посвященная отправке БЭС в Монс. А. Мур, автор статьи, писал: «Я видел множество разбитых полков. Мы должны учитывать тот факт, что БЭС понес тяжелые потери и им требуется подкрепление»⁷⁶. Это произвело мгновенный эффект. В номере лондонской газеты от 29 августа был опубликован еще один призыв Г. Китченера, которому были необходимы еще 100 тыс. добровольцев. Вербовка достигла своего пика к сентябрю 1914 г. Это было закономерно, так как большинство молодых людей наконец отошли от шока, оценили ситуацию и смогли принять свое решение.

Больше всего откликнулись наиболее молодые люди. Г. Гринвеллу, например, только исполнилось 18 лет в октябре, и он направлялся в Оксфорд для того, чтобы стать церковнослужителем. Однако вместо этого он пополнил число добровольцев в Солсбери. В воскресенье в обеденный перерыв он отправился со своими друзьями в паб, который располагался в близлежащей деревушке, откуда Грэм позвонил домой своей матери и оповестил ее о своем решении. У. Спенсер записался на службу по пути из школы. Его отец, видя, что его сын настойчиво хочет пораньше окончить школу, убедил его сделать это по ускоренному курсу в военной академии Сандхерст⁷⁷.

Особенностью этого периода было формирование «приятельских батальонов». Они состояли из мужчин, работавших на одном заводе, банке, игравших в одной футбольной команде. Впервые эта идея была предложена на общественном собрании лордом Дерби. Всего за три дня он собрал

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Ibidem.

достаточно добровольцев, чтобы сформировать три батальона. Лорд Г. Китченер официально поддержал эту инициативу и результат был впечатляющим. В Манчестере были сформированы девять «приятельских батальонов» (плюс три резервных).

Часть патриотически настроенных активисток движения за предоставление женщинам избирательных прав выступали с инициативой, суть которой сводилась к тому, чтобы пристыдить мужчин призывного возраста, не отправившихся на фронт: с этой целью члены организации должны были раздавать этим мужчинам белые перья, символизирующие трусость.

Однако патриотический подъем, охвативший на время какую-то часть английского общества, имел ряд специфических черт. Во-первых, в отличие от Германии в Англии не было «культивированного патриотизма». В качестве патриотических мотивов выступали моральные обязанности перед Францией и Бельгией, необходимость сохранения доброго имени и престижа в мире. Участие в войне расценивалось как дело чести: невмешательство выглядело бы «неспортивно». Это был патриотизм идеальный, поскольку правда, которую собирались защищать английские добровольцы, не рассматривалась как правда собственно Англии, но как правое дело всех наций. Во-вторых, сюда добавлялись своеобразные мессианские и патерналистские мотивы, касающиеся особой роли англичан в спасении Европы и цивилизации от пруссачества и долга Великобритании как великой державы защищать интересы малых наций. В-третьих, среди воинствующих патриотов были не только джингоисты, но и люди с пацифистскими взглядами. Эту странность можно пояснить тем, что пацифизм выступает на двух уровнях: как моральное убеждение, протестующее против войны вообще и провозглашающее тотальное разоружение, и как политическая идея, направленная на предотвращение войны и даже признающая

контролируемое использование военной силы для этой цели. Поэтому для привлечения пацифистов к войне необходимо было, чтобы они увидели в противнике главное препятствие к достижению мира, а цели войны должны быть представлены в высшей степени рациональными и идеальными⁷⁸. И в целом пропаганда справилась с данной задачей.

Тем не менее, почти 40% добровольцев было отказано по медицинским показаниям. Недоедание было широко распространенной проблемой. Средний рост юношей из рабочего класса составлял 160 см, тогда как в высших классах он был равен 171 см. Г. Китченер настаивал на том, что Англия должна подготовить большую армию на случай длительной войны. Он утверждал, что британцы должны развернуть полномасштабную мобилизацию, как это было сделано в Германии и Франции. Его целью было собрать 70 дивизий и для этого ему требовалось около 92 тысяч человек ежемесячно, что значительно превышало число добровольцев. Очевидным решением было введение обязательной воинской повинности, которая широко обсуждалась в политических кругах. Многие либералы, включая премьер-министра Г. Асквита, были настроены категорически против подобной меры. Однако, несмотря на это, законопроект, предусматривавший введение обязательной воинской повинности для мужчин в возрасте от 18 до 41 года, был внесен в парламент в январе 1916 г.

Изначально призыву подлежали только не женатые мужчины и бездетные вдовцы, но в мае 1916 г. он был также распространен и на женатых мужчин, а в апреле 1918 г. верхняя возрастная планка была повышена до 50 лет. Ирландия, которая входила на тот момент в состав Великобритании, была исключена из этой схемы (позже предложение ввести

⁷⁸ Хмелевская Ю.Ю. Британские фронтовики в 1914 - 1916 гг.: от эйфории патриотизма к психологии «Большой войны» // Из британской истории нового и новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992. с.53.

в Ирландии обязательную воинскую повинность обернулись усилением позиций Шинн Фейн и новым витком борьбы за независимость).

Как и ожидалось в правительстве, призыв шел не совсем гладко. Матери в Литл Кросби в Мерсесайде выступали против идеи призыва на военную службу. 4 августа Сын М. Эго, графини Вемисса, присоединился к Глостерширским Гусарам; 9 августа она увидела их парад напротив местного собора. Только несколько лет спустя она вспомнит этот момент, когда смотрела на «тихие и серьезные» лица молящихся солдат, а также отметит, что «до меня тогда впервые дошло, что они отправляются на войну»⁷⁹. Она вела дневник с тех пор, как ей исполнилось 16 лет, но ненадолго забросила его в тот месяц, объясняя это тем, что «война вызвала такое страдание и бесконечное горе у стольких людей, что ничто, кажется, не имеет больше значения»⁸⁰.

Приток «штатских» в вооруженные силы привел к существенному изменению традиционного образа английских военных. Уже весной 1915 г. американский военный корреспондент, излагая впечатления от поездки на английский участок фронта, обращал внимание на смену типажа среднего солдата: «Это не Томми Аткинс. Это Джон Буль, средний англичанин. Достаточно провести минуту с английской армией, чтобы понять это. Томми Аткинс – это тот, о ком песни Киплинга, а о Джоне Буле песен никто не слагал. Джон Буль верит, что его дом – его крепость, собственно, эта вера и привела его сюда. Он исправно платит налоги, имеет дом, сад и семью и в мирное время путешествует только между местом жительства и местом работы»⁸¹. Офицерский корпус, ранее претендовавший на роль закрытого аристократического клуба, был вынужден допустить в свои ряды так

⁷⁹ Цит. по: Fletcher A. A. Op.cit.

⁸⁰ Цит. по: Ibid.

⁸¹ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. «Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морали британской армии в 1914-1918 гг. // Государственный специализированный институт искусств. URL: http://www.gsii.org/brit_sport_ww1.htm [дата обращения 06.08.2015]

называемых «временных джентльменов» и нижних чинов, офицеров без патента, которые не соблюдали джентльменских традиций – не посещали скачек и гвардейских клубов, не знали, как пить за здоровье короля, никогда ранее не отдавали приказов подчиненным, не умели сидеть ни в каком седле, кроме велосипедного, обращались друг к другу гражданским словом «мистер» и сами носили свои ранцы. Хотя большинство этих людей присоединилось к армии добровольно, соображения карьеры и славы мало прельщали их. Многочисленные свидетельства говорят о том, что, будучи выходцами из социализированных и «одомашненных» категорий населения, они достаточно ясно осознавали временность своей новой социальной роли и в то же время приносили в военную среду привычные для них модели поведения и элементы повседневной бытовой жизни, вплоть до знаменитых «файв-о-клоков». Наряду с легкомыслием по отношению к военной атрибутике и наивностью в области технологии и тактики эта любовь к комфорту стала буквально притчей во языцех среди союзников применительно к англичанам, особенно на ранней стадии войны⁸².

К 1916 г. Э. фон Фалькенхайн посчитал, что прорыв оборонительной линии немцев более невозможен, и сосредоточился на принуждении французской армии к капитуляции, причиняя им значительные потери. Его штаб разработал две новых стратегии. Во-первых, ставка была сделана на начало неограниченной подводной войны, чтобы отрезать союзников от поставок вооружений и амуниции, поступающих из-за океана⁸³. Во-вторых, Э. фон Фалькенхайн рассчитывал на крупные потери союзников во время их наступательных операций на Западном фронте. Нанеся максимально возможный урон, он позже планировал атаковать их позиции, с которых французы не могли отступить по причине их стратегической важности и в

⁸² Там же.

⁸³ Hull I. V. *Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 – p.295-296.

связи с чувством национальной гордости, заманив их тем самым в ловушку. Для подобного наступления в итоге был выбран город Верден, так как это была своего рода крепость, окруженная кольцом фортов, находящихся около немецких оборонительных линий. Кроме того, Верден открывал прямой путь на Париж⁸⁴.

Э. фон Фалькенхайн сконцентрировал свою атаку на протяжении 4.8-6.4 км фронта, чтобы обрушить на противников свою максимальную огневую мощь и предотвратить возможность прорыва из-за контрнаступления. Битва началась 21 февраля 1916 г. Немецкая артиллерия обстреляла французские позиции. Тысячи снарядов обрушились на французских солдат. Бомбардировка сделала отступление для французов невозможным и они застряли на тех позициях, на которых они находились. Всего за один день сражения французы потеряли около 3 тысяч человек. Немцы продвигались шаг за шагом и 25 февраля они смогли захватить форт Дуамон. Командир французской армии генерал Ж. Жоффр приказал своим подчиненным удерживать Верден. Командовать обороной был назначен генерал Ф. Петен. Он взял под личное командование координацию действий артиллерии и установил контроль над дорогой в Бар-ле-Дюк. Позже А.Ф. Петен реквизирует тысячи грузовиков, чтобы обеспечить снабжение Вердена по этой дороге жизни⁸⁵.

Весной Ф. Петена, который придерживался оборонительной тактики, сменил на посту Р. Нивель. При нем французы попытались отбить форт Дуамон 22 мая, но были легко побеждены. Более того, немцам 7 июня с помощью газовой атаки удалось захватить форт Во. Только летом французы смогли начать медленное продвижение. В ноябре они вернули себе форт Во,

⁸⁴ Foley R. T. German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the Development of Attrition, 1870–1916. NY: Cornell University Press, 2005 – p.207-208.

⁸⁵ Morrow J. The Great War An Imperial History. London: Routledge, 2005 – p.125.

а в декабре 1916 отбросили немцев на 2,1 км от форта Дуамон. Битва при Вердене стала символом французского самопожертвования.

Командование союзников было обеспокоено возможностями французской армии противостоять огромным потерям, понесенным в Вердене. В результате было принято решение пересмотреть первоначальные планы наступления на реке Сомме. Основные усилия в этой битве теперь должны были приложить английские войска. Это должно было ослабить давление на французов и русских, которые также понесли большие потери на Восточном фронте. 1 июля, после недели проливных дождей, британские подразделения в Пикардии начали свое наступление при поддержке пяти французских дивизий на правом фланге⁸⁶.

Атаке предшествовали семь дней ожесточенных артиллерийских обстрелов. В 7:30 утра 100 тысяч британских солдат вышли из своих окопов и построились в четыре ряда с интервалами по 50 и 100 ярдов по направлению к немецким укреплениям. Поле битвы казалось свободным от противника. В приподнятом настроении некоторые батальоны начали играть в футбол и объявили приз тому, кто первым отправит мяч в немецкие траншеи. Внезапно по ним ударили немецкая артиллерия и пулеметы. Элитные немецкие пулеметчики уничтожали целые бригады, прежде чем они смогли вернуться на свои первоначальные позиции. Другие британские войска продвигались вперед, но их неопытные артиллеристы, испугавшись того, что они могут подстрелить своих людей, перешли на более далекие цели слишком рано, оставив пехоту на пустыре перед необрезанной колючей проволокой и невредимым противником. Только в нескольких местах англичане смогли захватить первую немецкую линию обороны и даже продвинуться дальше, но им пришлось отступить с занятых позиций из-за

⁸⁶ Ibid. p.132.

смертоносных немецких контратак. Офицер У.Г. Шоу и рядовой У. Хей описывали атаку их подразделения, как «резню» с «кучей мертвых людей повсюду». У. Хей с горечью заключал: «Мы всегда винули людей сверху. В армии мы говорили «Чем выше, тем меньше». Это означало, что чем выше у тебя звание, тем меньше мозгов». Канадский солдат, Р. Коррелл признался в письме своей сестре, что офицеры, которые «бросили людей в эту грязь иногда «случайно» бывают застрелены во время атаки»⁸⁷. «Везде траншеи, обломки техники, обрывки одежды (местами окровавленные), солдатская амуниция, инструменты, фуражки и т.д. – писал капитан Дж. Патэрсон. – Во всех направлениях лежат несчастные застреленные парни. Некоторые из них – наши однополчане, кое-кто еще из той бригады, что воевала на этой земле до нас, и много немцев. Тела всех разорваны и изуродованы»⁸⁸.

1 августа 1932 г. близ деревни Сипвел в торжественной обстановке при участии принца Уэльского и президента Франции был открыт мемориал, посвященный 72 тыс. британским солдатам, погибшим и пропавшим без вести в период с 1916 по 1918 гг. в ходе сражения на реке Сомме. Однако так как он был расположен на территории небольшого кладбища, на территории которого были захоронены также французские военнослужащие, то мемориал в Сипвеле принято считать англо-французским. Остальные государства – союзники, военнослужащие которых погибли на Сомме, предпочли увековечить память о них на территории своих стран⁸⁹.

9 февраля 1917 г. немецкие войска вынуждены были начать отступление к оборонительной линии Гинденбурга на северо-востоке Франции. Позади себя они оставили только выжженную землю, которую чуть позже заняли союзники. Эта перегруппировка войск позволила немцам

⁸⁷ Цит. по: Ibidem.

⁸⁸ Цит. по: Ткаченко Д.С. Первая мировая война глазами британских солдат // Новая и новейшая история. 2014. №6. С.62-71.

⁸⁹ THIEPVAL MEMORIAL // Commonwealth war graves commission. URL: <http://www.cwgc.org/find-a-cemetery/cemetery/80800/THIEPVAL%20MEMORIAL> [09.02.2016]

избежать запланированного французами наступления на Нуайон. Британское руководство придерживалось другой точки зрения, настаивая на том, что это было следствием больших потерь, понесенных немцами под Верденом и на Сомме. Однако следует учитывать тот факт, что союзники понесли в этих сражениях ничуть не меньшие потери.

Между тем, 6 апреля США объявили войну Германии. В начале 1915 г., после гибели «Лузитании», Германия прекратила свою неограниченную подводную войну в Атлантике из-за проблем, связанных с возможным вовлечением США в конфликт. С ростом недовольства немецкой общественности в связи с нехваткой продовольствия, однако, правительство возобновило неограниченную подводную войну в феврале 1917 г. Германия рассчитывала, что успешная морская блокада вынудит Великобританию выйти из войны в течение шести месяцев, в то время как американцам потребовался бы как минимум год, чтобы стать серьезной силой на Западном фронте. Морская блокада имела определенный успех в течение короткого времени, однако вскоре Британия прибегала к системе конвоя, в результате чего добилась значительного снижения потерь груза⁹⁰.

7 июня началось британское наступление на горный хребет Мессинес, чтобы вернуть утраченные в первой и второй битве при Ипре позиции. Для преодоления вражеских траншей воюющие стороны были вынуждены использовать подрывные снаряды. Чтобы проникнуть на занимаемые противником рубежи, приходилось рыть длинные туннели через «ничью землю». Эти туннели, называемые минами, проводились под вражескими укреплениями и начинялись взрывчаткой. Британская армия обычно применяла кордит – мощное взрывчатое вещество, которое легко можно было подорвать на расстоянии.

⁹⁰ Griffiths W. R. The Great War. Wayne: Avery Publishing Group, 1986 – p.144-145.

В итоге британские военные инженеры прорыли под хребтом Мессинес целую систему туннелей, заложив в них около 500 тонн взрывчатки. После четырех дней ожесточенных бомбардировок, взрывчатые вещества в 19 из этих шахт были взорваны, в результате чего погибли 10 000 немцев. Это позволило британской пехоте захватить хребет в течение дня. Капитан В. Г. Гриви так описывал эти события: «Длинные отрезки первой и второй оборонительных линий немцев были полностью уничтожены, не оставив ни одной живой души; опорные пункты и пулеметные гнезда просто исчезли с карты. Пока наша пехота полностью не миновала первую оборонительную линию, она даже не столкнулась с каким-либо достойным сопротивлением. Немецкий гарнизон, охранявший хребет, выглядел ошеломленным; толпы людей, которые несколькими месяцами ранее и многие недели спустя готовы были сражаться с нами, теперь поднимали руки вверх от отчаяния. Сотни немцев просто перестали существовать; никаких следов их тел не было найдено ни тогда, ни после. Однако главным достижением операции стали не тяжелые потери противника, а тот эффект, который она оказала на оставшихся в живых немцах»⁹¹.

25 июня первые американские войска начали прибывать во Францию, образуя американский экспедиционный корпус. Тем не менее, американские военнослужащие не спускались в окопы до октября. Прибывшие войска нуждались в подготовке и в дополнительном снаряжении, прежде чем они могли бы объединить усилия с союзниками. Несмотря на это, присутствие американских солдат вдохновляло французов и англичан, придавало им надежды на лучшее.

20 ноября британское руководство инициировало первую массированную танковую атаку во время битвы при Камбре. Союзники в

⁹¹ Grieve W.G. Op.cit. p.246.

этом сражении располагали 338 танками, 39 из которых находились в резерве, а также восемь пехотными дивизиями против двух немецких дивизий. В 6 ч 20 мин 20 ноября артиллерия 3-й английской армии образовала подвижной огневой вал, под прикрытием которого танки пошли вперед; за ними шла пехота. Танки свободно преодолевали укрепленные линии, уничтожая или разгоняя защитников и открывая дорогу своей пехоте. Обе германские дивизии обороны были смяты. Гарнизон обороны частично в панике бежал, частично был захвачен в плен. Оборонительный рубеж Гинденбурга оказался прорванным. Но достигнутый успех вследствие неумелого управления не был развит. Английская пехота и конница начали топтаться на месте, танки же понесли большие потери и при движении вперед оторвались от пехоты, которая сильно отставала. Фактически в течение 20 и 21 ноября на подступах к Камбре немцев почти не было, если не считать мелких команд и отдельных батальонов, переброшенных на автомобилях⁹².

4 августа 1930 г. в 16 километрах к юго-западу от Камбре был установлен мемориал в память о 7 тыс. британских военнослужащих, погибших здесь в декабре 1917 г. Над его созданием работали дизайнер Г.Ч. Бредшоу и скульптор Ч.С. Джаггер, а в торжественной церемонии открытия участвовал генерал-лейтенант сэра Л.Р. Вон. Данный мемориал и по сей день стоит на территории военного кладбища, расположенного неподалеку от деревни Лювервал, где были захоронены 124 участника Первой мировой войны⁹³.

После успешной атаки союзников и их проникновения вглубь оборонительной линии немцев на Камбре, Э. Людендорф и П. фон

⁹² Зайончковский А. Указ. соч. с.692.

⁹³ CAMBRAI MEMORIAL, LOUVERVAL // Commonwealth war graves comission. URL: <http://www.cwgc.org/find-a-cemetery/cemetery/79300/CAMBRAI%20MEMORIAL,%20LOUVERVAL> [9.02.2016]

Гинденбург пришли к выводу, что единственная возможность для Германии победить в войне заключается в решительной атаке на Западном фронте весной 1918 г., прежде, чем американское военное присутствие стало бы значительным. 3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир и Россия вышла из войны. Это позволило немцам переправить с Восточного фронта на Западный фронт 33 освободившиеся дивизии и обеспечить численное преимущество перед союзниками.

Стратегия Людендорфа сводилась к тому, чтобы начать крупное наступление против англичан, чтобы отделить их от французов, а затем оттеснить их к портам. Успех наступления должно было обеспечить взаимодействие штурмовых отрядов, авиации, танков и тщательно спланированной артиллерийской бомбардировки, включающей газовые атаки.

Операция «Майкл» – первое из немецких весенних наступлений. В ходе него немцам почти удалось разъединить Союзнические армии. Кроме того, немецкая армия продвинулась приблизительно на 64 км в течение первых восьми дней и переместила линию фронта больше чем на 100 км на запад, впервые с 1914 г. приблизившись к Парижу на расстояние достаточное для проведения артобстрела.

Продвижение немцев помогло союзникам договориться об объединенной системе командования армией. Генерал Ф. Фош был назначен командующим всех союзных войск во Франции. Объединенные силы союзников могли теперь лучше отвечать на немецкие атаки и сражение превратилось в битву на истощение. В мае к активным боевым действиям перешли американцы, одержав свою первую победу в сражении при Кантини. В июле Ф. Фош начал контр наступление на Марне. Практически одновременно с ним началась операция союзников в Амьене.

Немецкая армия за годы войны практически истощила свои людские ресурсы. Экономика страны также переживала не лучшие времена, в обществе росло недовольство. Благодаря этому страны Антанты смогли обеспечить себе численный перевес на Западном фронте. Стодневное наступление, начавшееся в августе 1918 г., оказалось последней каплей. После череды поражений немецкие солдаты начали массово сдаваться в плен союзническим войскам.

Неудачи на Западном фронте принудили немецкое правительство и его союзников просить заключения мирного договора, даже не смотря на успех немецкой армии на других фронтах. В результате условия мирного соглашения Германии продиктовали Великобритания, Франция и США. Итоговый договор был подписан делегацией нового немецкого правительства в Версале в июне 1919 г.

Из всего этого можно сделать вывод, что после начала Первой мировой войны в 1914 г., немецкая армия открыла Западный Фронт, вторгнувшись в Люксембург и Бельгию, дав тем самым формальный повод для вступления в войну Великобритании. Немецкое наступление продолжалось вплоть до сражения на Марне, где оно было остановлено совместными усилиями англо-французских войск. Далее начался так называемый «Бег к морю», в результате которого противники, укрывшись в целой системе фортификационных сооружений, затаились буквально друг напротив друга. Линия фронта, остававшаяся практически неизменной большую часть войны, простиралась к тому времени от Северного моря до швейцарской границы с Францией.

Между 1915 и 1918 гг. на Западном фронте было организовано несколько крупных наступательных операций британской армии. Наиболее кровопролитными из них были битвы при Ипре, Нев-Шапель, Лоосе, Камбре, а также операция на Сомме. В ходе только последней из них англичане

потеряли 420 тыс. человек⁹⁴, поэтому неудивительно, что названия полей битв, расположенных в Северной Франции и Бельгии, а также изображения пустынных, пострадавших от войны пейзажей, разрушенных деревень и измученных солдат, занимающих отвратительно грязные, наполненные грызунами траншеи, доминировали в сознании английского общества в межвоенный период. В результате Западный фронт превратился для англичан в своего рода «место памяти», о чем свидетельствуют десятки кладбищ и мемориальных сооружений на местах бывших сражений.

Также необходимо отметить, что указанные события стали для британской армии настоящим испытанием. К началу 1914 г., ее численность значительно уступала французской и немецкой армиям. В основном это было связано с тем, что до 1916 г. подразделения британских вооруженных сил формировались исключительно из добровольцев. Огромные потери англичан уже в первые месяцы войны серьезно обострили вопрос, связанный с комплектованием войск. Нехватку добровольцев было решено возместить за счет крупномасштабной агитационной кампании, развернувшейся на государственном уровне.

Активная работа пропагандистов, взывавших к патриотическим чувствам граждан, а также убеждавших людей в том, что Великобритания воюет за правое дело, оказалась весьма успешной. На фронт отправились еще несколько сотен тысяч человек, среди которых оказались даже пацифисты, доверившиеся словам агитаторов о том, что эта война велась против агрессоров и ради защиты мирного неба над головой. Введенные в заблуждение пропагандой добровольцы в основной своей массе не представляли себе, с какой войной им предстоит столкнуться. Лишь

⁹⁴ Morrow J. Op.cit. p.135.

немногие предвидели ее затяжной и беспрецедентный в плане жестокости характер.

Под влиянием новых потерь в ходе кампании 1915 г. и особенно после начала сражения на реке Сомме поток патриотически настроенной молодежи значительно сократился, что заставило английское правительство ввести в стране непопулярную всеобщую воинскую повинность.

Таким образом, в результате добровольного набора и череды мобилизационных волн, проводившихся в 1916 – 1918 гг., в состав действующей армии влились сотни тысяч молодых англичан. Под влиянием суровых реалий войны и ослабления патриотической эйфории в их сознании начала складываться негативная интерпретация событий мирового конфликта.

1.2. Коммеморация Первой мировой войны в Великобритании в 1920-х годах.

Французский исследователь П. Нора отмечал, что коллективная память всегда активизируется в самые сложные моменты жизни общества⁹⁵ и Англия после Первой мировой войны оказалась именно в таком положении. Война затронула и изменила большинство аспектов хозяйственной и социальной жизни страны. Многие устои довоенного общества теперь подвергались нападкам. Больше всего это касается церкви, которая понесла большие потери во время войны, исключая, возможно, только католиков, удержавших свои позиции в Ирландии. Формально Великобританию все еще можно было назвать верующей страной. Однако церкви, служившие моральным ориентиром для людей викторианской эпохи, теперь все чаще страдали от нехватки прихожан, отсутствия финансирования и снижения

⁹⁵ Нора П. Указ. соч. с.91.

своего авторитета. Этой участи не избежали даже храмы на севере и в Уэльсе, где позиции церкви всегда были особенно крепки. С большим трудом после войны англиканская церковь сохранила свой национальный статус. Архиепископы, такие как Р. Дэвидсон и К. Лэнг, сохраняли прежнюю риторику, взывая к сплочению и дисциплине, но их призывы становились все менее эффективными⁹⁶.

Серьезный спад в межвоенный период наблюдался в экономике Великобритании. Обещания правительства построить лучшее общество, в котором был бы более высокий уровень жизни граждан и не было бы безработицы, оказались невыполнены. Кризис с особой остротой проявился в основных отраслях английской промышленности, являющихся ведущими в то время, когда Англия была «промышленной мастерской мира», в таких, как угольная, текстильная промышленности и судостроение. Если в довоенный период для этих отраслей было характерно замедление их роста, то после войны для них начался период упадка. Техническая и организационная отсталость английской угольной промышленности не была преодолена после Первой мировой войны. Резко сократилась добыча угля, составлявшая в 1925 г. 243 миллиона тонн по сравнению с 287 миллионами тонн, добытыми в 1913 г. Снижился экспорт угля. Упадок переживала и текстильная промышленность. В 1926 г. в Англии было изготовлено 1300 миллионов фунтов хлопчатобумажной пряжи по сравнению с 1920 миллионами фунтов в 1913 г. Сокращалось количество рабочих-текстильщиков. Многие текстильные фабрики шли на слом. Действовавшие фабрики работали на устаревшем оборудовании 40–50-летней давности. В крайне тяжелом положении находилось английское судостроение. Удельный вес Англии в

⁹⁶ Morgan K.. Twentieth-Century Britain: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2000 –. p.23.

мировом тоннаже торгового флота сокращался, уменьшалась и доля Англии в тоннаже судов, спущенных на воду⁹⁷.

С. Болдуин связывал возрождение экономики страны с восстановлением нормального функционирования мировой торговли и экспортных рынков Британии. Поэтому основные усилия консерваторов были направлены на возвращение к золотому стандарту, сбалансирование бюджета за счет сокращения жизненного уровня населения, т.е. на реставрацию предвоенной финансовой системы⁹⁸.

Однако возврат страны к золотому стандарту в 1925 г. привел лишь к девальвации фунта, английские товары (уголь, сталь, машины, текстиль, корабли) подорожали, а доля Великобритании на мировом рынке экспорта резко сократилась.

Из всех отраслей промышленности Англии больше всего пострадала от восстановления золотого стандарта угольная промышленность. В течение непродолжительного времени, в 1923 и 1924 гг., угольная промышленность переживала период процветания, искусственно вызванного французской акцией в Рура, которая привела к резкому сокращению немецкого производства и экспорта. Прекращение оккупации Рура в 1924 г., а также план Дауэса и крупные американские капиталовложения снова увеличили экспорт Германии; вскоре во всем мире началась общая депрессия, вызванная снижением спроса на уголь и резкое снижение его экспортной цены⁹⁹.

Безработица и сокращение заработной платы вызвали серьезные последствия в промышленных районах, где забастовки стали обычным

⁹⁷ Мэррей Дж. Всеобщая стачка 1926 года в Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1954 – с.11.

⁹⁸ Торопова С.Ю. Дэвид Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века // Британская история XIX-XX веков: люди, события, идеи / Под ред. А.Г. Четваева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1997. с.159.

⁹⁹ Мэррей Дж. Указ. соч. с.40.

явлением. Резкое падение экспорта угля, а также отказ правительства национализировать угольную промышленность и принудить владельцев шахт решить вопрос с заработной платой рабочих привели к началу беспорядков. Владельцы шахт не желали идти на компромисс. Правительство, в свою очередь, отказалось продолжать переговоры под угрозой всеобщей забастовки: «На прошлой неделе, – сказал премьер-министр, – крупное объединение профсоюзов предъявило нам свои требования. И если нам еще раз предстоит столкнуться с подобными угрозами, то разрешите мне заранее сказать, что в свободной стране никогда еще меньшинству не удавалось принудить к чему-нибудь все общество»¹⁰⁰. 4 мая 1926 г. началась всеобщая стачка, но отсутствие поддержки от профсоюзов, использование штрейкбрехеров, а также непримиримость правительства постепенно измотали шахтеров и вынудили их отступить. Шахтеры потерпели неудачу и вышли на работу с меньшей заработной платой и более продолжительным рабочим днем.

В 1919-1921 гг. ирландский вопрос стал причиной кровопролития и поставил под сомнение территориальную целостность Великобритании. Война развязала руки ирландским националистам, которые ждали удобного случая, начиная с того момента, когда британское правительство отсрочило принятие закона о самоуправлении в Ирландии в 1914 г. В апреле 1916 г. английское правительство решило арестовать всех членов революционных организаций. Стало очевидно, что если не принять немедленных мер, все революционное движение будет обезглавлено и дезорганизовано. Число сторонников восстания возросло. Начало восстания было назначено на 24 апреля – второй день Пасхи. Главнокомандующим всеми военными силами повстанцев был назначен Д. Конноли¹⁰¹. В ходе Пасхального восстания было

¹⁰⁰ Цит. по: Там же. с.52.

¹⁰¹ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959 – с.240.

убито множество британских чиновников, захвачены административные здания, в результате чего мирное решение проблемы стало невозможным.

После подавления восстания английские власти начали жестокие карательные меры. Военно-полевые суды приговаривали к расстрелу на месте. Расстреляны были почти все руководители восстания, в том числе Д. Конноли; раненный в сражении, он был расстрелян в лежачем положении на носилках. Около двух тысяч участников восстания были брошены в тюрьмы, интернированы или высланы. Английские колонизаторы жестоко мстили за страх, пережитый ими в дни восстания. Они надеялись, что суровые репрессии надолго покончат в революционным движением в Ирландии¹⁰².

Однако британское правительство упустило возможность изолировать важных ирландских заключенных. Так, лагерь для интернированных Форгоч на севере Уэльса, позже более известный как «Университет Шинн Фейн», собрал многих, кто вскоре стали ключевыми фигурами в борьбе за независимость, включая М. Коллинза и Р. Мулкахи. В 1918 г. после успешных выборов в парламент члены Шинн Фейн отказались занимать их места в Вестминстере и сформировали Дойл Эрен (Палата представителей Ирландии), провозгласив Ирландскую республику 21 января 1919 г.¹⁰³.

Так началась война против британского правительства, продлившаяся до декабря 1920 года, когда число жертв с обеих сторон, наконец, привело к принятию Акта об ирландском правительстве. Закон разделил страну на Северную Ирландию и Южную Ирландию, дав обеим сторонам гомруль (самоуправление), но сохраняя за Вестминстером налоговые полномочия. Казалось, что никто в Ирландии не был удовлетворен соглашением и партизанская война усилилась. Коалиционное правительство в Лондоне

¹⁰² Там же. с.241.

¹⁰³ Morgan K. Op.cit. p.15.

окончательно убедилось в необходимости политики примирения и в июле 1921 г. перемирие было заключено, а за ним в декабре последовал англо-ирландский договор.

Главным образом благодаря угрозам войны до победного конца, Д. Ллойд Джорджу удалось убедить ирландскую делегацию во главе с М. Коллинзом принять статус доминиона в рамках Содружества, а не объявлять себя независимой республикой. Основным требованием Британии было, чтобы шесть графств Северной Ирландии, которые в основном населяли протестанты, не принуждали войти в состав единой Ирландии (остальные 32 графства населяли католики).

И. де Валера (один из участников Пасхального восстания, которому удалось сбежать из тюрьмы) выступал против присяги на верность короне и создал новую партию – Республиканскую партию против правительства А. Гриффита и М. Коллинза. Так началась ожесточенная гражданская война, в которой Коллинз, возглавлявший вооруженные силы Дойл Эрена, отдал свою жизнь в бою против республиканцев. Кровавая гражданская война закончилась в апреле 1923 г., когда И. де Валера, который был избран президентом Ирландского свободного государства в 1919 г., приказал прекратить огонь.

Империализм, подвергавшийся критике со стороны мыслителей и политических деятелей еще до войны, окончательно оттолкнул от себя большую часть людей, которые видели в нем одну из главных причин кровопролития. Сама имперская идея, столь популярная в Викторианскую эпоху, теперь померкла в глазах образованного общества.

Американский исследователь А. Мегилл подчеркивал, что в такие периоды истории, когда национальная «идентичность становится

сомнительной, повышается ценность памяти»¹⁰⁴. И действия английского правительства в этом направлении не заставили себя долго ждать.

Условно все военные коммеморативные практики Первой мировой войны, характерные для 1920-х годов, можно подразделить на три группы в зависимости от уровня памяти. Первая группа представляет собой коммеморативные практики, создание которых происходило по инициативе правительства и которые заключают в себе коллективную память о войне на национальном уровне¹⁰⁵. Так уже 7 ноября 1919 г. король Георг V распорядился о проведении торжественных мероприятий 11 ноября каждого года, посвященных прекращению военных действий.

Следует отметить, что формы коммеморации во многом зависели от пожеланий самого населения, которые учитывались правительством. В качестве примера можно привести историю создания кенотафа на Уайтхале. Его буквально смастерили на скорую руку из подручных средств лишь для того, чтобы он стал частью парада 19 июля 1919 г. Роль кенотафа заключалась в том, что он должен был символизировать собой погибших на фронте солдат. Дело в том, что по задумке организаторов церемонии, представители вооруженных сил должны были торжественно промаршировать по улицам Лондона под аплодисменты и одобрительные выкрики толпы. Естественно, в подобной ситуации напрашивалась необходимость отдать должное и тем героям, которые не смогли дожить до этого дня. Другими словами, кенотафу отводилась второстепенная роль, в то время как основной упор делался на чествовании военных успехов. Однако реакция общественности в назначенный день была в какой-то мере ошеломляющей. Вокруг кенотафа сразу собралась огромная толпа людей. В итоге ситуация дошла до того, что организаторам даже пришлось несколько

¹⁰⁴ Мегилл А. Указ. соч. с.137.

¹⁰⁵ Смирнова Т.А. Указ. соч.с.96.

изменить маршрут парада, чтобы как-то обойти эту толпу. После окончания церемонии люди продолжали нести к кенотафу цветы. И это продолжалось даже спустя недели и месяцы. В результате правительство приняло решение заменить этот временный памятник постоянной версией из камня. Официально новую версию кенотафа представили 11 ноября 1920 г.¹⁰⁶.

В тот же день, по тщательно продуманной церемонии, в Англию из Франции был доставлен гроб с телом неизвестного солдата. Идея могилы Неизвестного солдата принадлежит Д. Рэйлтону, викарию из Маргейта, графство Кент. Он был полковым священником на Западном фронте. Однажды Д. Рэйлтон увидел временную могилу с надписью «Неизвестный британский солдат». Его так тронула эта простая эпитафия, что он рассказал о ней настоятелю Вестминстерского аббатства, а тот получил одобрение Букингемского дворца. Идея создать захоронение Неизвестного солдата пришлась по душе всем и немедленно была реализована.

9 ноября 1920 г. были эксгумированы останки шести неопознанных британских солдат – по одному с шести различных полей сражений (Эна, Аррас, Камбре, Марна, Сомма и Ипр). Шесть тел были перевезены в часовню близ Ипра, где каждое из них было накрыто британским флагом. Офицер с завязанными глазами вошел вместе с армейским капелланом в часовню и дотронулся до одного из тел.

Выбранное таким образом тело поместили в гроб и отправили в Англию. Перед этим его торжественно провезли по набережной Булони с большими почестями в сопровождении офицеров Королевского армейского корпуса, а также Канадских экспедиционных сил и высших чинов французской армии в лице маршала Ф. Фоша и генерала М. Вейгана. 10 ноября его доставили в порт города Довер, чтобы на следующий день смогла

¹⁰⁶ Todman D. Op.cit. p.59.

состояться еще одна процессия, но уже в Лондоне. На ней гроб в сопровождении короля, принца Уэльского, герцога Йоркского, премьер-министра Д. Ллойда Джорджа, а также фельдмаршалов Г. Вильсона и Д. Хейга пронесли через Адмиралтейскую арку, прошли с ним мимо кенотафа на Уайтхале, где королем и премьер министром были возложены венки. После этого процессия продолжилась вновь и проследовала вплоть до Вестминстерского аббатства¹⁰⁷.

После короткой службы гроб опустили в могилу «с царями», и священник бросил на него горсть земли с Западного фронта. Останки накрыли каменной плитой с простой надписью: «Неизвестный солдат». На следующий год ее заменили плитой из бельгийского мрамора с текстом, сочиненным настоятелем Вестминстера и написанным большими буквами:

Под этим камнем лежит
 Британский воин,
 Чьи имя и звание неизвестны.
 Его тело привезено из Франции,
 Дабы он упокоился
 В славнейшей из земель
 И был похоронен в День перемирия,
 11 ноября 1920 г., в присутствии
 Его Величества короля Георга V,
 Государственных министров,
 Военачальников при большом
 стечении народа.
 Так мы отмечаем память тех,
 Кто во время

¹⁰⁷ Armistice day 1920 - homecoming of an unknown warrior // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008261> [дата обращения: 08.06.2015]

Великой войны
1914-1918 гг.
Принес величайшую жертву—
Свою жизнь
Ради Бога,
Ради короля и Отечества,
Ради любимых, дома и империи
За священную справедливость и
Свободу всего мира.
И похоронили его с царями,
Потому что
Он делал доброе и для Бога,
И для дома его.

Мемориал стал идеальным символом национального единения, поскольку в поминовении безымянного солдата стирались социальные, языковые и этнические различия. Историки-функционалисты критиковали подобные мемориалы как «конструкции официальной манипуляции», передающие иллюзорный образ войны, с целью укоренения официальной репрезентации и отвлечения внимания от критики британского социального и политического устройства послевоенных лет¹⁰⁸.

По инициативе властей Великобритании в течение первых послевоенных лет на местах бывших сражений были обустроены сотни воинских кладбищ и мемориалов. Их отличал единый дизайн, а также наличие камней поминовения. Последние представляли собой плиты 3,5 м в длину и 1,5 м в высоту и внешне чем-то напоминали саркофаги. Лишенные каких-либо конфессиональных предпочтений, они увенчивали любое военное

¹⁰⁸ Смирнова Т.А. Указ. соч. с.96.

кладбище, где было свыше тысячи захоронений. На каждом из этих камней была выгравирована надпись «Их имена будут жить во веки веков». Автором этой надписи был английский писатель и член Комиссии по военным захоронениям Р. Киплинг, сын которого также погиб на войне.

Активная пропаганда юнионистской точки зрения на события Первой мировой велась в межвоенный период в Северной Ирландии. Акцент в ней в первую очередь делался на чувстве патриотизма, с которым ирландские солдаты сражались на фронте, на их отваге и заслуженной для империи славе. Помимо 11 ноября, здесь 1 июля отмечался еще и локальный праздник, посвященный героическому участию Ольстерской дивизии в сражении на реке Сомме. Правительство Великобритании подчеркивало тот факт, что подвиг этих солдат не будет забыт до тех пор, пока будет существовать Британская империя. Премьер-министр Северной Ирландии Д. Крэйг тоже не скупился на громкие заявления. В своей речи, произнесенной по случаю торжеств в ноябре 1922 г., он поблагодарил Бога за вернувшихся домой солдат, которые сражались за Великобританию и стали важной частью ее истории. Д. Крэйг пообещал, что до тех пор, пока он будет занимать свой пост, Северная Ирландия никогда не будет меняться¹⁰⁹.

Кроме того, начиная с 1920 г. на киноэкраны начали выходить документальные ленты военно-патриотического характера. В одной из них, посвященной общей победе британской армии, особенно восхвалялись имена фельдмаршала Д. Хейга и британского премьер-министра Д. Ллойда Джорджа. Красной нитью через весь фильм проходил лозунг, гласивший следующее: «Победа! Боже, благослови британскую армию, которая спасла

¹⁰⁹ Switzer C. Op.cit. p.109-110.

наши дома и всех нас! А также наших неукротимых сынов моря, кто спас нас и наших союзников от голода»¹¹⁰.

В 1923 г. вышла кинолента, представлявшая собой компиляцию из британских официальных материалов Западного фронта Первой мировой войны¹¹¹. Она якобы охватывала события 1918 г. и в фильме даже подчеркивалось, что все кино- и фотоматериалы были абсолютно подлинными. Однако на самом деле речь шла об использовании в кинокартине фрагментов, отснятых во время битвы на Сомме в сентябре-ноябре 1916 года.

К десятилетию начала Великой войны также был снят фильм, посвященный сражениям под Ипром в 1914 –1915 гг. Данный участок Западного фронта был возведен в ранг «земли более чем знаменитой – священной», а сама документальная лента была пронизана духом нескрываемого уважения к английским фронтовикам, сражавшимся там. Картина открывалась видом на дорогу, ведущую к Ипру, усеянную кратерами от взрывов артиллерийских снарядов. К северу хребта Мессинес был установлен монумент британским войскам, вступившим в бой 31 октября 1914 г., а чуть ниже по холму от города Плогстирт на кадрах киноплёнки можно было разглядеть британское военное кладбище¹¹².

Вторая группа представлена более локальными формами военной коммеморации, созданными по инициативе членов семей, друзей и самих ветеранов, представляя собой групповую коллективную память о войне. Классическими местами памяти здесь являются частные мемориалы (часовни, стелы, обелиски, стены памяти), зачастую возводившиеся со

¹¹⁰ Victory: God bless the British army // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060035424> [accessed 08.06.2015]

¹¹¹ Five years ago // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060022911> [дата обращения 08.06.2015]

¹¹² Eight years after // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060023380> [дата обращения 08.06.2015]

списками и фотографиями погибших, созданные на средства родственников ветеранов и ветеранских организаций с целью индивидуализировать и персонифицировать память о каждом участнике войны¹¹³. В результате в повседневную практику в межвоенный период входило проведение церковных служб в память о жертвах войны. В университетской часовне Королевского Колледжа в Абердине был даже открыт воинский мемориал, состоящий из нескольких табличек с именами солдат, расположенных в алфавитном порядке. Эти таблички включали в общей сложности 342 фамилии. На торжественной церемонии открытия мемориала директор колледжа особенно подчеркнул трагичность и ужас случившейся войны, а также отметил чудовищные размеры материальных и моральных потерь, нанесенных ею¹¹⁴.

Решение об установке памятников на местах принимали соответствующие мемориальные комитеты, сформированные из представителей местных политических и культурных элит. Это были люди, занимающие руководящие должности в своих общинах, которые имели опыт управления и соответствующие ресурсы для этого. Они назначали людей в различные подкомитеты, которые занимались отбором проектов для памятников. Даже там, где для решения вопросов относительно установки мемориалов требовалась ратификация на открытом общественном собрании, а не только комитетов, состоящих из политиков и служителей церкви, последние все равно имели огромное давление. Именно члены комитетов определяли повестку дня собраний и зачастую обеспечивали на них присутствие значительного числа своих сторонников.

Городские и сельские мемориальные комитеты, несмотря на то, что ведущие роли в них играли политики, воспитывали в людях чувство

¹¹³ Смирнова Т.А. Указ. Соч. с.96.

¹¹⁴ Impressive tributes to fallen heroes // Aberdeen Journal. 12 November 1928. p.4.

гражданской гордости и единства. Жители городов стремились не отставать от своих соседей. Так, например, жители Слиффорда настаивали на том, чтобы мемориал в честь павших солдат был непременно достоин их поселения¹¹⁵. Комитеты также помогли значительно увеличить лояльность населения по отношению к властям и вызвать в людях стремление послужить на благо своей общины. Это была отличная стратегия, позволившая властям повысить чувство патриотизма среди граждан, а также решить ряд проблем, связанных с утратой политиками народного доверия.

В целом многие представители общественности были заинтересованы в церемониях, проводимых в память о погибших на войне, но далеко немногие выражали желание принимать активное участие в возведении памятников. Большинство местных комитетов испытывали финансовые трудности в реализации своих планов. Однако они активно пытались заинтересовать местную общественность своей работой. Так, чтобы собрать необходимые средства, они взывали к чувствам граждан, устраивали благотворительные лотереи с привлекательными призами и т.д. В деревнях, где все люди хорошо знали друг друга и можно было решить вопрос с каждым человеком лично, ситуация обстояла несколько проще. Зачастую, все вопросы здесь решались на приходских собраниях, которые были неотъемлемой частью местной политической жизни.

Результатом подобной политики становились случаи, когда финансовые проблемы, связанные с увековечиванием национальной памяти в Великобритании, решались с помощью энтузиастов, самолично бравших на себя все расходы. Так, в 1920 г. жители города Шерборн пожертвовали около 10 тысячи фунтов местной школе. Часть из этих средств решено было

¹¹⁵ King A. *Memorials of the Great War in Britain : The Symbolism and Politics of Remembrance*. London: Bloomsbury, 2014 – p.109-112.

потратить на проведение выставок для детей, в которых должно было говориться о людях, погибших или пострадавших на войне¹¹⁶.

Другим примером может служить установка на деньги общественного фонда мемориальной таблички с именами погибших солдат в церкви города Милборн Порт. В ее освящении участвовал некий господин Г. Р. Рид, побывавший в прошлом на фронте в качестве капеллана. Глава церкви преподобный Э. Пирс разъяснил собравшимся на службе прихожанам, что установка подобных табличек должна напоминать британцам, сколь высокую цену пришлось заплатить за победу¹¹⁷.

Особое положение в исследованиях процесса конструирования исторической памяти о Первой мировой войне занимают источники личного происхождения, способные актуализировать репрезентации войны на конкретных примерах. Анализ дневниковых записей ветеранов и современников войны, их мемуаров и писем с фронта, опубликованных или сохраненных внутри семьи, помогает пролить свет на способы конструирования памяти «снизу вверх» в 1920-е гг., а также на роль индивидуальной памяти в общем процессе мемориализации Первой мировой войны¹¹⁸.

Типичным примером может служить дневник сержанта Б. Брукса. Он родился 16 января 1893 г. в пригороде Лондона. Когда началась война, Б. Брукс присоединился к Королевским Вестминстерским стрелкам и отправился на фронт. Там он регулярно делал записи, а затем объединил их с письмами и открытками, которые получал от родных из Англии. В результате возник дневник, в котором содержались ценные сведения о повседневной жизни английских солдат на Западном фронте. Особенно

¹¹⁶ Commemoration day at Sherborne school // Western Gazette. 1920. 02 July. p.9.

¹¹⁷ The Great War // Western Gazette. 1922. 14 July. p.8.

¹¹⁸ Смирнова Т.А. Указ. соч. с.96

интересен был случай, произошедший в канун Рождества 1914 г.: «Один из немецких офицеров с фонариком выдвинулся чуть вперед и попросил встречи с одним из наших офицеров, чтобы обсудить перемирие на завтра (Рождество). Вскоре наш офицер вышел ему навстречу (мы были готовы к предательству и само собой прикрывали своего командира) и было принято решение, что завтра с 10 утра и до полудня, а также с 2 часов ночи до 4 утра допускается общение между англичанами и немцами... Во второй половине дня я ненадолго отлучился и поболтал с нашими «друзьями». Многие немцы разделились в наряды, позаимствованные в домах поблизости. Так один остряк одел на себя блузку, юбку, топ, шляпу, чем доставил окружающим много веселья. Мы обменялись многими сувенирами, которые я собираюсь отправить домой... Мы также обменялись с одним из немцев адресами, чтобы написать друг другу после окончания войны, если, конечно, сможем ее пережить. Немцы хотели продлить перемирие до Нового года, потому что многие из них, как они нам сами признавались, уже устали от войны. Но мы покинули окопы рано утром и, естественно, не хотели, чтобы немцы узнали о том, что мы настаивали на перемирии до полуночи»¹¹⁹.

Также в межвоенный период было выпущено немало историй британских воинских частей, написанных их офицерами. Среди них можно выделить труд лейтенанта Д. Б. Бикерстета¹²⁰. Это был рассказ о подвигах 6-ой кавалерийской бригады во время Первой мировой войны, содержащий подробное описание того объема работ, который обязана была выполнять кавалерия. Внимание к деталям преследовало цель развеять миф о том, что служить в кавалерии было легко. Как и многие воспоминания, его труд зачастую грешил неточными сведениями. Другим примером является работа

¹¹⁹ Brookes B.A. Signaller's War // europeana1914-1918. URL: <http://europeana1914-1918.eu/en/contributions/5127#prettyPhoto> [дата обращения 20.01.2016]

¹²⁰ Bickersteth J.B. Op.cit.

бригадного генерала А.Г. Хасси¹²¹, в основу которой легли воспоминания его однополчан, отчеты командования, карты местности и фотографии с фронта. Всего книга состояла из 12 глав, посвященных сражениям на Сомме, под Ипром и в Италии. Также следует упомянуть о книге К. Гримвейда¹²² – капитана 4-го батальона Лондонского полка Королевских стрелков. Она создавалась с разрешения комитета Военной истории, сформированного в 1920 г. и описывала судьбу батальона в период с 1914 по 1918 гг. В целом полковые истории, пользовавшиеся успехом у читателей в то время, давали, как правило, точные, но сухие сведения. Их авторы старались избегать категорических оценок действий командования.

Тема войны также получила разработку в произведениях английской художественной литературы, написанной ее непосредственными участниками. Ярким примером может служить творчество Р. Олдингтона, З. Сассуна, Р. Грейвза, У. Юарта, Э. Рэймонда, Ф. М. Форда, В. Бриттен, И. Рэтбоун и др.

Достаточно много статей, посвященных Первой мировой войне, публиковалось в английской прессе тех лет. В некоторых из них просто приводились статистические данные о погибших, подсчитывался их средний возраст, давались демографические прогнозы на ближайшее время, оценивались хозяйственные убытки, причиненные войной¹²³. В других материалах британской периодики рассказывалось о судьбе солдат, вернувшихся с фронта¹²⁴. В третьих велась широкая реклама опубликованных мемуаров ветеранов войны, включавшая помимо краткого описания книги рекомендации для тех категорий населения, кому она предназначалась¹²⁵.

¹²¹ Hussey A.H. Op.cit.

¹²² Grimwade F.C. Op.cit.

¹²³ Cost of World War in lives // Evening Telegraph. 1921. 02 May. p.3.

¹²⁴ Veterans of the Great War // Western Morning News. 1926. 11 November. p.4.

¹²⁵ World War stories // Aberdeen Journal. 1920. 24 November. p.3.

Подводя итог, следует констатировать, что Первая мировая война обернулась для Великобритании множеством проблем. Она окончательно утратила статус одного из мировых лидеров промышленного производства, а жизненно важные отрасли английской экономики, ранее обеспечивавшие величие и процветание страны, пришли теперь в упадок. За промышленным спадом последовала безработица. Тысячи людей, лишенных средств к существованию, становились опасной горючей массой. Однако все попытки правительства решить эту проблему не приводили к значительному успеху. Рост социального недовольства и количества стачек рабочих неуклонно продолжался. Все это усугублялось потерей внешних рынков сбыта промышленной продукции.

Эти проблемы были усугублены ростом национально-освободительного движения в Ирландии, начало которому было положено еще в период Пасхального восстания 1916 г. В целом социально-психологический климат в стране характеризовался чувством озлобленности вернувшихся с войны фронтовиков, доведенных до отчаяния увиденными на фронте ужасами, безработицей и прочими проблемами в мирной жизни и занимавшихся поисками виновных во всем этом.

Людям, столкнувшимся с разрухой в экономике, тотальной безработицей, крушением моральных ориентиров и стремительно теряющим свою национальную идентичность, как, например, в случае с Ирландией, срочно необходимы были позитивные примеры из прошлого, которые могли бы помочь справиться со стоящими перед британским обществом проблемами. И примеры эти целесообразно было искать не в далеком прошлом, ибо связь с ним ощущалась не так сильно, а в событиях недавнего времени.

В результате в стране в первые послевоенные годы при активной поддержке властей произошла официальная институализация «мест памяти»,

связанных с Первой мировой войной, были созданы десятки мемориалов, а также кинолент военно-патриотического характера. Правительство всячески стремилось героизировать образ мирового конфликта и увековечить память павших. Часть ветеранов и семей погибших на фронте военнослужащих поддержали данную инициативу: за свой счет они начали строительство памятников на местах, проводили парады и писали истории воинских подразделений. Все это позволило на какое-то время несколько разрядить обстановку внутри государства, что благоприятно отразилось на лояльности населения и его патриотических настроениях.

Глава 2. Трансформация образов Западного фронта Первой мировой войны в 1914 – конце 1920-х гг.

2.1. Фронтовая корреспонденция как один из источников складывания образа Западного фронта в памяти английских ветеранов.

Фронтовая корреспонденция являлась важной источниковой базой большинства рассказов и мемуаров о войне, опубликованных английскими ветеранами Первой мировой войны в межвоенный период. В этих письмах был отражен уникальный «военный опыт» солдат, доступный только для участников войны. Во многом именно этот опыт определил их ценность, так как он проливал свет на многие незнакомые простым обывателям вещи. С уверенностью можно сказать, что человеку со стороны никогда не представить себе тех чувств, страданий и страхов, которые пережили люди, прошедшие через горнило войны. Однако солдат в своем письме собрал некоторые фрагменты подобного опыта и пытался передать его в виде прозы, которая позволила бы его близким понять, где он находится и что с ним в данный конкретный момент произошло¹²⁶.

Предмет этих писем не претерпел особых изменений за все течение войны. Солдаты, писавшие письма с фронта, зачастую не хвастались своим героизмом, но делились своими страхами, ворчали по поводу скудного рациона, дискутировали о любви к родной стране или городу, оплакивали смерть товарищей, размышляли о природе врага, спрашивали о свежих новостях, обсуждали своих начальников, желали, чтобы война закончилась как можно быстрее и т.д. Но прежде всего они хотели выразить свою любовь к родным и близким, друзьям, всем тем, кого они боялись потерять и больше никогда не увидеть.

¹²⁶ Winter J. Op.cit. p.114-115.

Как отмечал доктор Джонсон, непосредственная близость смерти «замечательно проясняет ум» человека. Конечно, в этих письмах было достаточно бытового общения – «Большое спасибо за носовые платки» - но в целом они были не об этом и не погрязли в ежедневной рутине. Их авторы, постоянно балансировавшие на грани жизни и смерти, стремились говорить своим адресатам только правду. Поэтому солдатские письма и являются столь ценным источником для историков. Как правило, была только одна тема, которую солдаты старались обходить стороной и когда они могли слукавить – это вопрос их жизни и смерти. И это происходило не потому, что они плохо оценивали грозящую им опасность, а из-за отчаянного желания защитить своих родителей, жен и детей от ужасной мысли, которая скрывалась за каждым таким письмом: то, что оно может оказаться последним¹²⁷.

Проверкой писем британских солдат во время Первой мировой войны занимались в свободное время их командиры. В письмах не должны были содержаться какие-либо сведения, которые могли бы быть полезны для врага или поставить под угрозу успешное выполнение боевой операции. В остальном свобода слова соблюдалась. Однако солдаты, зная, что их письма будут прочитаны командованием, не спешили ею пользоваться: боясь попасть на плохой счет, они редко размышляли о политике и уж тем более о конкретных чиновниках из правительства. Большинство солдат отдавали себе отчет в том, что с немецкой гегемонией в Европе нужно было покончить, но, в конечном счете, все их умонастроения как нельзя лучше отражали слова популярной тогда на фронте песни: «Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь». Местный патриотизм,

¹²⁷ Roberts A. Op.cit. p.8.

конечно, присутствовал – «Они не опозорили Ольстер» – но не крайний национализм, уже не говоря об ура-патриотизме¹²⁸.

Тем не менее, цензура в данном случае не вторгалась в область гражданской морали. Поэтому можно заключить, что солдаты, предпочитавшие не рассказывать своим близким об ужасах войны, делали это не столько из-за того, что им кто-то что-то запрещал, сколько потому, что они сами не хотели лишний раз тревожить свои семьи, которые и так с замиранием сердца следили за ежедневной публикацией списков убитых. Однако тот факт, что некоторые солдаты не заостряют свое внимание на описании свиста снарядов над головой, не означает, что эти письма не являются бесценным источником информации для историков. Во фронтовой корреспонденции содержится огромный материал, проливающий свет на условия повседневной жизни солдат и характер их взаимоотношений с командованием.

К 1917 г. Британские экспедиционные силы отправляли домой по 8 миллионов писем в неделю. Примерно в половину больше писем, около 12 миллионов, отправлялось на протяжении всей войны на Западный фронт из Великобритании¹²⁹. Эти письма поддерживали солдат на протяжении их напряженной службы и помогали найти эмоциональное утешение при столкновении с тяготами военной жизни. Так, показательными могут быть слова одного из британских офицеров, который изначально относился к письмам своих солдат как к «мусору», но со временем оценившим их важность для поддержания морального духа подчиненных: «Это без сомнения делает их счастливее, и это великая вещь»¹³⁰.

¹²⁸ Ibid. p.12.

¹²⁹ Fletcher A. Between the Lines: First World War Correspondence // History Today. URL: <http://www.historytoday.com/anthony-fletcher/between-lines-first-world-war-correspondence> [дата обращения 07.08.2015]

¹³⁰ Цит. по: Roberts A. Op.cit. p.15.

Сравнительный анализ фронтовой корреспонденции английских солдат целесообразно провести в контексте культурной памяти общества. Историки Ян и Алейда Ассман называли культурной памятью своего рода набор кодов, в которые образованные мужчины и женщины поместили их личные воспоминания о прошлом, облеченные в определенные литературные, эстетические и философские рамки. Поэтому, чтобы раскрыть содержание культурной памяти, мы должны исследовать процесс образования и распространения этих кодов, которые зачастую принимают форму текстов о значимых исторических событиях, написанными их непосредственными свидетелями¹³¹.

Для этого нами были отобраны письма нескольких английских солдат, сражавшихся на Западном фронте Первой мировой войны. Рядовой Ч. Грин служил пулеметчиком в 7-ом батальоне Восточно-йоркширского полка. 4 февраля 1917 г. он напишет матери свое последнее письмо с фронта. В нем он делился своими впечатлениями от последней полученной посылки из дома: «Я получил твою посылку на следующий день после того, как я отослал мое последнее письмо. Она была в хорошем состоянии, и я обрадовался вещам в ней, особенно печеньям. Я буду рад любым твоим посылкам в любое время, потому что такая погода как здесь делает тебя постоянно голодным и заставляет скучать по домашнему очагу». В письме также описывались заморозки, с которыми пришлось столкнуться солдатам, и возникшие в связи с ними трудности: «... Всю неделю на земле лежал снег и теперь здесь очень холодно, так холодно, что если ты поставишь кружку с теплым чаем снаружи, то он замерзнет через несколько минут... Когда мы поднялись этим утром и попытались нарезать наш хлеб, он тоже оказался замороженным и можно было увидеть сверкающий лёд внутри него и это

¹³¹ Winter J. Op.cit. p.104.

было все равно как колоть лёд.». Ч. Грин не скрывает своей тоски по дому и отмечает, что это чувство было свойственно не только ему одному: «Этот мороз заставляет нас всех думать о домашнем очаге. Я думаю, мы все станем домоседами после войны». Желание скорейшего возвращения обратно в Англию в данном случае еще не тождественно призывам к пацифизму и объяснялось естественным стремлением человека как можно скорее вернуться к родным, однако определенные нотки усталости и изнеможения от войны чувствуются уже в этих строках. Заканчивалось же письмо стандартными пожеланиями здоровья родным и просьбами не забывать о нем и писать как можно чаще: «Буду рад вашим письмам, чтобы услышать все последние новости. Просто помните меня дома и передавайте всем наилучшие пожелания, особенно дедушке Слэтерсу. Надеюсь, письмо дойдет до вас, а папа и Алан будут в добром здравии. Я держусь довольно хорошо, насколько это возможно в настоящее время»¹³². Это было последнее письмо домой рядового Ч. Грина: его убили в бою через несколько дней после того, как оно было отправлено.

Другое письмо, написанное ефрейтором Т. Э. Борриллом (1897-1917) к брату Бенджамину, рассказывает нам о том, где в тот момент были размещены Британские экспедиционные силы во Франции: «Всего несколько строк, чтобы вы знали, что я жив и здоров. Надеюсь, вам интересно, что случилось и почему я не писал, но у меня просто не было возможности сэкономить время для этого. Мы по-прежнему за линией фронта. Погода здесь отличная, но я думаю, что наша удача скоро закончится и мы окажемся в какой-нибудь горячей точке». Томас был весьма категоричен по отношению к тем реалиям Западного фронта, в которых ему пришлось оказаться: «Вы говорите, что вещи вокруг вас становятся все хуже и хуже,

¹³² Letter from Private Charles Green (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/wwlit/gwa/document/9421/6889?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]

послушайте мой совет и держите его в уме как можно дольше – вы в раю по сравнению с ребятами здесь. Вы не можете представить себе, что значит быть на фронте, пока не побываете здесь...»¹³³. Подобные оценки красноречиво свидетельствуют о распространении среди фронтовиков пессимистических настроений и чувства отрешенности от гражданского населения в тылу. Последнее теперь находилось где-то далеко, можно сказать жило в другом мире и не составляло уже ту групповую идентичность, которая начала складываться в сознании английских военнослужащих.

Судьба рядового Э. Томаса также имеет много белых пятен. Судя по содержанию его писем, можно предположить, что, скорее всего, он служил в Лондонском полку и в 1915 г. принимал участие в сражениях вблизи Лилля. Первоначально написанные от руки, несколько страниц письма Э. Томаса позже были напечатаны в провинциальной газете. Первая страница, к сожалению, была потеряна. Э. Томас очень ярко описал последствия артиллерийской бомбардировки немецких укреплений английскими войсками: «Артиллерия обстреляла немецкие окопы всеми видами снарядов до такой степени, что было почти невозможно услышать даже свой собственный голос. Казалось, что пушка была на каждом углу... Примерно в 6:45, артиллерия затихла и почти сразу же был открыт огонь из пулеметов и винтовок... Около 10 часов утра нам приказали выдвигаться. Мы собрали наши вещи, оружие и отправились, в путь... Теперь мы могли увидеть эффект от нашего артиллерийского обстрела. В каждом ярде земли была воронка от снаряда, вражеские заграждения колючей проволоки были напрочь снесены... Траншея была заполнена телами мертвых немцев и нам пришлось потрудиться, чтобы удалить их оттуда»¹³⁴. Естественно, подобное

¹³³ Letter from T.E. Borrill to his brother, Benjamin Borrill (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9595/8428?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]

¹³⁴ Letter home by Edwin Thomas // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9103/4418?bt=europeanaapi> [дата обращения 07.08.2015]

зрелище вызывало шок у его очевидцев, особенно, если те отправились на фронт добровольцами сразу после школы или университета. Восприятие военного насилия требовало определенной моральной закалки от солдат, поэтому многие из тех, кто ею не обладал, были вынуждены лишь с ужасом взирать на реальные последствия своих действий, а также делиться этими впечатлениями с родными и близкими в надежде найти у них психологическую поддержку.

Пулеметчик Б. Критленд во время его пребывания под Ипром в 1915 г. вел активную переписку со своей матерью в Англии, в которой рассказал об условиях службы, а также о случавшихся время от времени газовых атаках. Как и большинство других военнослужащих, Б. Критленд начинал письмо с благодарности за полученную посылку: «Дорогая мама, я получил твою посылку в идеальном состоянии. Большое тебе спасибо за нее. Спасибо тете Полли и нашей Берте за сливочное масло, молоко и сладости. Хлеб и масло просто объедение. Здесь хлеб намного хуже, чем в Англии, и нам не так часто удается достать масло. Пришлите еще немного кексов, если сможете. Мне не удалось отведать ни одного из них после того, как я покинул Англию». Легкая ностальгия по Родине быстро сменяется беглым рассказом о положении дел на фронте: «Мы уже несколько раз передислоцировались перед тем, как оказаться там, где мы сейчас находимся. Исходя из того, что я слышал, мы такая группа быстрого реагирования, готовая в любой момент отправиться туда, куда прикажут. Единственная радость, что у нас есть возможность повидать чужую страну. В данный момент мы находимся в резервных траншеях. Единственное, чего нам здесь стоит опасаться – это немецких бомбардировок, но они случаются нечасто. Когда мы просто маршируем по стране в паре миль от линии фронта, то даже сложно подумать, что совсем рядом идет война. Но стоит только пройти вокруг пострадавшей от бомбардировки деревни и все становится на свои

места. В основном здесь сельский район и мы видим много фермеров за работой, которые ведут себя так, словно ничего не произошло. Они спокойно занимались своими делами, несмотря на рев пушек и грохот пулеметного огня вокруг. Обо мне такого не скажешь...»¹³⁵. Как уже было отмечено выше, подавляющее большинство английских военнослужащих, оказавшихся на Западном фронте до 1916 г., не являлись кадровыми военными. Зачастую это были патриотически-настроенные юноши, записавшиеся в ряды добровольцев, чтобы защитить честь своей страны. Армейский паек, грязь в траншеях, а также ежедневная перспектива быть убитым в бою оказывали серьезное влияние на их психику. Им было непросто побороть свои страхи, сомнения и брезгливость.

«Дорогая мама, я получил твое письмо и посылку от Г. Ховарда. Я также получил письмо от Полли. Они все пришли, когда я был в траншеях. Впрочем, я и сейчас там. Мы все еще в том же месте, о котором я говорил тебе в прошлом письме. Мы находимся во второй линии окопов и должны обеспечивать пайком тех солдат, что сейчас располагаются на передовой. Мы занимаемся этим по ночам. В дневное время суток нам запрещено покидать землянки, так как враг может открыть огонь по нам. Немцы несколько раз забрасывали наши траншеи газовыми бомбами, но добились этим только того, что наши глаза стали слегка слезиться... Как только мы начинаем чувствовать газ, то сразу одеваем наши противогазы. Если удастся сделать все вовремя, то даже с глазами все будет в порядке. Кстати, противогазы, которые мы используем, выглядят очень неплохо. Внешне они выглядят, как сумки, поэтому мы носим их под мундиром. Кроме того, эти противогазы отлично сидят на наших головах... На этой неделе было много

¹³⁵ Цит. по: Roberts A. Op.cit. p.62.

бомбардировок, но мне по-прежнему везет. У меня все так же хорошо со здоровьем, как, надеюсь, и у всех вас...»¹³⁶.

Особый интерес представляет переписка братьев Гудчайлд, насчитывающая около 300 писем, отправленных в период с 1914 по 1916 гг. Старший из братьев, Э. Л. Гудчайлд (Нед), погиб в бою 19 декабря 1915 г. Свое последнее письмо, всего за день до смерти, он написал своему брату. В нем Эдмунд рассказал немного о нынешнем положении дел в его подразделении: «Мы все еще наступаем, но я не удивлюсь, если в любой момент мы начнем отступление. Нашу артиллерию серьезно обстреляли сегодня, а утром немцы провели еще и газовую атаку по нашим позициям, но, к счастью, без особого успеха». Эдмунд также поделился своими впечатлениями от недавно полученной посылки от жителей родного города. Его потрясло то, что этих некогда неприветливых людей теперь волнует как его судьба, так и судьба других призывников, отправившихся на фронт: «Я получил посылку от миссис Тейлор, содержащую несколько полезных вещей, которые собрали жители Грандисбурга для всех тех ребят, которые сейчас находятся на службе. Я даже сначала не поверил своим глазам, потому что это очень необычно для них, как ты сам знаешь».

Во многих фронтовых письмах их авторы пытались как можно больше узнать о своих близких, друзьях и Э. Гудчайлд не был исключением: «Ты, вроде, получил письмо от Сесила. Я тоже пытался писать ему, но он никогда не отвечал. Хотелось бы тоже дождаться весточки от него, просто чтобы немного развеселить себя. Ты сказал, что это было словно прочитать нарезку из шуток и я охотно тебе верю, подобное в его стиле. Вы еще не виделись с миссис Харви? Артур написал мне в последнем письме, что они собирались навестить тебя. Я не слышал о них ничего в последнее время, но

¹³⁶ Цит. по: Ibid. p.63.

я жду письмо со дня на день». Заканчивалось письмо пожеланиями брату удачно встретить рождество и новый год: «В общем, Джордж, я не думаю, что у меня есть еще какие-то новости. Напоследок я хочу пожелать тебе счастливого Рождества и нового года»¹³⁷.

Средний из братьев Гудчайлд, Джордж, был ранен в ходе сражений за Лоос в ноябре 1915 г.: «Старая бомба взорвалась и меня подбросило в воздух. Мое левое ухо оглохло, а дым начал душить меня. Я получил тяжелое сотрясение и не мог стоять на ногах. Поверьте мне, я думал, что погиб. Не думаю, что сказанное сейчас станет сенсацией, но я никогда этого не забуду, как бы долго я ни прожил и чтобы со мной ни случилось». После этого он был госпитализирован и отправлен в Англию. Там он и получил весть о смерти брата. В своем письме матери 1 января 1916 г. Джордж, как мог, пытался успокоить ее своими словами: «Мы все горячо любили Неда и это действительно очень тяжело. Он пошел вперед и выполнил свой долг, не пытаясь уклоняться от него... В его смерти нет ничьей вины, поэтому постарайся не волноваться об этом, ты уже ничем не сможешь помочь, хотя это и очень сложно для тебя, я знаю...». Он рассказал ей про то, что накануне смерти Эдмунд отослал ему письмо, которое Джордж отправит матери вместе со своим: «Нед написал мне веселое письмо 18 декабря. Он рассказал о бомбардировке, которая произошла в тот день, и что их, наверное, скоро должны отправить обратно в окопы. И он, должно быть, вернулся туда в ту же ночь, как написал это письмо, чтобы уже на следующее утро встретить свою смерть. Вместе со своим письмом я отправлю тебе письмо Неда, позаботься о нем. Письмо было веселое и Нед встретил свою смерть как мужчина. Это очень печально, но в этом нет ничего позорного. Я уверен, он

¹³⁷ Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (2) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5222> [дата обращения 07.08.2015]

был счастлив до тех пор, пока все это с ним ни произошло»¹³⁸. В феврале 1916 г. Джордж пошел на поправку и позже продолжил свою службу.

Младший из братьев, Артур, был зачислен в Сафолкский полк в 1914 г., служил на Западном фронте и в Греции. После смерти брата его переписка с матерью и Джорджем надолго прекратилась, поэтому 14 февраля 1916 г. в письме, адресованном своей матери, Артур писал: «Я уже больше месяца ничего не слышал от тебя, почему ты не пишешь, мама? Ты заболела? Последнее письмо, которое я от тебя получил, датировалось 28 декабря, через три дня я узнал, что бедный Нед был убит 19 декабря. Я понимаю, что ты сейчас очень расстроена по этому поводу, но я надеюсь, что ты вскоре напишешь мне... Мне хотелось бы услышать тебя. Пожалуйста, напиши в ближайшее время. Надеюсь, в этом нет ничего плохого». В 1916 г. Артур был ранен и попал в госпиталь на Мальте. Он описал его в письме брату Джорджу 10 июня 1916 г.: «Это лучшее место, в котором я когда-либо был. У нас есть пропуска и мы можем гулять каждый вечер». Судя по описаниям Артура, этот госпиталь серьезно отличался от тех, что были в Англии или во Франции, потому что далее он с досадой замечает: «Я не знаю, когда отплываю в Англию... Мне не нравится Феликстоу, но я слышал, что это лучше, чем Франция»¹³⁹.

Весьма любопытной для исследователя может оказаться переписка знаменитого английского поэта У. Оуэна с его матерью С. Оуэн. Поддавшись влиянию пропаганды в 1915 году он добровольцем отправился на фронт. Там он получил младший офицерский чин и достаточно долгое время служил во Франции в качестве командира роты. В своем письме от 1 января 1917 г. он пишет: «Сегодня утром меня ранило! Нас обстреляли и осколок снаряда

¹³⁸ Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (3) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5223> [дата обращения 07.08.2015]

¹³⁹ Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5221> [дата обращения 07.08.2015]

задел палец на моей руке. Я потерял не больше капли крови. Увы! Не более!! Здесь, во Франции, тебя словно наполняет чувством героизма и я нахожусь в отличном расположении духа. Конечно, вокруг меня царит определенное волнение, но это всегда было необходимо для того, чтобы я был счастлив. Я не думаю, что нас отправят на настоящую передовую. Если на своей открытке я напишу «Я направляюсь к основанию» и нарисую двойную линию, тогда я действительно буду на фронте. Но я не могу в это поверить. И тебе не следует этого делать. Теперь я должен собираться»¹⁴⁰. Однако на фронт У. Оуэна все же отправили и задорный тон его писем сменился на более мрачный. Вот, что он написал 4 февраля того же года: «Мои ноги болели до тех пор, пока могли, после чего они на какое-то время умерли. Меня согревала только моя внутренняя тяга к жизни. Я так хотел жить, что забыл про голод. Сила твоей любви сохраняет мне жизнь. Я все время думал о тебе и Марии. Не могу сказать, что мне было страшно. Мы все слегка сходили с ума из-за постоянных взрывов. Я думаю, больше всего меня мучала мысль о том, что невозможно было спасти раненых: это было невозможно сделать днем, и ужасно сложно ночью. Нас высадили среди замерзшей пустыни»¹⁴¹. Трансформация образа войны в письмах У. Оуэна, как мы можем заметить, была тесным образом связана с травмирующим боевым опытом. Реальность фронтовой жизни серьезно отличалась от тех ожиданий, которые он возлагал на нее. Для У. Оуэна кампания во Франции была своего рода приключением, тогда как на самом деле она скорее являлась мясорубкой. Однако осознание данного факта пришло к знаменитому английскому поэту слишком поздно.

¹⁴⁰ Letter to Susan Owen, 1st January 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]

¹⁴¹ Letter to Susan Owen, 4th February 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]

Все в том же 1917 г. У. Оуэн получил ранение и был отправлен в госпиталь под Эдинбургом, где он и познакомился с другим знаменитым «окопным поэтом» З. Сассуном: «Наконец-то мне есть, о чем написать. Я познакомился с З. Сассуном. Ходил к нему прошлым вечером (наша вторая встреча). Впервые я навестил его на прошлой неделе. Солнечный свет, освещавший его комнату, придавал его фиолетовому костюму особый лоск – почти как в моем сонете! Он очень высокий и статный... Лицо его, как правило, выражает скуку. Вчера вечером, когда я навещал его, он пытался прочитать письмо от Г. Уэлса, написанное не только ужасным почерком, но еще и тусклыми розовыми чернилами!»¹⁴². В августе 1918 г. он вернулся на фронт и заслужил орден «Военный крест» за мужество. 4 ноября 1918 г., за одну неделю до перемирия, У. Оуэн был убит на канале Самбра-Уаза.

Также хотелось бы отметить последнее письмо Г. Годфри. Оно датировано 15 февраля 1917 г. В нем он говорит своей матери, что с ним все в порядке и что посылка его тети Гарриет, содержащая какао и пирог, прибыла в целости. Пирог, по его словам, был «отличным угощением, особенно на фоне небогатого пайка». Затем он рассказывает о том, как они сначала захватили, а потом снова потеряли немецкий опорный пункт, в результате чего «один из офицеров был убит и еще один был ранен». Об этом сообщалось с большим спокойствием и даже некоторой отрешенностью. Далее он говорит, что: «Завтра 16.2.17 мы покинем окопы и проделаем очередной трюк. 3 дивизии отправятся в атаку. Я буду там в первых рядах...»¹⁴³. Г. Годфри погиб 17 февраля 1917 г. Ему был 21 год.

Отличным примером фронтовой корреспонденции английских солдат Западного фронта Первой мировой войны является переписка У.А. Питчера с

¹⁴² Wilfred Owen in a letter to Leslie Gunston, 22 August 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]

¹⁴³ Last letter home of Sgt. H. Godfrey (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/8863/3089> [дата обращения 20.01.2016]

его сестрой У.Х. Питчер: «Моя дорогая сестра! Я с большим удовольствием пишу тебе эти несколько строк, чтобы поблагодарить тебя за посылку, которую я получил в отличном состоянии. В самом деле, ее можно назвать чемпионом среди посылок в плане сохранности. Пожалуйста, передай мои благодарности всем причастным к ней людям, особенно мальчишкам за их конфеты... Я рад услышать, что все находятся в добром здравии, также, как и я сейчас. Похоже, вы с мальчишками немного повеселились на Троицу. Предупреди Вилли, чтобы он вел себя осторожнее, когда купается в реке. Пусть валяет дурака сколько хочет, но только на суше...». Как и во многих письмах других фронтовиков, у У.А. Питчера можно найти нотки пацифизма и серьезную усталость от войны: «Я слышал о страшном авианалете и что многие были убиты или ранены. Разве это не ужасно? Если бы только Бог вдруг взял и закончил бы эту войну, какое бы это было счастье, не так ли?»¹⁴⁴. Постепенное разочарование в войне и в тех целях, которые она преследовала, было весьма распространенным явлением к 1917 г. Многие солдаты к этому времени провели в окопах уже не первый год и были не понаслышке знакомы со всеми ужасами данной кампании. Их главным и вполне закономерным желанием теперь было покончить со всем этим, как можно скорее.

27 июня 1917 г. У.А. Питчер написал еще одно письмо, в котором, помимо стандартного набора из бытовых фраз, содержалось подробное описание немецкой землянки: «Дорогая Уинифред, я с большим удовольствием отвечаю на твое приятное и интересное письмо, а также я рад узнать от тебя, что дома все живы-здоровы. В настоящее время я присоединился к разведовательному батальону и занят извлечением дров из землянки Фрица. Было весьма неожиданно оказаться внутри нее. Должен заметить, что Фриц неплохо тут обустроился: внутри землянки были кровати,

¹⁴⁴ Letter from Walter Edward Pitcher (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/wwlit/gwa/document/8969/3728> [дата обращения 20.01.2016]

столы, стулья, а также, насколько я заметил, электрическое освещение. Я уже заканчивал с письмом, как вдруг заметил, что наступила полночь. Но когда ты постоянно с ужасом ждешь атаки цеппелинов, а они так и не прилетают, то это не сильно тебя расстраивает, не так ли?»¹⁴⁵. К сожалению, У.А. Питчер так и не дожид до конца войны, его убили в бою 13 июля 1917 г. в возрасте 28 лет.

Сержант Ф. Вудхаус был зачислен в ряды Королевского уэльского фузилерного полка 14 января 1915 г. Это была уже вторая его попытка попасть на фронт. Дело в том, что до войны Ф. Вудхаус работал шахтером, в результате чего подорвал свое здоровье. Поэтому, даже не смотря на крайне невысокие требования к физическому состоянию новобранцев во время войны, Ф. Вудхауса 28 октября 1914 г. были вынуждены отстранить от воинской службы по медицинским показаниям. Однако он не сдавался и в итоге добился своего: «Мне довелось встретить свое двадцатилетие прямо в окопах и в довольно интересное время. Вы можете держать пари, что я никогда не забуду этот день. Так 13 числа текущего месяца где-то около 11:30 нам было приказано обстрелять немцев, которые, как нам было известно, работали над своими оборонительными линиями. Мы внезапно открыли огонь из наших винтовок, пулеметов и прочего вооружения. Шум стоял просто оглушительный... Так продолжалось около четверти часа после чего все немного успокоилось»¹⁴⁶.

Каким-то образом его взводу удалось провести в окопах целых 24 часа подряд без единой потери. Однако фортуна отвернулась от них утром, когда сержант Ф. Вудхаус был ранен в результате взрыва ручной гранаты. Всего три дня спустя после этого немцы начали жестокую бомбардировку: «Они

¹⁴⁵ Letter from Walter Edward Pitcher (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/wwlit/gwa/document/8971/3737> [дата обращения 20.01.2016]

¹⁴⁶ Цит. по: Wandsworth J. Letters from the Trenches -- The First World War by Who Were There. Barnsley: Pen and Sward, 2014 – p.27-28.

отправили нам наш «неприкосновенный запас» в полдень, на который мы ничего не ответили. Мы затихли. Они продолжили свою бомбардировку в 15 часов. Грохот стоял такой, что, мне кажется, вы бы могли услышать его в Хакнелле (город в Ноттингемшире). Наверняка вы сможете прочесть об этом в газетах. Простите, что я не могу написать вам название этого места (из-за цензуры). Мне кажется, они потратили на нас около 3-4 тыс. снарядов... Вся округа была буквально выжжена, а одного артиллериста разорвало напополам... Это был настоящий ад»¹⁴⁷.

Постепенно умонастроения сержанта Ф Вудхауса приобретали все более мрачный характер. Так после очередного артиллерийского обстрела он написал в письме следующее: «Матери отправили на фронт множество замечательных юношей и мы все здесь словно беззащитные дети под шквальным огнем артиллерии. Мы готовы сражаться с немцами, но не хотим быть разорванными на куски»¹⁴⁸.

Через несколько недель после этого, 1 июля, началось сражение на реке Сомме. Множество английских солдат расстались там со своими жизнями. Только в первый день потери англичан составили 58 тыс. человек, – это было больше, чем население города, откуда родом был Вудхаус – 20 тыс. из которых были убитыми. Сам Ф. Вудхаус был тяжело ранен во время атаки на лес Мамец. Весь его батальон погиб в ходе этой операции, но Ф. Вудхаусу удалось выжить. Он попал в госпиталь в Этапле на французском побережье, откуда написал письмо матери и сестре. Он закончил его воспоминаниями о своем друге Томе, погибшем в сражении на Сомме: «Я видел его во сне прошлой ночью. Бедняга лежал среди тысяч его товарищей, которые отдали свои жизни за короля и страну»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Цит. по: Ibid. p.28-29.

¹⁴⁸ Цит. по: Ibidem.

¹⁴⁹ Цит. по: Ibidem.

Вскоре Ф. Вудхауса отправили обратно в Англию, где он восстанавливал силы в госпитале Красного Креста в Банбери. И без того плохое здоровье Ф. Вудхауса было окончательно подорвано, поэтому вплоть до окончания войны он нес службу только в тылу. Когда наступило перемирие, он вернулся в Хакнелл, где и провел остаток своей жизни, женился и продолжил работать шахтером. Как и для многих других ветеранов, война стала для Ф. Вудхауса чем-то, о чем он не хотел говорить. Особенно это касалось резни в лесу Мамец, за которую члены его батальона заплатили собственными жизнями.

В начале XX века Великобритания была глубоко верующей страной. В письмах солдат постоянно упоминается Бог. В какой-то степени это связано с тем, что солдаты находились на волосок от смерти, поэтому мысли о загробной жизни посещали их гораздо чаще, чем людей в тылу. Лейтенант 7-го батальона Лондонского полка Э. Мэрчант вспоминал после войны, что по его личным оценкам, основанным на анализе корреспонденции подчиненных ему солдат, «процент верующих людей был чрезвычайно высок», а такие фразы как, «мы должны продолжить доверять Богу», были в десятках писем, которые он прочитал¹⁵⁰.

Один из авторов этих писем описал войну, как очень противоречивую вещь, полную безобразия, жестокости, физических и душевных страданий, но в то же время как нечто изящное. Но изящной была не сама война, а человеческая природа, сильные качества которой обнажались на фронте¹⁵¹.

В некоторых письмах содержались мрачные рассказы о том, что война и приказы начальства вынуждали солдат замарать не только их руки, но и души. Некоторые из наиболее ужасных вещей были понятны без комментариев; их умалчивание уже было весьма красноречиво. В одном из

¹⁵⁰ Цит. по: Roberts A. Op.cit. p.14.

¹⁵¹ Housman L. War Letters of Fallen Englishmen. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2002 – p.xxiv.

писем мы читаем, как один молодой человек, офицер знаменитого Хайлендского полка, участвовал в вылазке, целью которой было провести зачистку вражеских траншей. Для этого были применены газовые бомбы. И так как инструкция командования запрещала брать пленных, то всех задыхающихся и беспомощных немцев, покинувших свои укрытия, было приказано добить штыками¹⁵².

Письма, которые опосредованно доносят до нас чувство позора, испытанное людьми, отправившимися на войну, полагая, что им предстоит выполнять только благородные вещи, полезны нам ничуть не меньше, чем те, где войне приписывается некоторое «изящество». Настаивая на том, что война была ужасной ошибкой, они нисколько не умаляют героизма людей, с которым эта ужасная ошибка столкнулась¹⁵³.

Образ Западного фронта в коллективной памяти английских участников Первой мировой войны начал формироваться задолго до ее окончания. Свое отражение он нашел на страницах фронтовой корреспонденции. Анализ последней позволяет нам взглянуть на события Первой мировой войны глазами ее непосредственных участников, помогает раскрыть содержание культурной памяти народа, которая в данном случае заключена в форме текста о важных исторических событиях, написанного теми, кто непосредственно в них участвовал.

По разным оценкам, количество отправленных солдатами домой писем за годы войны превышало десятки миллионов. Однако в силу того, что данная переписка подвергалась жесткой цензуре со стороны офицеров, мы практически не встречаем в ней критики в адрес политиков и Генерального штаба. Сравнительный анализ содержания фронтовых писем показывает, что большинство фронтовиков волновали одни и те же мысли, и в первую

¹⁵² Ibid. p.xxv.

¹⁵³ Ibid. p.xxvi.

очередь – забота о семье, близких, оставшихся в тылу. Можно даже сказать, что практически все они имели устойчивый формуляр, базовыми элементами которого были: 1) обращение к индивидуальному или коллективному адресату; 2) сообщение о состоянии автора письма (жив, здоров, готовится к бою, закончил бой и т.д.); 3) приветы родственникам, знакомым; 4) сознательная и бессознательная передача фактов фронтовой повседневности; 5) бытовые просьбы (например, прислать что-либо); 6) просьба сообщить о судьбах родственников, близких, знакомых. В этих письмах говорится о решимости, мужестве, преданности, великодушии и вере, а также о разочаровании, сомнении и растущем недоверии к войне, как к средству достижения общего блага, которое будет соразмерно понесенным в ней огромным людским жертвам.

Необходимо также отметить, что далеко не все военнослужащие были морально подготовлены переносить все тяготы войны. Они не были бойцами по своей природе, поэтому им не так просто было побороть свои страхи, темперамент и брезгливость. Через все лишения и ужасы войны они вынуждены были пройти без особого восторга, а зачастую даже с чувством глубокого осуждения. В некоторых из таких писем содержится крик души, связанный с муками совести, или по крайней мере с серьезными сомнениями в целях и средствах войны. Их идеалы, с которыми они отправлялись на фронт, постепенно были раздавлены реалиями жизни.

2.2. Западный фронт Первой мировой войны в воспоминаниях английских ветеранов в 1920-х гг.

Для большинства английских ветеранов Западного фронта Первой мировой войны единственным подходящим местом в послевоенное время, где можно было спокойно поделиться своим видением войны, воспеть дух боевого товарищества, а также храбрость и верность долгу стали компании

сослуживцев. Иногда эти группы принимали форму сообщества ветеранов, в которых можно было расслабиться в приятной дружеской атмосфере, что было очень важно для многих людей. Эти группы принимали участие в официальных общественных мероприятиях – например, на день поминовения погибших на войне – но в целом предпочитали придаваться воспоминаниям о войне в более узкой компании и за кружкой пива. По сравнению с общим числом солдат, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны, число таких сообществ никогда не было особо большим. Однако следует отметить, что в подобных организациях было много неформальных членов¹⁵⁴.

Члены сообщества ветеранов не пытались отделиться от большинства своих сослуживцев, которые проявляли меньше социальной активности и не так уж часто предпочитали вспоминать о войне. Скорее они были группой активных людей, которые на регулярной основе принимали участие в различных общественных мероприятиях, тогда как другие ветераны предпочитали делать это лишь время от времени. Их поведение нельзя назвать типичным, но и необычного в нем тоже ничего не было.

Возможно, бывшие офицеры обладали достаточным опытом и социальным статусом, чтобы организовать намного больше формальных сообществ, но так как вербовка в армию в начале войны осуществлялась по региональному принципу, то бывшие сослуживцы и без этого постоянно сталкивались друг с другом в пабах, на улице и т.п. Сообщества ветеранов вдохновляли людей обращаться к положительному образу войны. Хотя, конечно, там вспоминали и ужасы, пережитые в окопах, но компания друзей и алкоголь помогали снова сконцентрироваться на чем-то хорошем.

По своей природе деятельность этих сообществ носила эксклюзивный и недолговечный характер. Их члены оставили совсем немного следов в

¹⁵⁴ Todman D. Op.cit. p.206.

истории, так как делились своим военным опытом в основном друг с другом, поэтому мы можем судить о нем только по купленным копиям полковых историй, или по воспоминаниям их детей, которые в детстве украдкой подслушали разговоры взрослых¹⁵⁵.

В отличие от Франции и Германии, британские ветераны в межвоенный период, зачастую, не отличались слаженностью действий и единством мнений. Различные способы интерпретации и оценки ими своего боевого опыта привели к тому, что общественные церемонии поминовения ориентировались в первую очередь на эмоциональные потребности скорбящих родственников и близких¹⁵⁶.

Поскольку риторика «дня поминовения» все больше сосредотачивалась на смерти и трауре, некоторые ветераны чувствовали себя неспособными принимать в ней участие. Торжественные мероприятия не соответствовали их восприятию войны, так как они говорили о смерти либо слишком поверхностно, либо наоборот излишне сосредотачивались на ней. Один бывший офицер прекратил принимать участие в мероприятиях на день поминовения в 1920-х годах, потому что, как он сам писал, «складывалось впечатление, что ты присутствуешь на собственных похоронах»¹⁵⁷.

В других случаях солдаты просто не могли вместить свои личные душевные переживания в рамки дня поминовения. У таких людей, как правило, были свои юбилейные даты, которые они предпочитали отмечать. Пулеметная команда Л. Г. Пэча была почти полностью уничтожена во время Третьей битвы при Ипре, которая так и не прижилась в национальной памяти британского общества. «Этот день, 22 сентября 1917 г. – это мой день памяти, а не 11 ноября... Я всегда очень тихий в этот день и не хочу ни с кем

¹⁵⁵ Ibidem.

¹⁵⁶ Carrington C. Soldier from the Wars Returning. London: Hutchinson, 1965 – p.258.

¹⁵⁷ Ibidem.

говорить... Я всегда буду помнить. Я никогда не забуду троих товарищей, которых я потерял»¹⁵⁸.

Следует учитывать, что социокультурные реалии, в которых существовали ветераны Первой мировой войны, значительно отличались от тех, в которых живут современные люди. Они не испытывали постоянной потребности обсуждать с кем-то свои эмоции. Эта черта характера сформировалась у них еще в довоенное время: семьи рабочих в начале XX века не ждали от своих кормильцев того, что те станут обсуждать с ними свою работу¹⁵⁹. Фактически одним из обязательных качеств хорошего мужа было то, что он не тащил свои проблемы домой. Из-за этой привычки многие мужчины предпочитали не говорить о том, что они пережили. Даже если они находили какие-то аспекты своей службы попросту ужасными, то почему они должны обсуждать это с кем-то? Понятно, что большинство людей просто хотели побыстрее вернуться к своей обычной жизни, найти работу и по возможности забыть о войне. Это не означало, что подобные люди никогда не вспоминали о своей службе. Просто им были необходимы особые условия для этого.

Учитывая вышесказанное, остается открытым вопрос, почему некоторые ветераны все же приняли решение поделиться с другими людьми своим опытом и переживаниями? Зачем некоторые из них описывали пережитые ими ужасы? Ведь именно на их записях основаны наши представления о войне. Несомненно, некоторым людям, как, например, Р.Грейвзу с его «Со всем этим покончено», было просто необходимо выговориться, чтобы оставить травмирующие их воспоминания в прошлом. Но это было не единственной причиной. Многие рассказывали о своем боевом опыте, чтобы подтвердить свой статус ветерана войны. Они воины,

¹⁵⁸ Цит. по: Richard V.E., Humphries S. Veterans : the last survivors of the Great War. London :Leo Cooper, 1998 – p.142.

¹⁵⁹ McKibbin R. Classes and Cultures: England, 1918–1951. Oxford: Oxford University Press 1998 – p.166.

которые видели то, что другие люди не видели. Подтверждение того, что они были на фронте, давало им чувство идентичности и сопричастности с грандиозным историческим событием¹⁶⁰.

К подобным произведениям можно отнести мемуары капитана Д.Е. Хики. Ему было всего 20 лет, когда в 1916 г. он пополнил ряды Саффолкского полка. В декабре того же года Д.Е. Хики присоединился к танковому корпусу, где служил вплоть до января 1919 г. Он участвовал в сражении при Пашендейле, а через несколько недель стал частью первой массированной танковой атаки в Камбре. Д.Е. Хики прикрывал отступление 2-ой дивизии во время весеннего наступления немецкой армии в 1918 г., а в битве при Амьене в августе выполнял роль офицера связи между танками и австралийской армией. Сам он так говорил о причине, по которой решил написать свои мемуары: «Это книга о моем боевом опыте и о тех сражениях, в которых мне довелось поучаствовать в течение Первой мировой войны. Я решил сфокусироваться именно на своих персональных впечатлениях не потому, что хотел похвастаться ими, а просто в силу того, что мне часто говорили о том, какие они интересные»¹⁶¹.

Другим примером могут служить мемуары капитана Г. Гриви. В этой книге автором была описана так называемая подземная война, которая велась на Западном фронте. Суть ее заключалась в переходе от осадной войны подкопов к подземной фортификационной войне на линиях фронта. С этой целью англичанами создавались специальные тоннельные роты. Капитан Г. Гриви спокойно и зачастую бесстрастно описывал ключевые сражения, в которых он принимал участие, а также все те ужасные события, произошедшие с ним в ходе данной кампании. Описывая сражение за горный хребет Мессинес, он утверждал: «Битва за Мессинес была ограниченной по

¹⁶⁰ Todman D. Op.cit. p.22-24.

¹⁶¹ Hickey D. E. Rolling into Action. Uckfield: N & M Press, 2007 – p.17.

времени боевой операцией, все цели которой были достигнуты в течение нескольких часов. При сравнительно небольшой стоимости этой операции, нам удалось захватить 7000 военнопленных, а также нанести немцам серьезные потери убитыми и ранеными. На протяжении долгих месяцев наши инженеры непрестанно работали в туннелях и 7 июня 1917 г. их старания наконец были вознаграждены... Д. Хейг и Г. Плюмер отдали должное их доблести и проделанной работе. Ходят споры вокруг того, говорил ли А. Веллингтон, что битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона, но я уверен, что битва за Мессинес была выиграна в земляных недрах»¹⁶².

Также как и в историях воинских подразделений, которые были особенно популярны в первые послевоенные годы, образ Западного фронта в воспоминаниях Д.Е. Хики и Г. Гриви был выхолощенным, поскольку их авторы воздержались от каких-либо оценок действий военного и политического руководства. Мемуаристы хладнокровно и с некоторой долей отрешенности описывали ужасные последствия бомбардировок, газовых атак, танковых сражений. В таких историях было много поразительных деталей, связанных со службой в армии, много ужасных вещей, но не было ощущения того, что какие-то из этих воспоминаний бередили еще не зажившие душевные раны. В то же время в воспоминаниях Д.Е. Хики и Г. Гриви воспевались боевые подвиги однополчан и дух товарищества, царивший в окопах.

В несколько другом русле была выполнена двухтомная «Первая мировая война», опубликованная Ч. К. Репингтоном в 1920 г. Ей были свойственны многие черты характерные для журналистских статей, и речь в данном случае идет не только о том, как скоро после окончания войны она

¹⁶² Grieve W.G. Op.cit. p.247.

была написана. Ч.К. Репингтон принадлежал к семье крупных землевладельцев в Уилтшире, был выпускником Итона и начал свою военную карьеру задолго до Первой мировой войны. Однако из-за романа с женой египетского чиновника в 1904 г. он был вынужден подать в отставку. На тот момент Ч.К. Репингтон был в чине подполковника, так что если бы не этот инцидент, то он вполне мог бы быть генералом во время Первой мировой войны. Вместо этого он стал военным корреспондентом «The Times». Многие из друзей Ч.К. Репингтона стали старшими офицерами в начале войны, поэтому у него был отличный доступ к информации с Западного фронта.

Двухтомная история конфликта Ч.К. Репингтона представляла собой мемуары, составленные в виде журнала. Ее успех не в последнюю очередь был связан с тем, что у Ч.К. Репингтона было много друзей среди политиков, приватные разговоры с которыми он без их ведома опубликовал в своей работе: «Понедельник. 20 августа. Обедал вместе с сэром У. Робертсоном. Он провел сутки во Франции и вернулся только в прошлую пятницу. Он признал, что положение в Бельгии было ужасным и к тому же осложнялось из-за погоды. Так 31 июля дождь не позволил союзникам контратаковать немцев, в результате чего последние смогли передислоцировать свои пострадавшие в бою дивизии подальше от линии фронта и закрепиться на своих позициях. Это стало большой проблемой для Д. Хейга... Я спросил, что насчет 500 тыс. новобранцев, прибывших на фронт в августе? Он ответил мне, что все знают, что они не были получены. Я возразил, как это все знают, если об этом никто не говорил и мне тоже не было ничего известно? У. Робертсон сказал, что на фронт прибыли только две трети заявленных призывников. Лорд Милнер настаивал на том, что в сельском хозяйстве не хватает рабочих рук, поэтому мы были вынуждены выделить ему 80 тыс. мужчин, без которых он не мог обойтись. Военный кабинет настаивал на

том, что в стране больше нет свободных людей, но У. Робертсон был не согласен с этим. Он сказал, что нельзя выигрывать сражения без людей»¹⁶³. Книга Ч.К. Репингтона была буквально переполнена наблюдениями, сделанными непосредственно на фронте, что заметно отличало ее от академической истории. В целом она была правдивой и драматичной. Основная ее мысль заключалась в том, что войны ведутся не только на поле боя, но и в кабинетах политиков. Ч.К. Репингтону удалось показать это, в результате чего его мемуары и по сей день остаются ценным источником. В то же время в работе автора мы не видим никакого разочарования со стороны Ч.К. Репингтона в кампании или в ее результатах. Он не стремился выйти за рамки сложившегося к тому моменту положительного образа войны, отдельные фрагменты которого мы можем найти в мемуарах ее непосредственных участников, вышедших в первые послевоенные годы. По сути, автор стремился подстроиться под запросы читателей, приоткрыв завесу тайны, окружавшую высшие эшелоны власти.

В межвоенный период были определены основные способы коммеморации войны. В процессе увековечивания памяти о ней англичане предлагали все новые версии и интерпретации произошедших событий. И хотя на тот момент времени еще не сложился универсальный миф о войне, мнения людей все же концентрировались вокруг определенных идей о том, как именно им следует отражать те или иные события прошлого.

Популярная культура послевоенного десятилетия сфокусировалась на солдате в траншеях как на носителе реального боевого опыта, тогда как во время войны подчеркивался вклад в победу каждого человека (не в последнюю очередь в угоду мобилизации). Подобные репрезентации, как правило, включали в себя достоверные и не очень описания сражений,

¹⁶³ Repington C. A. C. Op.cit. p.28-29.

которые должны были подчеркнуть их «реализм». В результате наиболее искусные и красноречивые военные писатели в то время, как никогда сконцентрировали свое внимание на окопах и их ужасах¹⁶⁴.

Ветераны Первой мировой заняли видное место в послевоенной литературе Великобритании. В наиболее серьезных произведениях они представляли в образе людей, прошедших через ад. Однако в популярной литературе их в лучших традициях начала войны чаще изображали в виде солдат-героев, которые сражались за старую добрую Англию, а их противниками выступали иностранцы, евреи, радикалы, ирландцы, большевики и интеллектуалы. Вот пример того, как ветераны описывали врагов в наиболее популярных послевоенных рассказах: «Недоумки, сказал он, до войны в большей или меньшей степени присутствовали в спорте; теперь он ужасался тому, что они пачками оказывались в батальонах. Жестокие, черствые, напрочь лишенные чувства юмора и меры, опьяненные извращенной поэзией и риторикой – отвратительная порода людей. Вы найдете все это среди евреев-большевиков, молодых членов коммунистических сект и угрюмой ирландской шпаны»¹⁶⁵.

История придает событиям прошлого определенный порядок, что позволяет нам лучше их прочувствовать. Художественная литература – это нечто другое. «Все романы историчны», писал после войны Ф. М. Форд, «но романы не имеют дела с теми событиями, которые попадают на страницы истории»¹⁶⁶. Исключением стала Первая мировая война. Отражение этих событий в художественной литературе было неизбежным, потому что они изменили окружающую действительность. Именно эти изменения стали главной темой послевоенной литературы и многих исторических

¹⁶⁴ Todman D. Op.cit. p.36-37.

¹⁶⁵ Buchan J. The Three Hostages. The Three Hostages // Ebooks@Adelaide. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/buchan/john/hostages/> [дата обращения 21.01.2016]

¹⁶⁶ Ford M.F. No More Parades // Ebooks@Adelaide. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/f/ford/ford_madox/no-more-parades/index.html [дата обращения 21.01.2016]

исследований. Такие «исторические» романы начали появляться в последние годы войны, но особенно много их появилось в послевоенные годы.

Большинство из этих ранних послевоенных романов были посредственными и не стали каноническими художественными произведениями, посвященными Первой мировой войне. Тем не менее, некоторые из них были очень популярными в свое время, поэтому нам важно выяснить, как именно события Первой мировой войны были отражены в подобных бестселлерах, и что именно привлекало в них читателей. В частности, речь идет о «Пути откровения» У. Юарта и «Расскажите Англии» Э. Рэймонда.

У. Юарт был молодым офицером, сражавшемся на Западном фронте. Он получил ранение во время битвы за Нев Шапель, а в 1918 г. был демобилизован и отправлен домой с сотрясением мозга. Еще во время своего пребывания во Франции У. Юарт задумал написать роман о войне. Правда, изначально действия в нем должны были разворачиваться в Лондоне, а не на фронте, но со временем задумка автора изменилась и он решил написать английскую версию «Войны и мира». Черновик У. Юарта действительно чем-то напоминал произведение Л.Н. Толстого – в нем было около 350 тыс. слов. Предусмотрительный английский издатель сократил первоначальный текст наполовину и выпустил книгу осенью 1921 г. Ей сразу же начал сопутствовать успех.

«Путь откровения» рассказывала об Э. Нойле – молодом человеке из высших слоев английского общества. В 1914 г. он отправился на фронт, участвовал в сражениях во Франции, а во время отпуска несколько раз посещал Англию. Война в книге выглядит очень убедительно. У. Юарт описал сражения при Пашендейле и Камбре в лучших традициях военных мемуаров: «Их разбудил грохот снарядов. Все они повскакивали со своих мест, не успев даже позавтракать. Всего через несколько часов после этого

земля вокруг была усеяна мертвыми телами пехотинцев. Многие из них были безоружными и бежали с поля боя, отдавая себе отчет в том, что шансов на победу у них нет. Эдриану впервые довелось увидеть поражение британских войск и зрелище было не из приятных»¹⁶⁷. Однако автор не забывает и о событиях в тылу. Во время своего визита в Англию Эдриан влюбляется в дочку пэра. В то время, когда герой снова возвращается на фронт, она связывается с плохой компанией, начинает употреблять наркотики, бросает Эдриана ради уклониста от армии и в конце концов умирает. Война заканчивается. Эдриан возвращается в Англию, женится на более порядочной дочери пэра и получает титул баронета.

Верный солдат, неверная девушка, подлые штатские мужчины, упадок высших слоев общества – все эти темы были характерны для военного времени. Однако отношение к ним У. Юарта было довольно интересным. Упадок в социальной жизни Англии наметился задолго до начала войны, в которой многие люди видели надежду на исцеление общества. У. Юарт, напротив, считал, что именно война стала причиной утраты морали. Это война испортила дочерей пэров и поставила крест на счастье ребят на фронте.

Всеобщий декаданс и безнравственность, которые У. Юарт увидел дома во время войны, были отлично отображены в его рассказе. Однако все эти аморальные вещи были только временным явлением: после войны все вернулось на круги своя. Вернулись уютные загородные дома с добродетельными молодыми девушками в них, титулы, да и сама Англия в целом снова стала похожа на саму себя прежнюю. Эдриану пришлось перенести множество страданий и стать свидетелем поистине аморальных вещей, но в реальности мало что изменилось.

¹⁶⁷ Ewart W. Op.cit. p.382-383.

Книга Э. Рэймонда была наполовину военным романом и наполовину школьной историей в лучших английских традициях, повествующими о жизни Р. Рэя. Он и еще два его товарища, которых звали А. Пеннибет и Э. Г. До, жили вместе на протяжении 5 лет их обучения в публичной школе Кенсингтон¹⁶⁸. Когда началась война, они все отправились на фронт: один из них был убит при Нев Шапель, другой на мысе Хеллес в Галлиполи. Третий написал рассказ, а позже тоже погиб во Франции.

«Расскажите Англии» состоит из двух самостоятельных частей: одна рассказывает о том, что было до войны; другая – о том, что было после нее. Можно понять, почему Э. Рэймонд решил рассказать свою историю именно таким образом: школьные годы были его версией довоенного Эдема, его потерянного рая, а война представляла собой падший мир. Многие молодые люди, как те, кто были описаны в романе Э. Рэймонда, наверняка испытывали те же самые чувства. Кроме того, очевидно, что многие молодые офицеры, сложившие голову в первых же своих сражениях, попали на фронт прямиком из публичных школ.

По сути У. Юарт рассказал в своей книге о том, как Англия в годы войны пережила период нравственного упадка, но смогла справиться с этим и после войны снова стала такой же, какой она была до этого. Э. Рэймонд же написал про то, как погибли молодые люди, но это была славная смерть, после которой также ничего не изменилось. В обоих случаях довоенные ценности нисколько не меняются. Война проходит, но Англия остается такой, какой она и была¹⁶⁹.

Критики тепло встретили книгу У. Юарта. Они отмечали то, как хорошо, на манер лучших послевоенных мемуаров, в ней была описана война. Это было неудивительно: критики увидели в произведениях все то,

¹⁶⁸ Raymond E. Op.cit. p. 29.

¹⁶⁹ Hynes S. A War Imagined – The First World War and English Culture. NY: Random House, 2011 – p. 497-501.

что лежало на поверхности. Однако они не обратили внимания на связь между трагическими событиями, описанными в них, и войной, хотя оба писателя делали на этом акцент. Можно сказать, что критики не смогли понять главную мысль произведений. Правда, некоторые из них все же пытались это сделать. Так, например, обозреватель журнала «Зритель» (The Spectator) писал о «Пути откровения»: «...очень жаль, что столь хорошая работа, посвященная этой конкретной теме, должна была быть опубликована именно в данный момент времени. Военные истории сейчас попали в «слепую зону» для читателей. Еще три года назад они тотчас же вызывали интерес к себе. Семь или восемь лет спустя они были бы интересны с исторической точки зрения. Но сейчас мир с отвращением смотрит на события минувших семи лет и, конечно же, авторы не могут позволить себе напоминать о них в своих книгах». Далее автор заметки цитирует несколько эпизодов из книги, где особенно хорошо описываются траншеи и смерть людей, после чего, наконец, подытоживает: «Невозможно поверить, что всего за 4 года цивилизованный мир смог стать настолько ужасен»¹⁷⁰.

Этот критик смог смутно осознать, что в 1921 г. еще просто не сложился миф о «потерянном поколении», с позиций которого книга У. Юарта могла быть понята и оценена по достоинству. Идеи об отношениях между довоенным, военным и послевоенным положением дел, между фронтом и тылом, между поколениями, конечно, уже были высказаны, но они еще не представляли собой единого целого.

В научной литературе не раз отмечалось, что 20-е годы XX века были временем «молчания», когда просто-напросто было не принято говорить плохо о войне. Так, еще С. Хайнс говорил, что «в первое десятилетие после войны на удивление мало говорили о величайшем событии в современной

¹⁷⁰ Ibid. p.502.

истории»¹⁷¹. «Войну похоронили», – утверждал М. Экстейнс, – «лишь немногие люди занимались ею» до того, как небывалый успех произведений Э.М. Ремарка полностью изменил положение дел в литературе¹⁷². Р. Уоль также заявлял, что «несмотря на то, что еще «окопные поэты» разрабатывали тему «потерянного поколения», которое старики отправили на верную гибель» все же «прошло еще около десятка лет, прежде чем эту тему начали систематически разрабатывать в прозе»¹⁷³. Фактически же, однако, подобные тексты, впрочем, как и критика на них, регулярно появлялись на протяжении 1920-х годов, хотя, конечно, и не в таком большом количестве, как в конце этого десятилетия.

По сути, и в 1921 г., и 1928 г. все начиналось с нескольких рассказов, в которых их авторы критиковали войну и делились своими фронтовыми историями. Различие было только в том, что в начале 1920-х годов произведения о войне еще лишь начинали завоевывать интерес у широкой аудитории, в то время как в 1928 г. они уже пользовались у нее значительным успехом. Поэтому военная литература к этому времени с успехом смогла конкурировать с общепринятой точкой зрения на события Первой мировой войны.

Вскоре после заключения перемирия вышло сразу несколько рассказов и мемуаров, в которых их авторы осуждали войну и все то, что с ней было связано. Почти все они получили плохую оценку со стороны критиков. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Эти книги в то время не отражали мнения большинства людей, поэтому, несмотря на то, что они были замечены литературным сообществом, им не удалось снискать популярность. Такая судьба, например, постигла «Второстепенные вопросы»

¹⁷¹ Ibid. p.622.

¹⁷² Ecksteins M. Rites of Spring: The Great War and the Birth of the Modern Age. NY: Doubleday, 1989 – p. 254-255.

¹⁷³ Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge: Harvard University Press, 1979 – p.105.

Д. Э. Джеффри (псевдоним майора Д.Э. Марстона), опубликованные весной 1921 г. Это был сборник рассказов, повествовавший об «уродстве войны и несправедливости, сопровождавшей процесс демобилизации солдат». Публика встретила работу Д.Э. Марстона довольно прохладно, даже не смотря на положительную рецензию Х.О. Ли, в которой было отмечено, что ««Второстепенные вопросы» рассказывают о реально существующих пороках»¹⁷⁴.

Книга другого ветерана, Н. Литтона, служившего офицером на Западном фронте, вызвала еще более негативную реакцию со стороны критиков. В 1921 г. Н. Литтон опубликовал свои мемуары, в которых предметом осуждения стало увиденное и пережитое им на фронте. Критики, конечно, отдавали Н. Литтону должное за то, что тот поделился с читателями своими воспоминаниями о войне: «Особенно хорошо в книге были описаны разведчики – простые солдаты и офицеры, обладавшие невероятной отвагой и умом, которые позволяли им днем и ночью исполнять свой долг». Однако эта похвала была не больше, чем эхом войны. Дело в том, что в первые послевоенные годы в Англии активно шел процесс героизации рядовых участников конфликта, поэтому значительная часть общества в это время придерживалась и горячо приветствовала ту точку зрения, что победа в войне – это в первую очередь заслуга британских солдат. Куда важнее другое замечание рецензентов: «Очень жаль, что Н. Литтон пополнил ряды людей, которые из-за личных обид приняли решение посвятить свое творчество критике вышестоящих офицеров». Фактически Н. Литтон «был очень резок в своих высказываниях... Как критик чужих произведений он, возможно, был бы хорош; но как критик своей книги», – отмечал рецензент, – «он был

¹⁷⁴ Цит. по: Watson J. Fighting different wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 – p.188.

ужасен». Описанную Н. Литтоном стычку с командиром бригады критики назвали «возмутительной»¹⁷⁵.

Многих других критиков вопросы чести и морали волновали значительно меньше, впрочем, как и выводы, к которым пришел Н. Литтон. Его книга, несмотря на многие интересные моменты, все же была несколько запоздалой. Война закончилась два года назад. Понятно, что к 1921 г. читатели были хорошо осведомлены о повседневной жизни в траншеях. Грязь, кровь, насекомые и грызуны никого не могли удивить. Однако они еще не обрели той символической силы, которой они будут наполнены несколько лет спустя.

Нападкам со стороны О. Уильямса подверглась книга Ч. Э. Монтагю. О. Уильямс отмечал, что в произведении Монтагю, конечно, содержится «достаточно правды», но «вряд ли знакомство с ней будет кому-либо полезным»¹⁷⁶. Для Ч.Э. Монтагю это не было новостью, но он все равно «говорил о том, что все и так знали: о некомпетентности начальства, о коррупции во власти... об ужасной скуке, сопровождавшей позиционную войну, об усталости, подозрительности и потере боевого духа»¹⁷⁷. С точки зрения О. Уильямса, который сам был ветераном Первой мировой, проблема заключалась в самом Ч.Э. Монтагю. Так, О. Уильямс писал: «Те, кто пошел на войну, о которой они читали в книжках, естественно были разочарованы реальностью»¹⁷⁸. Отчасти это мнение было политически ангажированным. Дело в том, что консерваторы, к которым относился и О. Уильямс, предчувствуя скорый крах коалиционного правительства, активно начали выступать с нападками на либералов. Ч.Э. Монтагю был сотрудником газеты «Manchester Guardian» в течение многих лет и изначально текст его книги

¹⁷⁵ Цит. по: Ibid. p.189.

¹⁷⁶ Цит. по: Ibid. p.190.

¹⁷⁷ Цит. по: Ibidem.

¹⁷⁸ Цит. по: Ibidem.

публиковался там в форме серии очерков. О. Уильямс использовал свою рецензию как политическую насмешку. Он был автором концепции, согласно которой солдаты-реалисты проще адаптировались на фронте и не страдали от крушения своих иллюзий. «Если у вас не было завышенных ожиданий и вы «отправлялись в бой с отвращением», но с осознанием того, что боретесь за правое дело, то вы «ничему не удивлялись на войне»¹⁷⁹. По сути, О. Уильямс развивал уже ранее озвученную им же самим идею, из-за которой он за два года до этого назвал Ч. Сорли «молодым поэтом-героем». Последний говорил: «Я чувствовал, что тысячи солдат считали войну злом, но они также понимали, что Англия борется в ней с еще большим злом». То, что война была настоящим адом, еще не значило, что ее нужно было осуждать. Война была адом, о котором должны были знать все, но адом, устроенным ради достижения благой цели»¹⁸⁰.

Однако со временем ситуация в отношении военной литературы начала кардинально меняться. «Занятно, но еще пару лет тому назад», отмечал историк С. Фоллс в конце 1927 г., «читатели относились к мемуарам ветеранов Первой мировой войны с неприязнью». Теперь же он наблюдал «неуклонный рост интереса к книгам подобного жанра»¹⁸¹. Начался так называемый книжный бум, связанный с военной литературой. Истории, в которых ветераны делились своим негативным отношением к войне, появлялись на прилавках книжных магазинов и раньше. Однако теперь их авторы сконцентрировались на новом поколении читателей и пытались, несмотря на продолжавшуюся общественную дискуссию, рассказать ему об истинном значении этой войны.

¹⁷⁹ Цит. по: Ibid. p.190.

¹⁸⁰ Цит. по: Ibidem.

¹⁸¹ Цит. по: Ibid. p.194.

В первые послевоенные годы общество в целом придерживалось той точки зрения, что война, хоть и стала огромной трагедией, все же преследовала благие цели – потенциальное наступление политической и экономической стабильности в обществе. Тем не менее, ничего из этого так и не произошло. К концу 1920-х годов население устало ждать изменений к лучшему и начало все больше задумываться о той цене, которую заплатила Англия за участие в Первой мировой войне: о миллионах искалеченных жизней рядовых солдат и их близких. Это была не единственная, но одна из ключевых причин, благодаря которым военная литература внезапно обрела большую популярность.

Конец 20-х годов XX века принято считать годами мифотворчества о войне. С. Хайнс, например, отмечает, что именно в это время появились ключевые элементы того мифа о «потерянном поколении», который окончательно оформился в 1930-е годы. Некоторые из этих элементов принимали форму крылатых фраз и выражений: «Громкие слова», «Переломный момент» и т.д. Все вместе они составляли одну общепринятую и всеми признанную версию того, что произошло во время Первой мировой войны¹⁸².

Однако миф, оформившейся в конце 20-х годов был больше, чем просто рассказом о том, какой была война: в нем отразилось ее влияние на общество, искусство, политику, женщин, прогресс и цивилизацию. Иногда можно увидеть, что процесс мифотворчества принимал форму рецензий, с которыми военные писатели выступали на книги других ветеранов. Такие обзоры обычно начинались с описания своих военных впечатлений, за которыми следовало изображение послевоенной судьбы сражавшегося поколения. Г. Рид, например, начал свою рецензию на «На Западном фронте

¹⁸² Hynes S. Op.cit. p.529-533.

без перемен» с похвалы в адрес Э.М. Ремарка: «Это первое произведение о самом величайшем событии нашего времени, которое полностью оправдывает ожидания», – писал он, – «это величайшая из всех книг о войне»¹⁸³. После этого он процитировал отрывок из книги, который также отметили многие другие рецензенты, где солдат Э.М. Ремарка, П. Боймер, говорит о будущем, в котором его поколение будет жить: «Если бы мы вернулись домой в 1916 г., не утихшая боль пережитого и неостывший накал наших впечатлений вызвали бы в мире бурю. Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться. Да нас и не поймут, ведь перед нами есть старшее поколение, которое, хотя оно и провело вместе с нами все эти годы на фронте, уже имело свой семейный очаг и теперь снова займет свое место в обществе и забудет о войне, а за нами подрастает поколение, напоминающее нас, какими мы были раньше; и для него мы будем чужими, оно столкнет нас с пути. Мы не нужны самим себе, мы будем жить и стариться – одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места. Протекут годы, и мы сойдем со сцены»¹⁸⁴.

Именно эта тема в книге Э.М. Ремарка, затрагивающая проблему адаптации военного поколения в послевоенном мире, больше всего волновала ветеранов-критиков, таких как Г. Рид, в первое десятилетие после войны. Они относили себя к поколению, которое пережило войну и стало ее жертвой. Поколению, которое отлично знало, что оно потеряло. И это чувство утраты стало предметом рецензии Г. Рида, которая заканчивалась следующим параграфом: «Не остались больше и капли идеализма в этом поколении. Мы больше не можем верить ни в демократию, ни в социализм, ни в Лигу Наций. Сказать, что мы сражались на фронте за демократию, было

¹⁸³ Цит. по: Ibid. p.645.

¹⁸⁴ Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен - Возвращение. М.: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, 1988. – с.177.

бы высшей степенью глупости. Из взаимного уважения к страданиям друг друга мы создали чувство товарищества, которое было единственным хорошим подарком этой войны. Но смерть уничтожила даже это и все, что у нас осталось – это только желание жить. Хотя мы уже не понимали, как жить»¹⁸⁵. Непостижимый мир, лишенный ценностей и убеждений, где живут совсем одни и без капли надежды. Это больше не было военной историей, которую рецензировали и оценивали. Г. Рид сделал ее мифом, бессюжетным рассказом о жизни в мире после войны.

В 1927 г. М. Плауман под псевдонимом М. Севен опубликовал свои мемуары, рассказывающие читателю о пережитом им на Западном фронте. М. Плауман родился в 1883 г. в Плимуте. К тому моменту, как в 1914 г. началась война, он уже успел закончить частную школу, бросить работу каменщиком, жениться и начать новую карьеру писателя. Все в том же 1914 г. М. Плауман пополнил ряды территориальных войск. Служба в них показалась ему скучной, поэтому в июле 1916 г. М. Плауман добился того, чтобы его отправили во Францию. Там он оказался в расположении 10-го батальона, который понес самые большие потери в ходе первого дня сражения на реке Сомме – 22 офицера и 688 рядовых солдат¹⁸⁶. В общей сложности он провел около 6 месяцев на фронте, пока в январе 1917 г. не получил тяжелого ранения от осколка немецкого снаряда. После этого М. Плаумана отправили на лечение в Англию и обратно во Францию он уже не вернулся.

При написании мемуаров М. Плауман опирался на свои письма и дневники, которые он вел, находясь во Франции. В самой же книге автор делился своим негодованием по поводу той некомпетентности, что царила в британской армии. Так, например, командир его батальона постоянно

¹⁸⁵ Цит. по: Watson J. Op.cit. p.202.

¹⁸⁶ Bond B. Op.cit. p.108.

оскорблял своих подчиненных из числа добровольцев, людей отправляли в патруль при свете Луны, а солдатам в окопах командование банально не могло обеспечить нормального продовольственного снабжения. У него также вызывал отвращение инструктор по стрельбе, который советовал целиться только в голову «даже если она была размером меньше, чем фазан»¹⁸⁷. Несмотря на то, что М. Плауман считал, что Германия непременно должна быть побеждена, он не испытывал никакой враждебности в адрес противника. Подобное отношение к врагу было не свойственно для военных рассказов первых послевоенных лет и, по сути, шло вразрез с ними. Идеалом солдата для М. Плаумана был «Джексон» (его прототипом стал ефрейтор Л. Барретт), который хоть и не мог похвастаться физической силой, но зато всегда был готов помочь своим сослуживцам¹⁸⁸.

Воспоминания М Плаумана в целом получили положительные отзывы со стороны критиков, пользуясь огромным успехом у читателей сразу после своего выхода. Однако, несмотря на все это, их автор предпочитал держаться скромно и только недоумевал по поводу реакции пацифистов, которые вообще не имели никакого боевого опыта. Последние сделали из М. Плаумана свой рупор, в то время как работы настоящих пацифистов зачастую оставались в то время вовсе незамеченными. В ноябре 1927 г. он отмечал, что получил 25 отзывов на свою книгу и все они были положительными¹⁸⁹.

Полноценный, комплексный миф о Первой мировой войне оформился в конце двадцатых-начале тридцатых годов XX века во многом под влиянием творчества Р. Грейвза, З. Сассуна и Э. Бландена. Также значительную роль в процессе мифотворчества сыграли пьесы, фильмы, картины и т.д. Огромной

¹⁸⁷ Цит. по: Ibidem.

¹⁸⁸ Ibid. p.109.

¹⁸⁹ Ibidem.

популярностью и уважением в конце двадцатых годов пользовалась пьеса «Конец путешествия», написанная драматургом-любителем Р.К. Шерриффом для небольшого драматического кружка, в котором он состоял. Спектакль быстро стал хитом: сначала его поставили в театре Стейдж Сошаети, а затем он переехал в театр Савой, где шел целых 16 месяцев подряд.

Немногие критики считали, что «Конец путешествия» – это гениальная пьеса. Однако большинство из них признавали, что у нее были качества, которые помогли ей найти свою аудиторию. Одним из таких качеств стал реализм. Действие в ней разворачивается в землянке, которая расположена на Западном фронте под Сен-Кантен, за несколько дней до наступления немецкой армии в марте 1918 г. В землянке находились командир роты капитан Стэнхоуп и четыре его офицера: Озборн, Хибберт, Троттер и новый лейтенант Рейли. Во время спектакля выяснилось, что Стэнхоуп являлся пьяницей, а Хибберт – трусом. Герои совершили вылазку. Озборн и Рейли погибают, Хибберт пытается справиться со своими нервами, начинается немецкое наступление и на этом пьеса заканчивается.

Ветераны признавали, что все это они видели и слышали во время своей службы на Западном фронте. Журналист «Times» (скорее всего, это был Ч. Морган) писал: ««Все так, как есть!» говорим мы, глядя на землянку, которая расположена в траншеях близ Сен-Кантен. И дело здесь не только в реалистичном реквизите на сцене. Повседневная жизнь в землянке выглядит здесь ничуть не менее достоверно, чем декорации... Нам никогда не забыть наших собственных первых впечатлений от войны... поэтому, когда немецкая атака, которую все давно ждали, наконец, обрушивается на окопы с неистовой яростью и пьеса на этом заканчивается, то мы снова произносим

«Все так, как есть!». Снова и снова этот отклик находит данная история и ее персонаж в наших сердцах и в нашем опыте»¹⁹⁰.

Ч. Морган считал, что несмотря на все это, пьеса проживет недолго: это как фронтовая корреспонденция, говорил он, и для нее нужен особый сорт публики. Но для людей, которые, как и Ч. Морган, не понаслышке знали о войне, эта пьеса была сродни их собственному боевому опыту.

У пьесы Р.К. Шерриффа было еще одно качество, обеспечившее ей успех: стремясь изобразить фронт таким, каким он был, Р.К. Шеррифф собрал воедино все основные элементы мифа о войне. Персонажи пьесы были типичными героями военных историй: смельчак; командир, у которого проблемы с выпивкой; парень, на которого можно положиться; тихий заместитель командира; наивный молодой лейтенант; трус; офицер из Новой армии, выходец из низов общества; юморист. Все действия на сцене также были до боли знакомыми – во вступлении штабной офицер ставит перед солдатами невыполнимую задачу, их вылазка проваливается, сцена смерти. И, конечно же, заранее заготовленные речи в духе «Вы думаете, что мне все равно?», или «Я пью, чтобы забыть». Время действия также было выбрано удачно: последнее крупное немецкое наступление и последнее поражение англичан¹⁹¹.

Есть еще один элемент, который сделал пьесу каноничным примером мифа о войне. В ней косвенно проводились аналогии между жизнью в траншеях и в публичной школе. Стенхоуп был капитаном команды по регби, настоящим кумиром всей школы. Озборн – мудрый, старый офицер – говорит Рейли «Кажется, что регби и крикет сейчас находятся где-то совсем-совсем далеко отсюда», но на самом деле это не так. Отряд жил по нехитрому набору неписанных, но жестких правил. Это очень похоже на то, что можно

¹⁹⁰ Journey's End // The Times. 1929. 22 Jan. p.10.

¹⁹¹ Hynes S. Op.cit. p.648.

было увидеть в публичных школах (описанных, например, в «Со всем этим покончено»). Здесь также поклоняются идолам, царит тот же юношеский максимализм, тот же командный дух и склонность к самопожертвованию... Эта модель поведения – свойственная настоящим англичанам, мужская, в каком-то смысле анахроническая – погибла на Западном фронте. Р.К. Шеррифф в своей пьесе воскресил ее и наполнил сантиментами¹⁹².

Мужчины, которые побывали на войне, такие как Ч. Морган, были тронуты до глубины души пьесой Р.К. Шерриффа: они игнорировали ее условность и сентиментальность, отмечая лишь ее достоверность. «Другие люди», писал Ч. Морган, «возможно скажут, что эта пьеса не была произведением искусства, но «мы, кто не был с этим отрядом при Сен-Кантене в марте 1918 г., не имеем права осуждать их эстетический дидактизм»¹⁹³. Для них это была реальность и они заполняли все места в Савое.

В 1933 г. вышла книга «Поразительное расточительство: фрагменты автобиографии» известного английского писателя и профессора истории Г. Чапмана. Он родился в 1889 г. в Лондоне, учился в Вестминстер-Скул (одной из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ), а позже окончил Оксфорд, где освоил профессию юриста. После начала войны Г. Чапман вступил в Королевский фузилерский полк в качестве адъютанта. В августе 1915 г. его отправили на Западный фронт. В 1917 г. в битве при Аррасе он получил отравление газом и чудом избежал смерти. После непродолжительного лечения, Г. Чапман снова вернулся на Западный фронт и пробыл там вплоть до заключения перемирия 11 ноября 1918 г.

¹⁹² Ibidem.

¹⁹³ Journey's End // The Times. 1928. 11 Dec. p.14.

После окончания войны Г. Чапман работал редактором во многих издательствах, до тех пор пока не стал профессором Новой истории в университете Лидса. Он также опубликовал множество книг, в числе которых уже вышеупомянутая «Поразительное расточительство: фрагменты автобиографии», где было дано прекрасное описание повседневной жизни солдат в траншеях.

В первые послевоенные годы Г. Чапман долго не решался излагать свои воспоминания на бумаге, потому что они были связаны с тяжелым эмоциональным опытом. Ему потребовалось больше 10 лет, чтобы собраться с мыслями и посмотреть на жизнь своего батальона со стороны. В итоге работа была завершена в 1930 г., но к тому моменту пик популярности военной литературы уже был пройден, поэтому Г. Чапман испытал определенные трудности с публикацией своих мемуаров.

Г. Чапману всегда не хватало боевого духа. У него не было излишних романтических иллюзий, и он не хотел отправляться на войну. Ему было страшно, но еще больше он боялся показать свой страх другим людям. Немецкие снаряды, особенно после битвы при Ипре в 1917 г., пугали Г. Чапмана, писавшего о том, что «дым стоял от них столбом, земля становилась черной, а кошмарный звук от деформирующегося стального корпуса резал слух. Они повергали меня в настоящий ужас, мое тело отказывалось слушаться, а разум и душа придавался панике»¹⁹⁴. После года, проведенного на Западном фронте, Г. Чапман признавался, что он никогда не испытывал того особого прилива сил, что заставлял настоящих воинов кричать «я обожаю войну!». Тела мертвых людей, в которых еще совсем недавно теплилась жизнь, заставляли его лишь «содрогнуться и пробуждали ненависть к окружающей действительности»¹⁹⁵. Ему требовалось прилагать

¹⁹⁴ Цит. по: Bond B. Op.cit. p.29.

¹⁹⁵ Цит. по: Ibidem.

огромные усилия, чтобы выйти из ступора, когда вокруг начиналась стрельба, поэтому он не скрывал своего негативного отношения к войне.

Тема войны играла главную роль и в творчестве знаменитого английского поэта и прозаика Р. Олдингтона. Он родился 8 июля 1892 г. в Портсмуте в семье А. Э. Олдингтона, работавшего адвокатом, и Д. М. Годфри. После подготовительных курсов в Уолмере и заливе Сент-Маргарет, Р. Олдингтон с 1904 по 1906 гг. учился в Дуврском колледже. Примерно в 15 лет он, вдохновленный творчеством О. Уайлда и Д. Китса, начал писать стихи. В 1910 г. Р. Олдингтон поступил в Университетский колледж Лондона, который он вскоре был вынужден покинуть, так как его отец испытывал проблемы с финансами.

Некоторое время Р. Олдингтон работал ассистентом редактора спортивной колонки в местной газете, однако позже он сам стал журналистом и зарабатывал на жизнь этим и тем, что писал стихи. С 1912 года он стал вхож в круг авангардистских писателей, среди которых были Ф. М. Форд, Э. Паунд и американская писательница Х. Дулитл. Они называли себя «имажинисты», а их неофициальным лидером был господин У.Б. Йейтс, которого молодые писатели очень уважали и считали его своим другом. Последний, в свою очередь, также относился к ним весьма доброжелательно. Ему нравилось их творчество, напоминавшее ему о его молодости.

После начала Первой мировой войны Р. Олдингтон хотел поступить на службу в почетный артиллерийский полк, но был вынужден отказаться от этой идеи из-за перенесенный в детстве операции по удалению грыжи. Тем не менее, 21 декабря 1916 г. он отправился во Францию в составе 11-го батальона Девонширского полка, после чего стал рядовым 6-го батальона Лестерширского полка. В январе 1917 г. он был переведен в 11 батальон. Он пробыл во Франции до мая 1917 г. и снова вернулся в Англию, где с июня по ноябрь проходил обучение на офицера. В итоге ему удалось успешно пройти

комиссию в Сасексе и в апреле 1918 г. он снова вернулся на фронт. К ноябрю 1918 г. он уже получил звание капитана. После перемирия он какое-то время оставался в Бельгии. Там он преподавал арифметику и английскую грамматику, пока в феврале 1919 г. не был уволен в запас. Помимо травматического стресса, он также страдал от хронического бронхита, связанного с воздействием ядовитого газа на его организм¹⁹⁶.

Когда война закончилась, Р. Олдингтону, как и большинству представителей военного поколения, было около 25 лет. При любых других обстоятельствах, это был отличный возраст для человека, чтобы жить в свое удовольствие. Но для тех, кто вернулся с войны, в жизни не было больше ничего восхитительного. Господин У.Б. Йейтс к тому времени уже переехал сначала в Оксфорд, а затем в Ирландию – новую Ирландию, созданную на основе его идей. Т. Хьюм был убит в первые дни войны. Э. Паунд уехал сначала в Париж, а потом в Италию. Т.С. Элиот создал журнал «Критерий» («The Criterion») и практически отказался от поэзии.

В течение последующих десяти лет, в рамках которых военное поколение, за редкими исключениями, отошло от дел, Р. Олдингтон написал необычное стихотворение «Я непроходимый дурак» (1925), в котором в более сжатой форме была изложена главная мысль «Смерть героя». Возможно, он подсознательно понимал, что еще не пришло время, когда он бы в полной мере мог рассказать о том, что он видел и пережил. Какое-то время он занимался в основном переводами и критикой. Он также начал работать в «Литературном приложении Таймс» («Times Literary Supplement») как штатный критик французской литературы. Р. Олдингтон даже хотел возглавить этот журнал, став его главным редактором, но после встречи с Д.Г. Лоренсом он пришел к выводу, что должен писать нечто более личное, а

¹⁹⁶ Saunders M. Aldington, Edward Godfree (1892–1962) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/30366> [дата обращения 5.05.2015]

также решил на какое-то время покинуть Англию. Так Р. Олдингтон провел большую часть следующего десятилетия во Франции¹⁹⁷.

В конце 1920-х годов Р. Олдингтон перешел от поэзии к прозе, написав в период с 1929 по 1939 гг. 7 рассказов. В конце мая 1928 г. Х. Дулитл прислала Р. Олдингтону копию перевода книги Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». 6 июня он ответил ей в письме, что это великолепная книга и вообще «величайшая вещь, которая когда-либо была сделана человеком». Однако он был буквально поражен уровнем жестокости в этом произведении. Олдингтон отмечал, что «Ужасы войны тяжело преувеличить, но искусство все же требует определенной сдержанности. Ни к чему специально искать исключительные примеры жестокости. Кроме того, мне кажется, Ремарк слишком много концентрируется на сражениях и мало рассказывает о тоскливых промежутках времени между ними». Эти комментарии прекрасно демонстрируют то, как серьезно относился Р. Олдингтон к вопросу репрезентации военного опыта. Именно поэтому он высоко оценил книгу Г. Рида «Отступаем» вышедшую в 1925 г.

Письмо продолжалось следующими словами: «Моя книга больше и представляет собой несколько другой тип романа, рассказывающий о жизни трех поколений – ты знаешь мою слабость к историческому методу! Больше половины книги рассказывает о довоенном времени. Стиль повествования резко меняется после начала войны и становится более объективным, нежели чем в начале книги, где есть много юмора и поэзии. Часть, посвященная войне, написана в более спокойном и беспристрастном ключе... Я думаю, что поваляв немного дурака в начале, я смогу показать последующую трагедию еще более остро»¹⁹⁸.

¹⁹⁷ MacGreevy T. Richard Aldington: An Englishman // The Tomas MacGreevy archive. URL: <http://www.macgreevy.org/style?style=text&source=book.rae.xml&action=show> [дата обращения 21.11.2015]

¹⁹⁸ Whelpton V. Richard Aldington – Poet, Soldier and Lover 1911-1929. Cambridge: Lutterworth Press, 2014 – p.330-331.

Его первая антивоенная книга «Смерть героя» (1929 г.) сделала его знаменитым: Д. Оруэл даже считал, что «это лучшая английская книга о войне». «Смерть героя» стала поворотной точкой в творчестве Р. Олдингтона. Она продемонстрировала незаурядный сатирический талант своего автора, резко осуждавшего здесь викторианское лицемерие и общественное слабоумие, разрушавшее индивидуальное счастье. «Смерть героя» также была автобиографической работой, отражавшей неприязнь Р. Олдингтона к родителям (особенно матери), войне и литературной элите, включая Элиота, Форда, Лоуренса и Паунда¹⁹⁹.

В лучших традициях древнегреческой трагедии, книга была разделена на три части. Первая повествовала о детстве Д. Уинтерборна, о его семье и воспитании. Вторая рассказывала читателю о времени накануне войны, когда Джордж еще был молодым художником, а также о взаимоотношениях главного героя с женщинами и его вхождении в круг творческой элиты Лондона. В третьей же главе говорилось о службе Джорджа в армии вплоть до его смерти 4 ноября 1918 года.

Главная тема «Смерти героя» заключалась в том, что общество довело главного героя до самоубийства. То самое довоенное общество, которое воспитало его. В «Я непроходимый дурак» убийство произошло не в прямом смысле: в конце главный герой просто смирился с ежедневной работой в офисе в течение дня и игрой в гольф по вечерам. В «Смерти героя» самоубийство – признание своей неспособности изменить мир, признание слабости и безысходности, вызванных невыносимым давлением со стороны общества, отправившего в порыве собственного эгоизма молодежь на верную смерть: «Нынешняя молодежь диву далась бы, прочитав весь тошнотворный вздор, который писали в четырнадцатом – пятнадцатом годах в Англии, да и

¹⁹⁹ Saunders M. Aldington, Edward Godfree (1892–1962) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/30366> [дата обращения 5.05.2015]

во всех воюющих странах, кроме Франции, где практически вообще ничего тогда не печатали. (Впрочем, французы с тех пор с лихвой наверстали упущенное.) «Наши доблестные воины» должны были вернуться домой – скоро, очень скоро! – очищенные и облагороженные резней и вшами, и дать жизнь поколению, исполненному еще большего благородства, и этому поколению предстояло пойти по стопам отцов. Должно было совершиться великое возрождение религиозного духа, ибо мысли людей теперь обращались от всего суетного и безнравственного к серьезному и возвышенному. У нас должна была появиться новая, великая литература, – отсюда мнимая популярность «военных поэтов», которая сводилась к тому, что родителям убитых солдат предлагалось раскошелиться на пятьдесят фунтов (хватило бы и пятнадцати), чтобы тиснуть в печать убогие вирши, достойные внимания разве что в узком семейном кругу. Мы должны были... но, право, у меня не хватает мужества продолжать. Пусть те, кого интересует человеческое тупоумие, заглянут в комплекты тогдашних газет»²⁰⁰.

Р. Олдингтон осуждает косность, лицемерие и материализм свойственные викторианскому обществу на рубеже веков: «Именно лицемерие, царившее до войны, помогло с такой легкостью лицемерить во время войны. Когда мы достигли совершеннолетия, викторианцы великодушно вручили нам славный маленький чек на пятьдесят гиней – пятьдесят один месяц ада со всеми его последствиями. Милые они были люди, не правда ли? Добродетельные и дальновидные»²⁰¹.

В конце второй части книги Р. Олдингтон попытался описать те чувства, которые были присущи ему, как человеку, пережившему войну: «Когда я встречаю сверстника, не искалеченного войной, мне хочется крикнуть ему в лицо: «Как ты уцелел? Как ухитрился улизнуть? На какую

²⁰⁰ Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1961 – с.232.

²⁰¹ Там же. с.254.

подлость пустился? Почему ты не погиб, жулик?» Ужасно пережить самого себя, увильнуть от своей судьбы, засидеться в гостях, когда ты уже никому не нужен. Нет на свете человека, которому не все равно, жив я или умер – и я рад этому, очень рад. Одиночество, ледяное одиночество. Вы, кто пал в этой войне, я знаю: вы погибли напрасно, вы погибли ни за что, за порыв ветра, во имя пустой болтовни, во имя идиотского вздора, газетной лжи и воинственной наглости политиков. Но вы-то мертвы. Вы не отвергли острого, сладостного удара пули, внезапного взрыва гранаты, вкрадчивой агонии ядовитого газа. И вы от всего избавились. Вы избрали лучшую долю»²⁰².

В «Смерти героя» состояние Джорджа к осени 1918 г. было охарактеризовано следующим образом: «Бессонница, неотвязная тревога, потрясения, лихорадка, которая возобновилась, едва он вернулся на фронт, безмерная усталость, вечно подавляемый страх, – все это привело его на грань безумия, и лишь гордость и привычка владеть собой еще помогали ему держаться»²⁰³.

Именно в таком состоянии физического и эмоционального истощением сам Р. Олдингтон вернулся домой в Англию в феврале 1919 г. Нам, возможно, будет непросто понять его или симпатизировать тому упорству, с которым он цеплялся за любые проявления нетерпимости и предрассудков, но он действительно страдал от множества сильных фобий. Для него было очень важно написать «Смерть героя» и та скорость, с которой он это сделал, является лишним тому доказательством. Так он мог выплеснуть немного той горечи, которую копил в себе годами. Тем не менее, этот роман не являлся сатирой. Это была трагедия Д. Уинтерборна.

²⁰² Там же. с.233.

²⁰³ Там же. с.396.

В целом можно сказать, что «Смерть героя» стала своеобразным искуплением для Р. Олдингтона, возможностью отдать дань памяти павшим товарищам и начать двигаться дальше. В то же время, книга была посвящена не только мертвым, но и живым. Тем, кто пережил войну, но не смог приспособиться к жизни после нее.

В дальнейшем Р. Олдингтон напишет еще одну книгу, посвященную военной проблематике. Речь идет о «Все люди – враги», впервые опубликованной в 1933 г. Она представляет собой масштабное полотно европейской жизни в течение четверти века, 1900 – 1927 гг., и повествует о судьбе А. Кларендона, еще одного представителя «потерянного поколения». Р. Олдингтон дает цельную зарисовку жизни этого персонажа: до, во время и после войны. При этом он не ограничивается рамками одного персонажа и вводит нескольких второстепенных, которые продолжают развивать главную идею жестокости войны. На их примере четко прослеживается изменение сознания, взглядов на окружающий мир, их искаленность, что добавляет некоторую долю ужаса: «Он воскликнул: «австриячку» – таким тоном, словно хотел сказать «анаконду»! Я старался объяснить ему, что вся эта националистская вражда – чепуха, что патриотизм – чепуха и что нас всех эксплуатируют при помощи лозунгов, которые служат для обогащения своры прохвостов обоего пола. Но он и слушать не хотел!»²⁰⁴.

Итак, мы можем заключить, что на протяжении 1920-х гг. в Англии велась своеобразная война за память. Активнейшее участие в ней принимали ветераны боевых действий, мнение которых, как непосредственных участников Первой мировой войны, обладало особым авторитетом в обществе. Их большинство ограничились созданием небольших, зачастую неформальных, групп товарищей по оружию, где они могли в теплой и

²⁰⁴ Олдингтон Р. Все люди – враги. М.: Астрель, 2011 – с.147.

дружеской атмосфере обмениваться своими фронтовыми впечатлениями. Влияние таких групп на общественное мнение было минимальным, если вообще присутствовало. Однако были среди участников Первой мировой войны в Англии и те, кому оказались ближе иные формы коммеморации. В частности, речь идет об авторах множества военных рассказов, опубликованных в первые послевоенные годы. Ими был сформирован новый образ Западного фронта, связанный с глорификацией войны. В отличие от фронтовой корреспонденции, авторы этих книг уже время от времени говорили о политике, но делали это очень сдержанно и никогда не подвергали серьезной критике действия правительства. Они также подчеркивали негативное влияние войны на нравственный облик населения, однако видели в этом лишь временное явление, связанное непосредственно с течением мирового конфликта. Кроме того, авторы мемуарной литературы первых послевоенных лет, как правило, героизировали облик павших солдат, особенно подчеркивая тот факт, что их жертва была не напрасной.

Популярность подобной военной литературы в начале 1920-х гг. была сравнительно высокой. Это было связано с целенаправленной государственной глорификацией Первой мировой войны, а также с сопряженной с ней верой в то, что война, хоть и была огромной трагедией, все же преследовала благие цели. Но к концу 1920-х годов данная концепция успела себя исчерпать. Подавляющее число граждан устало ждать лучшей жизни, которая так и не наступила за прошедшее десятилетие. Население стало все больше волновать цена победы в войне. Вдохновленные интересом со стороны читателей, многие бывшие фронтовики обрушились на войну с жесткой критикой. В итоге в обществе была начата широкая дискуссия относительно стратегий репрезентации событий недавнего прошлого, результатом которой стало формирование общепризнанного мифа о «потерянном поколении». В его основу легли ключевые элементы военных

рассказов ветеранов конца 20-х годов XX века, связанные с крушением у их авторов идеалистической картины мира, растущем чувстве отчуждения от общества, а также негодованием по отношению к правительству и командному составу армии.

Глава 3. Коммеморация Первой мировой войны в творчестве английских писателей-фронтовиков

3.1. Западный фронт Первой мировой войны в памяти «окопных поэтов».

Первая мировая война оказала огромное влияние на социальную память. Это особенно заметно на материале Великобритании, где война ознаменовала собой конец эпохи стабильности, связанной с Викторианской эпохой. Поколение наивных молодых людей, головы которых были полны высокими идеями о чести, славе и сильной Англии, отправились на войну, чтобы сделать мир безопаснее. В результате они погибли в бессмысленных боях, спланированных зачастую бездарными генералами. Те же, кто выжил, были разочарованы и озлоблены после того, что с ними произошло на войне. Они начали видеть своего врага не в немцах, а в старшем поколении, которое, как им казалось, обмануло их.

«Окопные поэты» – это удобный, хотя и несколько размытый термин, относящийся в данном случае к авторам, которые сражались и погибали на фронтах Первой мировой войны. Большинство из них были выходцами из среднего класса, учились в частных школах, а на войне, как правило, служили офицерами. Сотни подобных писателей опубликовали свои работы в 1920-е гг. Некоторые из них, как например У. Оуэн, З. Сассун и Р. Брук со временем смогли приобрести культовый статус в английской литературе, а их произведения сыграли значительную роль в формировании образа Первой мировой войны в коллективной памяти рядовых англичан.

Первым культ солдата-поэта в Англии создал Р. Брук. Он отлично подходил на роль героя своего времени. Его отец был заведующим пансионом в Регби, а дядя - деканом Королевского Колледжа в Кембридже, в котором собрались самые блестящие интеллектуалы эпохи короля Эдуарда. Друзья детства Р. Брука были Д. Кейнс, Д. Стрейчи, и В. Стивен (позже В.

Вульф). Таким образом, Р. Брук с ранних лет имел доступ к людям, которые впоследствии образовали так называемую группу Блумсбери (элитарную группу английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа, объединенных сложными семейными, дружескими, творческими отношениями). Его семья не была особо богатой, однако ее доходов было достаточно, чтобы Р. Брук не стеснял себя какой-либо работой. Его умение красиво выражаться убедило его и друзей его матери, что в нем скрыт талант поэта²⁰⁵.

В 1906 г. Р. Брук поступил в Королевский Колледж в Кембридже. Здесь он регулярно начал контактировать с группой талантливых молодых людей, большая часть из которых была выходцами из среднего класса. Эти привилегированные юные интеллектуалы были своего рода бунтарями, выступавшими против сдержанности, традиционных английских манер, а также викторианства. Его товарищи видели в нем прирожденного лидера, способного оставить свой след в общественной жизни. В. Вульф, отлично знавшая Р. Брука, позже написала: «Он был ярчайшим представителем своего поколения... Вы можете осуждать его радикальные взгляды, но вы не можете не признать того, что он был одним из тех блистательных лидеров, которые появляются время от времени и становятся во главе своего поколения. В Кембридже вокруг него всегда было полно людей. Они шли за ним босиком на речку, подражали ему, садясь на рыбную диету, также, как он, начинали с презрением относиться к книжным знаниям и буквально все эти люди отмечали, что в Бруке было что-то особенное»²⁰⁶.

В 1913 г. Брук покинул Англию и в течение длительного путешествия посетил Америку, Канаду, а также побывал в южной части Тихого океана. Его несчастная любовь к девушке, которую он встретил в фабианской

²⁰⁵ Wohl R. Op.cit. p.86.

²⁰⁶ Цит. по: Ibidem.

общине в Кембридже, побудила Р. Брука несколько пересмотреть свои взгляды на жизнь: он стал негативно относиться к феминизму, Блумсбери и ко многому другому. В своих письмах домой он говорил, что он, наверное, больше не будет писать стихи. Ему хотелось только «говорить и говорить, а в промежутках между этим путешествовать». Лондон тогда вспоминался ему, как «выгребная яма, полная порочных людей». Другой навязчивой идеей Р. Брука стало желание как можно скорее вступить в брак, так как он ужасно завидовал своим друзьям, нашедшим свою вторую половинку²⁰⁷.

Р. Брук вернулся в Англию в июне 1914 г., страдая от своеобразной дилеммы. С одной стороны, он хотел завести семью и остепениться. С другой, он с презрением относился к браку, боялся, что сразу состарится, вступив в него. Эта ситуация беспокоила его невесту, актрису К. Несбит, которая начинала уставать от неопределенности. В итоге решение пришло само собой. Война стала неожиданным решением многих проблем Р. Брука. Благодаря ей он, как и многие другие молодые люди в то время, смог сбежать от скуки повседневной жизни, от неразделенной любви, от мыслей о старости. Вместо всего этого, Р. Брук теперь мог всецело посвятить себя только одной проблеме – победе в войне. Конечно, на фронте велик был риск расстаться с жизнью. Однако, ни Р. Брук, ни подобные ему юноши не боялись смерти на поле боя. Они относились к жизни, как к долгой агонии, которой все равно рано или поздно придет конец. Стоило только умереть и все зло просто исчезло бы, а погибший солдат стал бы частичкой вечности.

Однако попасть в ряды добровольцев оказалось совсем не так просто, как себе представлял Р. Брук. В отличие от континентальных стран, в Англии не было всеобщей воинской повинности. Армия состояла из сравнительно небольшой группы профессионалов, которые не спешили обращаться к

²⁰⁷ Ibid. p.88.

помощи новобранцев. Поэтому добровольцы вроде Р. Брука рисковали надолго застрять в рядах территориальной армии и попасть на фронт только к тому времени, когда активные боевые действия там уже подошли к концу. Р. Брук сделал все от него зависящее, чтобы его не постигла подобная участь. Через своего товарища Э. Марша, являвшегося личным секретарем У. Черчилля, он добился назначения в качестве младшего офицера в дивизию ВМС, сформированную специально для службы во Франции.

Уже в октябре 1914 г. дивизия Р. Брука прибыла в Бельгию, чтобы помочь отразить немецкую атаку на Антверпен. Толпы бегущих от войны беженцев, огонь артиллерии и запах гари вдохновили Р. Брука на творчество. Посетив Англию во время своей небольшой командировки, Р. Брук снова начал писать стихи, в которых он стремился выразить свое отношение к войне. В состоянии определенного эмоционального подъема, подпитывавшегося честью, доблестью и благородством, свидетелем которых Брук стал на фронте, он оставил строки:

Когда в бою умру я на чужбине,
Считай, что уголок в чужих полях
Навек стал Англией...²⁰⁸

Р. Брук прожил недостаточно долго, чтобы подвергнуть сомнению свои первоначальные убеждения, или чтобы их подверг критике кто-то из его товарищей. Он умер от заражения крови в апреле 1915 г. на пути в Галлиполи. Его и некоторых из его сослуживцев похоронили на острове Скирос²⁰⁹.

После смерти Р. Брука его стихи были опубликованы и быстро обрели большую популярность в Англии. Параллельно с этим начался своеобразный

²⁰⁸ Брук. Р. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965. – с.34.

²⁰⁹ Caesar A. Brooke, Rupert Chawner (1887–1915) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/32093> [дата обращения 30.07. 2014]

процесс канонизации Р. Брука в общественном сознании. К этому приложил руку непосредственно У. Черчилль. Он видел в Р. Бруке отличный пример самопожертвования во благо своей страны, в которой, правда, бытовало весьма скептическое отношение к армейской службе. «Веселый, бесстрашный, блестяще обученный», писал Первый Лорд Адмиралтейства, «он сочетал в себе все те качества, о которых только могли мечтать благородные сыны Англии в наши дни»²¹⁰. Страна нуждалась в героях и Р. Брук, вместе с его поэзией, прекрасно подходил на эту роль. Из него сделали икону, на которую могли бы равняться люди, сыновья которых, также как и Р. Брук, должны были отправиться на бойню невероятных масштабов.

Строго говоря, Р. Брук не был «окопным поэтом» в полном смысле этого слова. Его стихи не были основаны на личном опыте ведения окопной войны на Западном фронте, базируясь, скорее на первых фронтовых впечатлениях Р. Брука. Эти стихи отражали противоречивые чувства Р. Брука относительно возможного вступления в брак, поэтому определенный акцент в них был сделан на чувстве свободы и обновления. Тем не менее, эти весьма личные стихи вскоре завладели массовым сознанием, так как многие образованные юноши из среднего класса испытывали тогда те же эмоции, что и Р. Брук.

Однако подобные настроения быстро пошли на убыль, когда добровольцы столкнулись с настоящими реалиями Западного фронта. В отличие от Р. Брука, следующее поколение поэтов лично побывали в окопах и увидели все ужасы войны. У. Оуэн, З. Сассун и Р. Грейвз были или ранены, или контужены на фронте. Поэтому они писали мощно и остро о влиянии войны на тела и умы людей, об увиденных ужасах и военных потерях. Как

²¹⁰ Цит. по: Wohl R. Op.cit. p.91.

отмечал П. Фасселл, именно эти произведения во многом сформировали образ войны в культурной памяти английского общества²¹¹.

Ярчайшим представителем новой фронтовой поэзии стал З. Сассун. Он родился 8 сентября 1886 г. в г. Мэнфилд в семье финансиста А. Э. Сассуна и его жены Терезы, дочери скульптора Т. Торникрофта. До 1905 г. он учился в Мальборо-колледже, после чего продолжил обучение в Клэр-колледже Кембриджа. До 1915 г. З. Сассун служил кавалеристом в Сассекском йоменском полку, после чего он стал офицером батальона Королевских уэльских фузилеров. В своих произведениях он отображал войну такой, какой ее видели офицеры на Западном фронте в 1916-1917 гг. В его стихах не было ничего прекрасного, не было героизма и добродетели, а настоящий враг находился в тылу, в парламенте и Генеральном штабе. Солдаты З. Сассуна барахтались и спотыкались в заполненных грязью траншеях. Они были изможденны и лишены всякой надежды. Им приходилось умирать в одиночестве в воронках от снарядов до краев заполненных дождевой водой. Когда же они во время отпуска возвращались в Англию, то буквально сходили с ума из-за воспоминаний о том, как британские войска массово расстреливали отступающих немцев. Единственной мечтой этих несчастных людей было, чтобы все солдаты направили свои орудия против их настоящих врагов: желтой прессы и политиков.

Я одного солдата знал,
Он был веселый зубоскал
И ночью в крепком сне храпел,
А утром с жаворонком пел.
Зимой, застряв в грязи траншей,

²¹¹ Fussell P. Op.cit. p. xv-xvi.

Без рома, среди крыс и вшей,
 Он пулю в лоб себе пустил.
 Никто о нем не говорил.
 О вы, бегущие толпой
 Приветствовать военный строй,
 Не дай вам бог попасть в тот ад,
 Где молодость и смех громят²¹².

В июне 1917 г. З. Сассун, получивший за свою отвагу Военный крест и прозвище Безумный Джек, был ранен и отправлен в Англию на реабилитацию²¹³. Здесь он попал под влияние группы пацифистов под руководством Б. Рассела. В результате З. Сассун написал свое знаменитое открытое письмо «С войной покончено: Декларация солдата», в котором говорилось: «Я делаю это заявление как акт намеренного неповиновения военному командованию, потому что я считаю, что война сознательно затягивается теми людьми, у которых есть власть, чтобы прекратить ее. Я – солдат, убежденный, что я действую от имени солдат. Я считаю, что оборонительная война, на которую я шел, теперь превратилась в войну ради новых завоеваний... Я протестую не против продолжения войны, а против политических ошибок и неискренности, ради которых люди приносятся в жертву. От имени тех, кто страдает сейчас, я протестую против обмана, который практикуется по отношению к ним»²¹⁴.

Письмо было опубликовано в «Times» и дошло до парламента, где З. Сассуна чуть было не обвинили в измене, однако тяжелых последствий удалось избежать благодаря вмешательству Р. Грейвза. Последний

²¹² Сассун. З. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.32.

²¹³ Hart-Davis R. Sassoon, Siegfried Loraine (1886–1967) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/35953> [дата обращения 30.07. 2014]

²¹⁴ Act of Willful Defiance // The History Learning. URL: http://www.historylearningsite.co.uk/act_willful_defiance.htm [дата обращения 30.07.2014]

инициировал проверку состояния физического и психического здоровья З. Сассуна. Медицинская комиссия, собранная по этому случаю, установила, что Сассун страдал от последствий контузии и периодических галлюцинаций, поэтому поэта вместо тюремной камеры перевели в госпиталь Крейглокхарт под Эдинбургом для дальнейшего лечения. Там он и познакомился с У. Оуэном.

У. Оуэн родился 18 марта 1893 года в Освестри в семье служащего железнодорожного вокзала Т. Оуэна и его жены Сьюзен, глубоко религиозной женщины, которая стремилась воспитать сына образцовым христианином. В 1911 г. У. Оуэн поступил в Лондонский университет, однако результаты вступительного экзамена не позволили ему претендовать на стипендию, в которой он нуждался. Разочаровавшись, У. Оуэн принял предложение стать помощником vicar Евангелической церкви в городке Дансен. В 1915 г. он отправился на фронт. У. Оуэн участвовал в сражении на реке Сомме и был также, как и З. Сассун награжден Военным крестом за мужество²¹⁵.

Именно З. Сассун первым заметил удивительный талант У. Оуэна и вдохновил его на творческие свершения. В своих стихах У. Оуэн провозгласил принцип: мертвые нравственнее живых, потому что в бесчеловечных условиях войны остаться в живых, победить смерть – это значит стать более жестоким, чем сама смерть. По мысли поэта, которую он выразил в стихотворении «Весеннее наступление», Господь спасает души тех, кто пал в бою, и карает непреходящим чувством вины тех, кто сумел вывернуться и выжить, кто сумел проявить «бесчеловечность сверхчеловека» и одолеть силы зла²¹⁶:

²¹⁵ Stallworthy Jn. Owen, Wilfred Edward Salter (1893–1918) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/37828> [дата обращения 30.07.2014]

²¹⁶ Оуэн У. // Уилфред Оуэн. Поэмы: Сборник стихотворений / пер. Лукина Е.В. СПб.: СЕЗАМ-ПРИНТ, 2012 – с.8-9.

О тех, кто рухнул на отвесный склон,
 Невидимыми пулями сражен,
 Кто в адскую сорвался темноту,
 Твердили: Бог ловил их на лету,
 Они не успевали в бездну пасть.
 Но тот, кто отлетел за край земли,
 Кого святые силы не спасли,
 Кто угодил в пылающую пасть
 И, одолев всех демонов в аду
 Жестокостью своей бесчеловечной,
 К триумфу своему или стыду
 Приполз обратно по земле увечной,
 Дивясь, что вот – не ранен, не убит, –
 Что ж о погибших он не говорит?²¹⁷

Уходя на войну, У. Оуэн поклялся найти истину. Он искал ее в блиндаже, залитом по пояс склизкой грязью («Часовой»), под смертоносными ударами снежных зарядов («Под шквальным ветром»), в вытаращенных бельмах тех, кто задохнулся от газовой атаки («Dulce et Desorum est»). О своем обретении он написал: «Наконец я постиг истину, которая никогда не просочится в догматы какой-либо из национальных церквей, а именно, что одна из самых главных заповедей Христа: покорность любой ценой! Сноси бесчестие и позор, но никогда не прибегай к оружию. Будь оклеветан, поруган, убит, но не убивай... Христос воистину на ничьей земле. Там люди часто слышат Его голос»²¹⁸. У. Оуэн ненавидел войну и

²¹⁷ Оуэн У. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.40-41.

²¹⁸ Оуэн У. // Уилфред Оуэн. Поэмы: Сборник стихотворений / пер. Лукина Е.В. СПб.: СЕЗАМ-ПРИНТ, 2012 – с.9.

всеми силами стремился донести до читателей страшную правду окопной жизни.

Еще одним выдающимся «окопным поэтом» по праву считается И. Розенберг. Он был выходцем из еврейской семьи, эмигрировавшей в Англию из России. В детстве И. Розенберг посещал школу Святого Павла при церкви Уайтчепел, после чего ему удалось пройти курс обучения в Школе Слейда – художественном училище при Лондонском университете.

В 1915 г. И. Розенберг записался добровольцем в армию, а уже через год он оказался во Франции. Как рядовой он был вынужден выполнять на фронте всю грязную работу, испытывать самые тяжелые лишения. Для воспитанного, интеллигентного, получившего хорошее образование молодого человека все это было настоящим адом, поэтому И. Розенберг никогда не скрывал своего негативного отношения к войне:

Мрак осыпается, будто песок.

Древнее время друидов – сплошь волшебство.

Вот и на руку мою совершает прыжок

Странная крыса – веселое существо,

Когда я срываю с бруствера красный мак,

Чтобы заткнуть его за ухо – вещий знак.

Тебя пристрелили бы, крыса, тут же без церемоний,

Если б узнали о твоих, космополитка, пристрастьях:

Сейчас ты дотронулась до английской ладони,

А через минуту окажешься на немецких запястьях,

Если захочешь ничейный луг пересечь –

Страшное место последних встреч.

Ты скалишься, крыса, когда пробегаешь тропой

Мимо стройных тел – лежат за атлетом атлет.

Это крепкие парни, но по сравненью с тобой

Шансов выжить у них – считай что – нет.

Они притаились во мраке траншей

Среди разоренных французских полей²¹⁹.

Война стала для И. Розенберга настоящим разочарованием. Он не смог адаптироваться к ее реалиям, которые казались ему чуждыми. Ко всему этому следует добавить сложные отношения с сослуживцами, которых И. Розенберг пытался уличить в антисемитизме. В результате поэт в своих стихах обрушился с настоящей критикой по адресу военной кампании. Он изображал Западный фронт исключительно в мрачных тонах, делал особый акцент на царившей там повальной антисанитарии, а также сравнивал окопы с могилами для солдат.

Военные поэты в своих стихах подняли тему военного поколения, слепо отправленного на убой. В дальнейшем эти идеи были развиты ими и в прозе. Так в 1928 г. была опубликована книга Э. Бландена «Оттенки войны». Э. Бланден был зачислен в ряды Королевского Сассекского полка в августе 1915 г. К этому моменту ему уже исполнилось 19 лет и он успел окончить Колледж Королевы при Оксфордском университете. «Оттенки войны» стала одной из наименее жестоких его книг. Сцены насилия в ней заменены эвфемизмами или преднамеренным равнодушием: «он отправился на Запад»²²⁰; «Снаружи люди погибали время от времени»²²¹. Останки изуродованного тела описаны следующим образом: «чей-то скелет выглядел менее закономерно, чем беспорядочные бомбардировки»²²². Э. Бланден

²¹⁹ Розенберг И. Рассвет в окопах // Журнальный зал / пер. Лукин Е.В. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2013/4/31r.html> [22.02.2016]

²²⁰ Blunden E. *Undertones of War*. London: Penguin UK, 2010 – p. 95.

²²¹ Ibid. p. 180.

²²² Ibid. p. 53.

умышленно занижал свои впечатления от войны до того уровня, на котором их могли бы воспринимать представители верхних слоев среднего класса. Автором также были опущены многие детали тех зверств, что творились на фронте.

Даже в тех случаях, когда Э. Бланден упоминал о по-настоящему ужасных вещах, он все равно стремился смягчить их описание за счет терминологии. Так, например, Э. Бланден сравнительно слабо описывает свои впечатления от двух сплюснутых трупах немецких солдат, лежавших в воронке от снаряда, которую британские солдаты использовали в качестве уборной. О трупах было сказано лишь то, что «Лица обоих были одутловатыми и сильно заросли щетиной. Один из них носил очки, а в руке сжимал рукоять гранаты»²²³. Фактически, разлагающиеся трупы и их внутренности уже упоминались Э. Бланденом несколькими страницами до этого, однако в данном случае он предпочел не сказать об этом ни слова. Особенно это удивительно в контексте того, что трупы лежали на видном месте не один день, причем в куче экскрементов британских солдат, поэтому без сомнения должны были как-то деформироваться в течение всего этого времени и вряд ли автор мог не запомнить такого зрелища.

«Оттенки войны» Э. Бландена частично представляла собой своего рода попытку подавить ужасные воспоминания, связанные с войной, за счет пересказа их в более мягкой форме. Тем не менее, в данной книге было рассказано о множестве ужасных вещей. Пример можно найти в 5 главе, когда батальон Э. Бландена находится рядом с деревушкой Ричебоург Сент Вааст: «Огромная церковь и прилегающее к ней кладбище удивили всех. Они находились в полуразрушенном состоянии, но при этом сохранили свое очарование». Далее описание продолжалось: «У подножия монолита, словно

²²³ Ibid. p. 141.

стальной шпиль, стоял большой колокол, а напротив него лежал сопоставимый по размерам осколок снаряда; распяты, как это ни странно, продолжало висеть на стене церкви. Многие из нас были заворожены этим зрелищем, в то время как другая группа солдат отправилась изучать крипту, лишенную теперь крыши, которая защищала ее от живых. В некоторых местах там стояла зеленоватая вода. Внимание солдат то и дело приковывали к себе кости, черепа и гниющие куски погребальной одежды... Удивительно, почему это место, от которого буквально веяло смертью, так привлекло внимание тех, кто всеми силами старался избежать ее?»²²⁴.

Автор «Оттенков войны» не испытывал распространенного среди других разочаровавшихся участников конфликта чувства отчужденности от гражданского населения в тылу. В то же время он дистанцировался от урапатриотизма, который был характерен для некоторых ветеранов после войны. В целом Э. Бланден, также как и другие «окопные поэты», отрицательно относился к войне. Он считал ее бессмысленной, бесчеловечной и не видел ни единой причины, за что ее можно было бы прославлять.

В 1929 г. впервые была опубликована книга еще одного представителя «окопной поэзии» Р. Грейвза. Он родился 24 июля 1895 г. в пригороде Лондона Уимблдоне. Мать Роберта была прямым потомком немецкого историка Л. фон Ранке, а отец – А. П. Грейвз – известным ирландским поэтом. Школьное образование он получил в привилегированном учебном заведении – Чартерхаузе. Сразу по окончании школы, в 1914 г., с началом Первой мировой войны, Р. Грейвз уходит добровольцем на фронт. В ходе битвы при Сомме он был тяжело ранен – настолько тяжело, что матери даже прислали похоронное извещение. Однако

²²⁴ Ibid. p. 78.

он выжил – не в последнюю очередь благодаря стихам, сочинять которые начал еще в детстве.

Приступив к написанию «Со всем этим покончено» Р. Грейвз стремился создать бестселлер, чтобы заработать как можно больше денег, и ему это удалось: его книга и по сей день остается весьма популярной, тогда как другие даже более обстоятельные мемуары этим похвастать не могут. Следует также отметить, что Р. Грейвз писал свою книгу наспех, находясь при этом в плохом расположении духа. Так, в прологе ко второму изданию «Со всем этим покончено», Р. Грейвз говорил: «Я писал эту книгу во время сложного внутреннего кризиса и практически без доработок финального варианта. В какой-то степени это было моим прощанием с Англией, в котором я сломал множество хороших традиций, поссорился или отрекся от большинства своих друзей и окончательно перестал заботиться о том, кто обо мне что думал»²²⁵.

Он начал писать «Со всем этим покончено» 23 мая, а закончил ее 24 июля на свой 34-й день рождения. Р. Грейвз сразу признавался, что в его работе было много неточностей, но в то же время он утверждал, что ничего не придумывал и не приукрашивал. В ответ на критику Р. Грейвз задавал вопрос «что понимать под правдивостью в военной литературе?» и сам же отвечал на него, что точность возможна только в историях военных подразделений. Что касается мемуаров, то здесь «звуки взрывов и заградительный огонь противника могут сделать лжецом или фантазером кого угодно»²²⁶. Конечно, Р. Грейвз использовал в своей книге некоторые даты и названия мест, но он не сильно огорчился, когда приведенные им факты не соответствовали действительности.

²²⁵ Цит. по: Bond B. Op.cit. p.2.

²²⁶ Цит. по: Ibid. p.3.

Так, например, очень трудно поверить в то, что первыми и последним трупами, которые Р. Грейвз увидел по прибытии и отбытию из Франции стали тела английских солдат, покончивших жизнь самоубийством. Невозможно отправлять врагу сообщения по азбуке Морзе при помощи пулеметного огня. В охлаждающей полости пулемета не может появиться горячая питьевая вода, которую можно было бы использовать для заварки чая. Многие шутки здесь будто сошли с эстрадных помостков, а не произошли в реальной жизни и т.д.

Как и многие другие офицеры, Р. Грейвз чувствовал некоторую отрешенность от людей, находившихся в тылу. Так во время одного из своих отпусков во конце лета 1915 г. друзья рассказывали Р. Грейвзу о рейде цеппелинов, которые сбросили свои бомбы всего в трех улицах от их жилищ. Тогда Р. Грейвз рассказал им о том, как бомба взорвалась в соседнем с ним доме, убив трех солдат и женщину с ребенком. Однако как только друзья слышали о том, что это произошло во Франции, то в их взгляде сразу пропадал интерес.

Отличительными чертами его полуавтобиографического рассказа Р. Грейвза стали едкая критика правительства, а также присущий произведению великолепный юмор. Автор «Со всем этим покончено» не стремился подражать ученым, историкам или летописцам, когда писал свои мемуары, поэтому их серьезным недостатком является неточность в фактических данных. Однако, как бы то ни было, его оценка службе в вооруженных силах представляет собой серьезную ценность: в ней хорошо отражены противоречивые эмоции многих молодых офицеров, которые они испытывали по отношению к полученному ими в ходе войны боевому опыту, понятию справедливости и т.п. Р. Грейвзу также удалось найти отличный баланс между описанием всех кошмарных ужасов войны и восхвалением

традиционных военных добродетелей, таких как, например, честь мундира, храбрость в бою, стойкость и т.д.

Рассказы другого «окопного поэта» З. Сассуна, впервые опубликованные анонимно и небольшим тиражом, отличалась особой иронией, при помощи которой известный поэт противопоставлял довоенный мир – мир живых изгородей, любящей тети и почтительных слуг – уродливому и серому миру Западного фронта. Сразу после перемирия З. Сассун был слишком опустошен, чтобы продолжать свою литературную деятельность. Он уединился в графстве Кент, где боролся со своими кошмарами. Набравшись сил, З. Сассун в 1926 г. снова принялся за работу. Он решил написать подробную 6-ти томную автобиографию, включавшую в себя рассказ о ранних годах его жизни, войне и послевоенных годах. З. Сассун работал над этой книгой весь межвоенный период и закончил только в 1945 г. Ее первые три части (позже объединенные под названием «Воспоминания Джорджа Шерстона») включали в себя «Воспоминания охотника на лис» (1928 г.), «Воспоминания пехотного офицера» (1930 г.) и «Путь Шерстона» (1936 г.). Эта трилогия повествовала о событиях в жизни автора, произошедших между 1895 и 1918 гг.

В книге «Воспоминания охотника на лис» З. Сассун описал события своей юности. Главным героем рассказа стал Д. Шерстон, живущий у своей тети Эвелин и ее жениха Т. Диксона в графстве Кент. Чтобы упростить повествование, З. Сассун избавляется от родителей, сказав, что родители Д. Шерстона умерли, когда тот был еще совсем маленьким ребенком. На самом же деле мать З. Сассуна Тереза скончалась только в 1947 г. Д. Шерстон любит ездить верхом на лошади, а также страдает от одиночества и мечтает о воображаемом друге, который в один прекрасный момент станет реальным и преобразит всю его скучную жизнь.

Большую часть книги Д. Шерстон проводит вне школы: мы встречаем его за охотой или игрой в крикет. Так проходит 4/5 «Воспоминаний охотника на лис». Последняя пятая часть книги начинается осенью 1914 г., когда Д. Шерстон уже находится в армии. Он попал в ряды кавалерии, но жизнь в гарнизоне вдали от фронта быстро ему наскучила. Через знакомых он просит о переводе в другое подразделение.

Наконец, в ноябре 1915 г. Джордж и его друг Д. Тилтвуд оказываются во Франции. Здесь он узнает о гибели Т. Диксона, который также отправился на фронт. Вскоре уйдет из жизни и Д. Тилтвуд, что станет большим ударом для Джорджа. Так, он говорит: «Более или менее я был готов к смерти»²²⁷. Чтобы отомстить за друга, Джордж совершает ночную вылазку с целью освободить пленных солдат, но возвращается лишь с окровавленным ботинком, принадлежавшим давно умершему французскому солдату.

В целом можно сделать вывод, что книга «Воспоминания охотника на лис», как и многие другие книги о войне, построена на контрасте между довоенной жизнью главного героя и войной. Действительно, большая часть произведения проходит в беззаботной праздничной атмосфере, но с началом войны идеалистические пейзажи резко сменяются грязью, окопами и гибелью близких. Подобное противопоставление красноречиво демонстрирует то, как эти события воспринимались самим автором.

Структура второй части трилогии под названием «Воспоминания пехотного офицера» также построена на контрастах. З. Сассуном подчеркивается бессмысленность войны, однако в то же время он отмечал тщетность усилий, направленных на то, чтобы остановить ее. Поэтому если в первой книге основным предметом критики была непосредственно война, то теперь к ней присоединилась и личность самого Д. Шерстона.

²²⁷ Цит. по: Fussell P. Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1989 – p.94-95.

Сюжетом «Воспоминаний пехотного офицера» стали бесконечные попытки английской армии прорвать оборонительные линии противника и последующего отвода войск: в результате главный герой регулярно то сидит в траншеях, то получает командировку домой. «Похоже, так все и будет продолжаться; туда и обратно, туда и обратно до тех пор, пока что-нибудь со мной не случится»²²⁸ Итогом всех этих действий становится неприятная «правда о войне», к которой приходит Джордж. Суть ее заключается в том, что война убивает Англию и нет ни одной достойной причины, чтобы продолжать ее.

Первая мировая война и последовавшие за ней события привели к существенным сдвигам в общественных настроениях, одной из первой на которые откликнулась национальная культура. Художественная литература, а также поэзия, созданные непосредственными участниками Первой мировой войны, смогли отразить обобщенный фронтовой опыт в такой форме, которая выходила за рамки мемуаристики, где авторы были лишены возможности прибегать к помощи творческого вымысла.

Творчество «окопных поэтов» стало порождением молодежи среднего класса, образованных интеллектуалов, которые в перспективе должны были занять руководящие посты в английском государстве и стать цветом нации. Но война нарушила эти планы и более того стала тяжелой моральной травмой для них. Молодые люди не могли понять, почему именно они уцелели, и оттого испытывали чувство вины перед павшими товарищами. Все это привело к тому, что они отвергли ценности общества, которое послало их на войну и таким образом отделило их от собственного поколения, от прошлого и от их культурного наследия.

²²⁸ Цит. по: Ibid. p.96-97.

В результате в своем творчестве они создали образ Западного фронта Первой мировой войны, в котором нашли отражение вся их горечь и отчуждение, бессмысленные жертвы и ложь со стороны государства. Возможно, этот образ не отражал настроений большей части ветеранов, однако писателями был создан устойчивый миф о Первой мировой войне, который сохранился в сознании последующих поколений.

3.2. Первая мировая война в произведениях английских женщин-ветеранов Западного фронта.

Художественные рассказы за авторством женщин получили большую популярность в Англии еще в конце XIX в. Однако женщины в это время предпочитали держать себя в жестких рамках сложившихся в обществе культурных стереотипов. Они говорили о том, что было социально приемлемым для них, поэтому сложно оценить степень их искренности. И так как роман был доминирующим жанром в викторианскую эпоху, то можно заключить, что в других жанрах, таких как поэзия или журналистика, творчество женщин было, не очень сильно востребовано.

Данная ситуация резко изменилась во время и после Первой мировой войны. Множество женщин высказывали свои мысли относительно данного конфликта, как в прозе, так и в стихах. Постепенно нормальным явлением стало и то, что женщины начали писать о политике. Эти изменения тесным образом были связаны с процессом эмансипации женщин, резко набравшим обороты за время войны: женщины получили избирательные права, взвалили на свои плечи определенные обязательства мужчин, отправившихся на фронт и т.д. Таким образом, если раньше тема войны, как и множество других проблем, была своеобразной вотчиной мужчин, считавших, что женщины просто не в состоянии рассуждать о таком чисто мужском занятии, то начиная с 1914 г. этому пришел конец. Первая мировая война дала женщинам

возможность поделиться их видением данного конфликта. У женщин появился реальный шанс рассказать о том, как война повлияла на их собственную жизнь. И многие из них воспользовались этим случаем.

Х. З. Смит – это псевдоним популярной писательницы Э. Прайс, написавшей по просьбе издателя своеобразный ответ на «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка. В отличие от И. Рэтбаун и В. Бриттен Х.З. Смит опиралась не на свой личный опыт, а на дневник У. Янг, работавшей водителем машины скорой помощи на Западном фронте. Результатом проделанной Х.З. Смит работы стала яркая экспозиция, включавшая в себя описание тяжелых физических и психологических условий, в которых работали медсестры на фронте, а также острая критика военной пропаганды, под чьим давлением многие из этих женщин и отправились во Францию. Полевые медсестры, особенно из числа добровольческих медицинских отрядов (Voluntary Aid Detachment / VAD), в основном комплектовались за счет волонтеров из числа женщин, относящихся к среднему классу: «Тихие, домашние девушки, которые жили в пригороде в украшенных ситцем гостиных, теперь отправились напрямик в ад»²²⁹.

Разгневанный монолог Н. Смит показывает нам жестокие реалии, сопряженные с их работой; все то разочарование, опасность и ужасы, что оставались невысказанными в письмах домой, а после войны замалчивались обществом, которое стыдилось заключенных в них знаний. Ее мать пишет ей, что очень гордится своей дочкой, но в то же время она старается всячески отгородиться от всех ее психологических травм. «Требуется мужество, чтобы находиться здесь», говорит Нелл Д. Тошингтон («Гош»), когда та впервые

²²⁹ Smith H. Z. Not So Quiet ...Stepdaughters of War. New York: Feminist Press, 1989 – p. 165.

прибывает в штаб-квартиру, «но его требуется вдвое больше, чтобы вернуться домой под опеку чокнутых родителей»²³⁰.

Как и в «Конец парада» Ф. М. Форда, в «Не так тихо» возмущения и сомнения, связанные с военным опытом Нелл, постепенно доходят до безумия. В тексте тут и там присутствуют внутренние монологи, сны, кошмары, воспоминания о событиях и письмах, которые стали жертвой самоцензуры. В памяти Нелл постоянно всплывают гротескные образы мертвых тел, ярко описанные при помощи грубых словечек, которые особенно пришлись по душе молодым дамам того времени.

В одном из отрывков «Не так тихо» говорилось о том, как фронтовикам было сложно в письмах поделиться с родными правдой о войне. Кроме того, делать это было бы просто бессмысленно. Если кто-то скажет правду: «что все ваши идеалы и убеждения заглушит пулеметный огонь – что вы перестали верить в Бога, непогрешимость Англии, во все кроме проклятой войны, неприятных запахов, пошлых историй, бомб, вшей, грязи и шума – что вы живете в состоянии постоянного страха и отчаяния – что вы хотите бесславно сбежать домой от этих скорченных существ, которые когда-то были людьми, от измученных лиц, слепо твердящих о том, что все это было во имя Христа – что вы хотите найти такое место, где жизнь такая же тихая и прекрасная, какой она была в довоенные годы – что вы хотите спрятаться куда-нибудь, где царит любовь, а не ненависть... Скажите им все это и они ответят вам на кусочке бледно-сиреневой бумаге, что – «Вы всегда были склонны преувеличивать, дорогая»²³¹.

На протяжении всего произведения здоровье рассказчика становилась все хуже и хуже. Ее страхи вылились в психическое расстройство, выражавшемся в том, что она постоянно видела во сне искалеченных людей:

²³⁰ Ibid. p.13.

²³¹ Ibid. p.30-31.

«Всякий раз, когда я закрываю мои красные глаза передо мной предстает процессия из людей: искалеченных, без рук и без ног, отравленных газом, с горящими от ужаса глазами, с изуродованными лицами и истекающих кровью...»²³². «Я боюсь этих искалеченных людей намного больше тех, которых я видела в госпиталях. Те люди кричали от боли, но эта призрачная процессия всегда ведет себя на удивление тихо. Я боюсь, что эти молчаливые люди будут преследовать меня до конца моей жизни»²³³.

Х.З. Смит рассматривала обычных солдат, как невинных младенцев, оказавшихся в плену сложных хитросплетений, в рамках которых они теряли личную свободу. Схожего мнения придерживалась и М. Борден в ее книге «Запретная зона», посвященной работе медсестер на Западном фронте. М. Борден была дочкой чикагского миллионера. Накануне войны в 1913 г. она со своей семьей переехала жить в Англию. В 1914 г. она отправилась на фронт. Там она, в частности, служила в одном из крупнейших полевых госпиталей, разбитым специально для оказания помощи пострадавшим в битве на реке Сомме. Она с иронией отмечала, как солдаты снова и снова вынуждены отправляться на фронт. Как и Х.З. Смит, она считала, что все это часть чьего-то ужасного плана и у рядовых людей нет никакого выхода, только подчиняться. «Послушай», писала она «ты мог слышать, как хорошо это работает. Сначала звук пушек, потом звук сирены машины скорой помощи, которая везет раненых, а затем топот сильных здоровых мужчин, бредущих вдоль дороги. Слышишь их? Ты понимаешь? Все устроено по плану»²³⁴.

М. Борден представляла войну в сюрреалистических и апокалиптических красках. Она сравнивала войну со вторым Великим

²³² Ibid. p.167.

²³³ Ibid. p.163-164.

²³⁴ Borden M. The Forbidden Zone // The AFS Story. URL: <http://www.ourstory.info/library/2-ww1/Borden2/fz.html> [дата обращения 21.01.2016].

потопом библейского масштаба, а раненых солдат с уцелевшими после него. Самым большим ее впечатлением стала картина французского территориального полка, движущегося напрямик из траншей в сторону ближайшего населенного пункта. Эти люди были буквально «разбиты», война сломала и изменила их; издалека они выглядели какими-то обезображенными, сгорбленными, словно им приходилось пробираться через завесу пыли, все они оставляли впечатление старых и измучанных людей. «По виду они не напоминали мужчин. Война одарила их каким-то особым обликом... Усталость, страдания и грязь буквально впитались в них и создали их новый образ». Все они были одинаково обезображены на войне: «Эта машина скрутила и изогнула их всех... В них совершенно не было никакого энтузиазма, никакой страсти... Страдание стало частью их рациона. Они приспособились к мучениям. Смерть стала неотъемлемой частью их обмундирования». М. Борден сравнивала их с деревьями, вырванными из земли и увезенными в «мрачную пустыню смерти», где вместо того, чтобы свободно расти, они оказались навечно прикованными к земле, поваленные в кучу и оставленные один на один с их бременем и страданиями²³⁵.

«Тем, кого мои впечатления поставят в тупик», писала М. Борден в предисловии к «Запретной зоне», «я хочу сказать, что они лишь части большого замешательства. Любая попытка сократить их или видоизменить по чьей-либо просьбе привела бы только ко лжи. Для тех же, кто найдет их слишком простыми, я скажу, что, не смотря на все это, я специально постаралась размыть некоторые наиболее ужасные факты и смягчить реальность»²³⁶.

Замешательство, непоследовательность, притупление чувств были обычной реакцией людей на полученный ими боевой опыт. Ежедневные

²³⁵ Ibidem.

²³⁶ Ibidem.

ужасы, зачастую, приводили к отрешенности от них, как том эпизоде, когда М. Борден пыталась снять с солдата каску, но ей удалось сделать это лишь вместе с его мозгом. Она рассказывала об этом событии спокойным тоном, словно дистанцируясь от образа изуродованного тела. В данном случае механическое выполнение заранее заученных действий диктовалось элементарным здравомыслием. В этом мире сломленных, слабых мужчин гендерные различия стираются: «Здесь нет мужчин, так почему я должна быть женщиной?», – задается вопросом М. Борден, – «Здесь есть лишь руководители и их подчиненные». Притупление чувств у медсестер сближает их с трупами, с которыми они постоянно имеют дело: «Она больше не женщина», писала М. Борден. «Она мертва, также, как и я»²³⁷.

«Запретная зона» М. Борден была опубликована в 1929 г. В том же году вышла книга «Женщина на войне» М. Аньян. Она служила связистом в женской вспомогательной службе сухопутных войск (British Women's Army Auxiliary Corps (WAAC)) во Франции в течение Первой мировой войны. В 1917 г. М. Аньян вместе с небольшой группой женщин прибыла в Булонь, чтобы заменить мужчин в качестве фронтовых связистов. В 1918 г. здание, в котором она работала, было уничтожено в ходе немецкого рейда. За шесть месяцев в ходе последнего немецкого наступления она дислоцировалась в маленькой французской деревушке недалеко от Кале.

Отношение М. Аньян к войне во многом перекликалось с позицией М. Борден и Х.З. Смит. Она тоже с состраданием относилась к бедственному положению рядового солдата на фронте, что особенно сильно контрастировало с тоном официальных бюллетеней. За время своей службы М. Аньян опросила многих своих сослуживцев и постаралась отразить в своей книге их эмоциональное состояние. Так, например, она описала свой

²³⁷ Ibidem.

разговор с человеком, который вынудил ее признаться в том, что она считает войну несправедливой и неправильной. После этого он начал спорить с ней, напомнив о том, что она тоже является частью всего этого. Он обратил внимание М. Аньян на парадокс, что несмотря на то, что оба они выступают против войны, они все же находятся здесь, во Франции, выполняя свою работу. В результате М. Аньян пришла к выводу, что личные свободы мужчин и женщин серьезно пострадали после начала войны: «С того момента, как мы отправились сражаться за свободу, наша личная свобода перестала существовать. Индивидуальность отдельных мужчин и женщин пропала»²³⁸.

С. Хэмилтон, служившая во время войны сначала в организации сестринского ухода, а затем пополнила ряды женской вспомогательной службы сухопутных войск, написала в 1921 г. книгу, посвященную Англии, опустошенной войной. По словам С. Хэмилтон, причиной, сподвигшей ее написать эту книгу, во многом стал тот факт, что она не раз становилась свидетельницей немецких авианалетов, совершенных на севере Франции в течение Первой мировой войны: «Я вспоминала об этом и думала... что это был доселе неизвестный войне феномен, о котором история нам ничего не говорила. Раньше во время войн люди толпами прятались за стенами и находились там в безопасности. Но в наши дни стены вас не спасут. Наоборот, за ними вы как в ловушке и подвержены еще большей опасности, так как огромное скопление людей – это отличная мишень для атаки с воздуха. Жители всех стран по ночам не спали, они бежали подальше от городов, сбиваясь в небольшие группы, чтобы быть как можно незаметнее... То, что мы видели, было лишь предвестником грядущего кошмара»²³⁹.

²³⁸ Цит. по: Atkin J. A War of Individuals. Manchester: Manchester University Press, 2013 – p.145.

²³⁹ Цит. по: Grayzel S. R. At Home and under Fire: Air Raids and Culture in Britain from the Great War. Cambridge: Cambridge University Press, 2012 – p.93.

С. Хэмилтон высказывала предположение, что в будущих войнах авианалеты превратят граждан в кочевников, бесполезных и голодающих. Лишенные своих жилищ и рассеянные по сельской местности, современные мужчины и женщины будут отброшены к своему естественному состоянию, описанным Т. Гоббсом, как война всех против всех. Все надежды современного демократического общества на равенство полов будут разрушены. И никто из людей не будет в безопасности.

Классическим примером литературы потерянного поколения являются «Заветы юности» В. Бриттен. На момент начала Первой мировой войны она была студенткой Оксфордского университета, но приняла решение бросить учебу и добровольно отправилась на фронт в качестве медсестры. Одно из самых популярных ее фото – это то, где она одета в униформу медсестры. Однако в первую очередь В. Бриттен была не медсестрой, а журналистом, феминисткой и писательницей. Она говорила: «Я начала писать еще когда была ребенком. Это было чем-то естественным для меня. Писать для меня было все равно, что дышать. И даже до того, как я научилась писать, я уже начала придумывать истории»²⁴⁰.

Во время войны В. Бриттен работала медсестрой в госпиталях Англии и Франции. 27 декабря 1915 г. ей стало известно, что ее жениха Р. Лейтона застрелил снайпер. Это была ее первая, но не последняя потеря на протяжении войны. 15 июня 1918 г. на фронте погиб ее брат Эдвард Бриттен.

После этого вернуться к прежней жизни для В. Бриттен было непросто. Чтобы как-то отвлечься, она снова начала писать. В 1925 г. В. Бриттен решила написать роман, основанный на ее личном опыте, полученном во время войны. Однако подготовка к работе заняла у нее еще 4

²⁴⁰ Bishop A. Brittain, Vera Mary (1893–1970) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/32076> [дата обращения 25.05.2015]

года. В конце концов, видя успех чужих мемуаров о войне, она приступила к работе.

«Я начала изучать мемуары З. Сассуна, Э. Бландена и Р. Грейвза. Конечно, я задавалась вопросом, так ли интересна моя история, как их? Кроме того, я смотрела на многие вещи не так, как они»²⁴¹. В. Бриттен, как она позже заявила в «Заветы опыта», хотела, чтобы к женщинам относились также серьезно, как и к другим очевидцам войны. Ей не нравилось, что роль женщин в войне принижалась в большинстве мемуаров, написанных мужчинами: «Разве женщины не вели свою войну? Они были не только женами, матерями или проститутками, как обычно пишут об этом мужчины»²⁴².

Также как З. Сассуну, У. Оуэну и Р. Олдингтону, непосредственное участие в войне позволило В. Бриттен говорить о ней и высказывать свою точку зрения. Поэтому она представила читателям свой, как она считала, подлинный, реалистичный и свободный от пропаганды взгляд на события.

«Заветам юности» сразу удалось найти своего читателя. Книга хорошо продавалась и обеспечила своему автору известность. Секрет ее успеха был в том, что книга описывала собирательный образ представителя так называемого «потерянного поколения» и каждый читатель мог узнать в героях самого себя. Так, например, в самом начале произведения главные герои, только-только окончившие частную школу, узнают о начале войны. Далее рассказывалось о тяготах службы во Франции, а также о том, как энтузиазм солдат сменялся отчаянием и они, лишенные всех иллюзий, гибли на бессмысленной войне. Заканчивалось же все возвращением в Англию, где немногие выжившие с ужасом осознавали для себя, что они лишь призраки прошлого, которым нет места в будущем. Но самым большим

²⁴¹ Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge: Harvard University Press, 1979 – p.111.

²⁴² Brittain V. Testament of Experience – An Autobiographical Story of the Years 1925-1950. London: Virago, 1979 – p.77.

разочарованием для них стало то, что все эти жертвы были напрасны. Так называемая победа была лишь небольшой передышкой на пути к новой войне, в которой найдет свою смерть очередное поколение молодых идеалистов.

Таков был итог «Заветов юности». Потерянное поколение провалило свою миссию. Оставшиеся в живых молодые люди были морально подавлены и не способны отстранить от власти «стариков». «Лучшее, что нам тогда оставалось делать – это помнить и научить будущие поколения тому, что мы знаем. Чтобы, когда придет их день, у них было больше возможностей изменить этот мир, чем у нашего поколения»²⁴³. Этот крик души Веры Бриттен нашел отклик у читающей английской публики. В течение 6 лет после 1933 г. было продано 120 тыс. копий «Заветов юности», а в 1951 и 1978 гг. книга была переиздана.

В «Заветах юности» В. Бриттен не только описывала ужасные условия жизни медсестер и страдания солдат, но также стремилась изобличить неприятные реалии, стоявшие за мифами о преданных женах, ангельских медсестрах и героизме солдат. Так, например, В. Бриттен вспоминала случай, произошедший во время ее пребывания на Мальте: «У нас произошел инцидент... Нашу медсестру и офицера военно-морского флота застали в палатке на берегу залива Святого Георгия»²⁴⁴. «Святая чистота» медсестер оказалась под вопросом.

В то же время В. Бриттен осознанно эксплуатировала свой образ медсестры, прошедшей через войну, чтобы пропагандировать идеологию пацифизма. На это работала и структура ее произведения, и те тона, в которые она окрашивала свой рассказ. В том же отрывке, например, она описывала раны солдат выражением «настоящий кошмар». Вряд ли

²⁴³ Brittain V. Testament of Youth – An Autobiographical Study Of The Years 1900-1925. London: Hachette UK, 2009 – p.454.

²⁴⁴ Ibid. p.239.

прошедшая тренировку медсестра, как она себя позиционировала, стала бы говорить нечто подобное, однако это было вполне допустимо для писателя, который пытался показать своим читателям все ужасы войны и убедить их в ее бессмысленности.

В. Бриттен настойчиво внедряла в «Заветы юности» мысль о том, что она за время войны окончательно разочаровалась в жизни и обществе, в котором ей после всего пережитого так и не нашлось места. Ее книгу в первую очередь нужно рассматривать не как мемуары, а как попытку убежденного пацифиста склонить к своей точке зрения рядовых читателей. В «Заветах юности» В. Бриттен говорит о том, что когда она вернулась в Оксфорд, то испытывала чувства одиночества, подавленности и депрессии. Она описывала пренебрежительное отношение большинства своих однокурсников к войне, отчего ей становилось жаль, что она не погибла на фронте. Однако ее биограф Д. Горхэм, опираясь на анализ писем В. Бриттен, наглядно продемонстрировала, что сведения, содержащиеся в «Заветах юности», не совсем соответствуют действительности: «Мы никогда не увидим ее по-настоящему сильно расстроенной или одинокой... Она много общалась с семьей, друзьями и была в восторге от своего возвращения в Оксфорд»²⁴⁵. Следовательно, переоценка ценностей произошла у В. Бриттен значительно позже 1919 г., но до написания «Заветов юности». По-видимому, это было сделано ею для того, чтобы сохранить связь с военным поколением. Чтобы показать, что она также испытывала эмоциональную опустошенность после войны, что не могла найти свое место в послевоенном мире. В. Бриттен позиционировала себя как человека, который обладает особым опытом, приобретенным ею во время войны. И это отличало ее от множества тех людей, кто не был на фронте и никогда этого не поймет.

²⁴⁵ Gorham D. Vera Brittain: A Feminist Life. Oxford: Blackwell, 1996 – p.139.

«Заветы юности» в первую очередь нужно рассматривать не как мемуары, а как попытку убежденного пацифиста склонить к своей точке зрения рядовых читателей. На эту книгу большое влияние оказали литературные амбиции ее автора, которые появились у В. Бриттен еще в раннем детстве, ее политические убеждения, а также мировоззрение образованной молодежи среднего класса. В связи с этим «Заветы юности» довольно сильно отличались от прочих мемуаров медсестер, написанных в межвоенный период. Так, например, некоторые исследователи усматривали у В. Бриттен откровенно презрительное отношение к профессии медсестры, в которой, по ее мнению, практически не использовались превосходные качества образованных женщин²⁴⁶.

Если проводить параллели между «Заветами юности» и менее известными мемуарами профессиональных медсестер, то можно увидеть, что В. Бриттен в своей книге обращает значительно меньше внимания на работу, которую ей приходилось выполнять на фронте в качестве медсестры, но зато детально описывает свое идеологическое и психологическое развитие. Другими словами, В. Бриттен написала не столько мемуары, как позиционировались «Заветы юности» их автором, сколько манифест пацифиста и повесть о своем пути от наивного идеализма к горькому и болезненному разочарованию. В. Бриттен хотела, чтобы ее книга стала важной частью памяти о «потерянном поколении», эквивалентом мужским мемуарам о войне. И ей это удалось – книга стала бестселлером.

Еще одной весьма популярной английской писательницей в межвоенный период была И. Рэтбоун. Она родилась в 1892 г. в Ливерпуле. Ее семья была достаточно состоятельной и относилась к тем, кого принято называть средним классом. Большую часть 1915 г. она провела за работой в

²⁴⁶ Ouditt S. *Fighting Forces, Writing Women*. London: Routledge, 1994 – p.29.

столовой Юношеской христианской ассоциации (YMCA) в Булони. В дальнейшем она также служила в качестве медсестры в добровольческом медицинском отряде (Voluntary Aid Detachment).

Ее любимый младший брат и жених погибли вскоре после войны (первый из-за пневмонии, а второй во время службы на Ближнем Востоке). Она никогда не была замужем, жила независимо, хотя и поддерживала тесные отношения со своей семьей. В 1932 г. она опубликовала свой наполовину автобиографический рассказ «Когда мы были молоды», посвященный влиянию Первой мировой войны на судьбу ее поколения.

Однако, если сопоставить автобиографические сведения о жизни И. Рэтбоун, представленные в ее дневнике, который она вела во время войны, и текст «Когда мы были молоды», то можно выявить очевидный контраст между ними.

Джоан Седдон, главная героиня книги, прообразом которой послужила сама И. Рэтбоун, работала в добровольческом медицинском отряде. У нее были проблемы со здоровьем, в результате чего доктор порекомендовал ей отдохнуть от работы медсестрой и вернуться к ней только в конце года.

Так сложилось, что ее подруга Бетти, работавшая в столовой юношеской христианской организации с 1915 г., пригласила ее приехать к ней во Францию и помочь с обслуживанием лагеря отдыха Третьей Армии. Вынужденная расстаться на время с работой медсестрой, Джоан принимает предложение подруги.

В отличие от Седдон, И. Рэтбоун никто не вынуждал сменить место работы. Оба решения – бросить работу медсестрой и присоединиться к юношеской христианской ассоциации во Франции – были приняты ею исключительно по собственному желанию. Ее кузина Мэйди, прообраз Бэтти,

предложила той присоединиться к ней в Сен-Валери, на что И. Рэтбоун ответила согласием.

Следует заметить, что множество молодых девушек из среднего класса работали на полставки, проводя оставшуюся часть дня у себя дома. Женщина из высших слоев общества просто не могла позволить себе быть не вовлеченной в какой-либо из видов военной работы. В то же время она не была обязана посвящать этому все свое свободное время, как это делали солдаты на фронте. И. Рэтбоун же в своей книге постаралась следовать канону самых успешных рассказов о войне. Джоан оказалась вынуждена перейти на полную рабочую ставку, поэтому, в отличие от самой И. Рэтбоун, график Джоан Седдон был расписан на несколько недель вперед. Это было частью процесса по трансформации рассказа в вариант женской солдатской истории, где работа непременно должна была быть трудной и практически непрерывной.

Судя по дневнику И. Рэтбоун 1918 г., можно также заметить, что Джоан Седдон куда больше задумывается о войне, как об общечеловеческой трагедии, чем это в свое время делала сама И. Рэтбоун. Так, и в дневнике 1918 г., и в «Когда мы были молоды» был описан ужин, организованный офицерами в одном из местных ресторанов. В первом случае И. Рэтбоун описала мужчин, присутствующих на ужине, а также основные темы разговоров в тот вечер. Они были весьма обыденными: с кем-то речь шла о французских браках, с другими о ночных рубашках и т.д. После ужина офицеры проводили женщин домой, где И. Рэтбоун встретила одного работника юношеской христианской ассоциации. С ним они поговорили о «Томми», религии и об «Оксфордской книге английского мистического стиха». Причем все это ей показалось довольно скучным²⁴⁷.

²⁴⁷ Цит. по: Watson J. Op.cit. p.242.

Следует обратить внимание, что этот ужин состоялся 1 июля и не было ни одного упоминания о второй годовщине битвы на Сомме, которую в дальнейшем будут ассоциировать с убоем невинных идеалистов и началом тотального разочарования в войне в среде выживших.

В «Когда мы были молоды» сам ужин заслужил только краткого упоминания. Вернувшись домой Седдон повстречалась со своей коллегой по работе в столовой Барбарой. Последняя не пошла на ужин, так как после смерти своего брата и жениха на фронте ей было не до торжеств. Вместо этого она предпочла сосредоточиться на работе и на войне. «До тех пор, пока война не закончилась, мне кажется, что мертвые где-то там и продолжают сражаться». После чего она добавляет: «Думаю, я не смогу перестать так думать, пока не наступит мир». Это было важным итогом данного вечера, к которому И. Рэтбоун подвела Седдон: «Она не сможет перестать так думать – тысячи женщин не смогут перестать так думать – пока не наступит мир»²⁴⁸.

Интересным представляется также эпизод, когда Джоан Седдон отмечает перемирие вдали от своего дома в Англии. Она описывает себя словом «armysick» (по аналогии со словом «homesick» (тоскующий по дому), вторя мысль, озвученную уже многими ветеранами, что никто дома не понимал их. В отличие от И. Рэтбоун, которая в свое время праздновала окончание войны, Седдон не особо радовалась перемирию. Она с ужасом думала о будущем тех людей, которые потеряли на фронте своих близких, а также о тех немногих, для кого война была «мощным наркотиком»²⁴⁹.

Седдон также были приписаны более современные представления о морали. Если молодая И. Рэтбоун, относилась к проституткам с нескрываемым отвращением, то в «Когда мы были молоды» эти чувства были приписаны одному из членов юношеской христианской ассоциации,

²⁴⁸ Цит. по: Ibid. p.243.

²⁴⁹ Цит. по: Ibidem.

тогда как сама Седдон «хоть и была сильно опечалена этим в глубине души, но все же не могла чувствовать ненависть по отношению к ним... Все это было вполне естественно; нет ничего зазорного в том, что солдат, вернувшийся прямиком из пекла, хотел немного любви. Не их вина, что не было других вариантов»²⁵⁰.

Для молодой И. Рэтбоун фронт был местом, где отважные солдаты ежедневно совершали свои подвиги, но никак не адом. Ее негативное отношение к проституции в 1918 г. было в первую очередь связано с тем, что в ней тогда видели причину морального разложения армии. Однако к 1932 г. врага все чаще стали видеть в так называемых «стариках», как дядя Седдон Роберт, отправивших молодое поколение на убой. Такой подход был неотъемлемой частью солдатских рассказов, где граждане в тылу преподносились, как предатели, которые бросили на произвол солдат, сражавшихся на фронте. Разумеется, при данной постановке вопроса обструкции подвергались не только «стариками», но и женщины (неверные жены, подруги и т.п.). В свою очередь И. Рэтбоун сделала все от нее зависящее, чтобы ее саму не относили к этой группе.

Поэтому в своем рассказе она всячески пыталась подчеркнуть важность работы своей героини, а также сопоставить ее с трудом солдат на фронте. В «Когда мы были молоды» не было ни малейшего намека на то, что могло бы хоть как-то принизить вклад Седдон в победу. В целом можно сказать, что И. Рэтбоун выступала против своеобразной гендерной дискриминации. Согласно ее точке зрения, к военному поколению мог относиться себя любой человек, обладавший необходимым личным опытом, вне зависимости от того, был ли он мужчиной или женщиной.

²⁵⁰ Цит. по: Ibid. p.244.

Память, конечно же, очень сложная вещь, на что впоследствии обратила внимание и сама И. Рэтбоун. Так, например, в дневнике ею были ярко описаны живописные пейзажи одной из французских ферм, а также забавный пикник на природе. В заключении дня она записала в дневник «я никогда этого не забуду». Когда в недалеком будущем И. Рэтбоун перечитывала дневник, то пометила на полях «ПОЛНОСТЬЮ забыла. И.Р. 1930». Однако разница между дневником и романом связана не только с тем, что со временем память о некоторых событиях угасала; дело в том, что вспоминая какие-либо события из прошлого, человек неосознанно стремится подстроить их под настоящее. Джоан Седдон была куда более идеалистичным и менее наивным человеком, чем молодая Ирен Рэтбоун, которая потратила большую часть лета на то, что рассуждала в дневнике о своей личной судьбе. Седдон была больше занята, больше уставала, чем ее прототип, которому хватало времени даже на то, чтобы наслаждаться взглядами благодарных мужчин в столовой. После очередного спокойного дня на работе, И. Рэтбоун записала в своем дневнике: «Если бы только эти дни могли продолжаться вечно, как легка бы была жизнь. Милые поля! Милое лето! Милый-милый лагерь!». Это резко контрастирует с той картиной лета 1918 г., которую в дальнейшем будут ассоциировать с военным поколением²⁵¹.

Очевидно, что Первая мировая война открыла новые возможности перед женщинами. Их роль в издательской индустрии резко возросла. Благодаря этому многие из них смогли зафиксировать в своих работах бесценный исторический опыт, дающий нам понимание того, чем жили женщины в войну, что они чувствовали и как реагировали на стремительные перемены вокруг них. Однако следует отметить, что новые возможности

²⁵¹ Цит. по: Ibid. p.246.

были доступны далеко не всем. Большинство работ, посвященных войне, были написаны женщинами из богатых семей, получившими университетское образование. Другими словами, состоятельных женщин печатали чаще других. Тем не менее, тот факт, что некоторые женщины за время войны смогли внести свой собственный вклад в победу, серьезно повлиял на них. Вместо того, чтобы рассказывать в своих романах о повседневной жизни, эти женщины получили право писать о войне, так как они были ее участниками. Конечно, если женщина хотела, чтобы ее работа стала популярной, ей все еще требовалось придерживаться определенных рамок. Так большинство их произведений рассказывали о храбрости солдат, подчеркивали важность труда медсестер, работников столовой и т.д. Без всего этого они вряд ли бы пользовались большим успехом у издателей. Но все же самое главное заключается в том, что война оказала значительное влияние на женщин и их творчество, в результате чего последние смогли сформировать собственный образ одного из важнейших событий мировой истории.

Заключение

Для Англии Первая мировая война стала самым крупным и дорогостоящим конфликтом, в котором она когда-либо до этого принимала участие. Тяжелые людские и материальные потери обусловили ее значимое место в социальной памяти английского общества. Начало мирового конфликта сопровождалось в Великобритании, как и в других европейских государствах, участвовавших в Первой мировой войне, феноменом массового добровольческого движения, основу которого составили патриотически настроенные английские юноши, считавшие своей главной задачей защиту национальной чести. Они были подвержены иллюзии, что война будет вестись за благое дело и в соответствии с нормами всех заключенных на тот момент международных конвенций.

Однако подобные настроения быстро пошли на убыль, когда английские добровольцы столкнулись с суровыми реалиями Западного фронта. Особенно тяжело пришлось выпускникам университетов и частных школ, занимавшим младшие командные должности. Их обязанностью было возглавлять атаки, организовывать рейды и следить за целостностью заграждений из колючей проволоки. Они ежедневно рисковали своими жизнями, так как должны были служить примером для своих подчиненных. В результате большинство из них были убиты в сражения за Ипр, Лоос, на Сомме и при Пашендейле.

Постепенно в сознании определенной части английских фронтовиков начал формироваться новый образ войны. Многие из них стали испытывать чувство идентичности со своими противниками, так как последние находились точно в такой же жизненной ситуации. Они испытывали те же трудности и в каком-то смысле были такими же жертвами. Кроме того,

военнослужащих противоборствующих сторон сближало растущее разочарование в войне и скептическое отношение к ее целям.

Особое влияние на мировоззрение английских военнослужащих оказало сражение на реке Сомме, в ходе которого тысячи их товарищей сложили свои головы в безуспешной и плохо спланированной попытке прорвать немецкую линию обороны. На этом окровавленном поле битвы окончательно погибли мечты юношей о скорой и благородной победе, поскольку она не смогла бы теперь вычеркнуть из их памяти тысячи бессмысленных жертв. Тем не менее, в тылу правительство называло это сражение не более чем временной неудачей, напутствуя армии в скором времени готовиться к новому наступлению.

Остатки иллюзий о рыцарском характере войны оказались окончательно развеяны после появления на фронте новых видов вооружения (ядовитый газ и т.п.). Часть солдат в окопах чувствовали себя обманутыми, брошенными и преданными. Франция перестала быть тем местом, куда молодые люди отправлялись за славой. Теперь она превратилась в то место, отправившись в которое человек рисковал сгинуть в несметном числе безымянных могил.

Для многих фронтовиков Англия превратилась в совершенно чуждое им место, где гражданское население было всецело поглощено своими повседневными заботами. Озлобленность и молчание повисли между гражданским населением и этими солдатами.

Вернувшись домой в 1919 г., разочаровавшиеся в войне ветераны с ужасом осознали, что их жертва была напрасной. Вся власть в стране оказалась в руках «стариков», возраст победил юность, а цивилизации был нанесен непоправимый урон. Уставшие и контуженые участники войны были разочарованы тем, что они увидели дома. В начале 20-х годов XX века они лишь беспомощно наблюдали за тем, как старые и некомпетентные политики

«разбазаривали» их победу. Подобного мнения, в частности, придерживалось большинство ветеранов, которые были выходцами из среднего класса.

Изначально рядовые англичане воспринимали данную точку зрения в штыки. В первую очередь это было связано с проводившейся по инициативе властей политикой коммеморации: в первые послевоенные годы в Англии при активной поддержке правительства были установлены десятки памятников, посвященных жертвам войны; учрежден День Памяти 11 ноября; проведены торжественные мероприятия с участием первых лиц государства; выпущены киноленты военно-патриотического характера и т.д. В результате люди, уставшие от войны, на какой-то момент поддались государственной пропаганде.

Рядовые граждане в начале 20-х годов хотели верить в светлое будущее, поэтому те немногие мемуары ветеранов, что были опубликованы до 1928 г., как правило, старались удовлетворить данный общественный запрос. Так был сформирован новый образ войны, в рамках которого ветераны старались обходить стороной большинство неудобных вопросов, связанных с политикой и просчетами военного командования. Предметом военных рассказов тех лет в первую очередь стал героизм простых солдат в окопах.

Однако со временем ситуация в обществе резко изменилась. Итогом войны стало то, что английская гегемония в мире была подорвана. Даже традиционные английские ценности были утрачены, а саму Англию уличили в международной тирании. К концу 20-х годов уже большинство английских интеллектуалов были убеждены в том, что война стала настоящей катастрофой для их страны, что победа в ней Англии на самом деле была ее поражением. Вокруг подобных идей спланивались наиболее радикальные слои общества. Тем не менее, даже для консерваторов к этому времени стало очевидным, что война разрушила их старый мир, и не было никакой надежды

на его восстановление. Представители состоятельных слоев общества с ужасом обнаружили для себя, что их свободы оказались ограничены государством, их право на собственность находилось под угрозой со стороны лейбористской партии и профсоюзов, а их материальное благосостояние серьезно пострадало из-за ослабления фунта.

Прежняя элита во главе с С. Болдуином оказалась не в состоянии снова поставить страну на ноги. В то же время она не была готова отказаться от власти. Взявшие на время в свои руки бразды правления лейбористы также не оправдали ожиданий своих избирателей. Продемонстрировав только свою нехватку идей, они очень быстро были вынуждены признать свою приверженность финансовому консерватизму.

В сложившейся обстановке свою голову, наконец, подняли те ветераны, которые были разочарованы в войне. Примерно десятилетие понадобилось им, чтобы собраться с мыслями и пробудить интерес читательской аудитории. В результате к концу 20-х годов XX в. Англию захлестнул бум военной литературы. Авторы этих произведений, происходившие зачастую из среднего класса, стремились донести до читателей боевой опыт «военного поколения», отягощенный пессимизмом, цинизмом и излишней жестокостью. Для авторов многих книг (Р. Олдингтон, З. Сассун и др.) было свойственно рассказать не только о войне, но и о довоенном времени, а также о том, каким мир предстал перед ними по возвращении с фронта.

Благодаря этому возможно увидеть определенный контраст в восприятии этими людьми окружающей их действительности. Как правило, подобные книги приобретали форму мемуаров, или рассказов, целью которых было пролить свет на коллективный опыт и судьбу людей приблизительно одинакового возраста. В них также нашло отражение

вполне естественное чувство вины перед погибшими товарищами, ненависть по отношению сильным мира сего, которые были в ответе за все эти жертвы.

Предметом особого негодования стало непосредственно английское правительство и так называемые «старрики», которые его возглавляли. Большинство из названных тем были представлены еще во фронтовой поэзии У. Оуэна: величие вооруженных сил, предательство молодежи, трагическая судьба его поколения. Возможно, со временем эти стихи потеряли бы свою силу, если бы не те реалии, в которые вынуждены были вернуться многие его сослуживцы. Как уже было отмечено выше, послевоенная Англия мало напоминала дом пригодный для жизни героев. Во всей этой атмосфере декаданса, ностальгии по прошлому и набирающему обороты экономическому кризису миф о «потерянном поколении» выполнял одну важную функцию для выживших. Он вызывал в их памяти воспоминания об утраченном мире детства; друзьях и знакомых, погибших на фронте; о чувстве отчужденности, с которым они столкнулись, вернувшись на Родину.

Свой вклад в процесс формирования памяти о Первой мировой войне внесли также женщины, побывавшие на Западном фронте. Непосредственное участие в войне позволило им говорить о ней, высказывать свою точку зрения. Поэтому они представили читателям свой, как они считали, подлинный и реалистичный взгляд на произошедшие события. Среди наиболее известных работ можно выделить книги В. Бриттен, И. Рэтбоун, М. Аньян и др. Их основным отличием от мужских романов было то, что женщины всячески старались отметить значимость своего труда. Это было необходимо для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что женщины ни в чем не уступали мужчинам, и они вели точно такую же войну. В остальном сюжеты этих книг во многом тесно перекликались с воспоминаниями мужчин: в них громко звучала тема разочарования в войне; присутствовали призывы к пацифизму; подчеркивалась отчужденность авторов от гражданского

населения в тылу, лишенного возможности лично ознакомиться со всеми ужасами войны; выражалось сочувствие к судьбе рядовых солдат, вынужденных каждый день рисковать своей жизнью и проливать кровь на совершенно бессмысленной войне.

В результате к концу 1920-х годов усилиями сравнительно небольшой группы ветеранов, преимущественно выходцев из средних слоев общества, был сформирован устойчивый миф относительно событий, произошедших на Западном фронте в период с 1914 по 1918 гг. Ключевые положения данного мифа можно было встретить на страницах большинства мемуаров английских ветеранов, опубликованных в 1928 – 1929 гг.: горечь и отчуждение, бессмысленные жертвы и ложь со стороны государства и т.п. Они видели своего врага не в немцах, а в правительстве, которое отправило их на войну. Нельзя утверждать, что те же мысли разделяли абсолютно все ветераны, но именно эта точка зрения стала каркасом большинства военных историй тех лет.

Список использованных источников и литературы

Источники

Материалы периодической печати

1. Armistice day commemoration // Gloucester Journal. 1924. 15 November. p.22.
2. Blind war veterans // Western Times. 1929. 20 December. p.6.
3. Bristol veterans in fervent ceremony // Western Daily Press. 1931. 09 November. p.5.
4. Commemoration day at Sherborne school // Western Gazette. 1920. 02 July. p.9.
5. Commemorating war`s outbreak // Aberdeen Journal. 1922. 07 August. p.6.
6. Cost of World War in lives // Evening Telegraph. 1921. 02 May. P.3.
7. Impressive tributes to fallen heroes // Aberdeen Journal. 1928. 12 November. p.4.
8. Journey`s End // The Times. 1929. 22 Jan. p.10.
9. Journey`s End // The Times. 1928. 11 Dec. p.14.
10. Our war memorial // Evening Telegraph. 1925. 18 May. p.2.
11. Royal scots in the world war // Western Daily Press. 1926. 28 January. p.5.
12. The Great War // Western Gazette. 1922. 14 July. p.8.
13. The king`s message to Ilkeston war veterans // Derby Daily Telegraph. 1932. 04 February. p.7.
14. The world since the war // Cornishman. 1929. 28 March. p.10.
15. To commemorate Earl Haig // Dundee Courier. 1928. 09 February. p.5.
16. War veterans and the civil service // Gloucester Journal 1924. 21 June. p.9.
17. Veterans of the Great War // Western Morning News. 1926. 11 November. p.4.
18. World war at last ended // Western Morning News. 1929. 07 September. p.7.
19. World`s greatest war pictiure coming to Dundee // Evening Telegraph. 1926. 12 November. p.9.
20. World war stories // Aberdeen Journal. 1920. 24 November. p.3.

Источники личного происхождения

21. Bewsher F.W. The history of the 51st (Highland) division, 1914-1918. London: William Blackwood and Sons, 1921. 411 p.
22. Bickersteth J.B. History of the 6th Cavalry Brigade, 1914-1919. London: The Baynard Press, 1920. 124 p.
23. Blunden E. Undertones of War. London: Penguin UK, 2010. 256 p.
24. Borden M. The Forbidden Zone // The AFS Story. URL: <http://www.ourstory.info/library/2-ww1/Borden2/fz.html> [дата обращения 21.01.2016]
25. Browne D. G. The tank in action. London: William Blackwood and Sons, 1920. 517 p.
26. Brookes B.A. Signaller's War // europeana1914-1918. URL: <http://europeana1914-1918.eu/en/contributions/5127#prettyPhoto> [дата обращения 20.01.2016]
27. Carrington C. Soldier from the Wars Returning. London: Hutchinson, 1965. 286 p.
28. Consett, M. W. W. P. The triumph of unarmed forces (1914-1918). London: Williams and Norgate, 1923. 344 p.
29. Cumming H. R. A brigadier in France, 1917-1918. London: Jonathan Cape, 1922. 272 p.
30. Foulkes C.H. Gas! The Story Of The Special Brigade. Uckfield: Naval & Military Press, 2012.
31. Grieve W.G. Tunnelers. Uckfield: Naval & Military Press, 2009. 334 p.
32. Grimwade F.C. The war history of the 4th Battalion, the London Regiment (Royal Fusiliers), 1914-1919. London: Headquarters of the 4th London regiment, 1922. 532 p.

33. Hickey D. E. Rolling into action, memoirs of a tank corps section commander. Uckfield: Naval & Military Press, 2007. 288 p.
34. Hussey A. H. The Fifth Division in the Great War. London: Nisbet & Co. LTD, 1921. 278 P.
35. Letter from T.E. Borrill to his brother, Benjamin Borrill (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9595/8428?bt=europeanaapi>
[дата обращения 07.08.2015]
36. Letter from Private Charles Green (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9421/6889?bt=europeanaapi>
[дата обращения 07.08.2015]
37. Letter home by Edwin Thomas // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9103/4418?bt=europeanaapi>
[дата обращения 07.08.2015]
38. Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (2) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5222>
[дата обращения 07.08.2015]
39. Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (3) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5223>
[дата обращения 07.08.2015]
40. Letters from three Goodchild brothers to their mother in Suffolk (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/9272/5221>
[дата обращения 07.08.2015]
41. Last letter home of Sgt. H. Godfrey (1) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/8863/3089> [дата обращения 20.01.2016]
42. Letter to Susan Owen, 1st January 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]

43. Letter to Susan Owen, 4th February 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]
44. Letter from Walter Edward Pitcher (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/8969/3728> [дата обращения 20.01.2016]
45. Letter from Walter Edward Pitcher (4) // Great War Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/gwa/document/8971/3737> [дата обращения 20.01.2016]
46. Oates W. C. The Sherwood Foresters in the Great War, 1914-1918 : the 2/8th Battalion. Nottingham: J. & H. Bell Limited, 1920. 230 p.
47. Repington C. The first world war, 1914-1918; personal experiences of Lieut.-Col. C. à Court Repington. Boston: Houghton Mifflin Company, 1920. 581 p.
48. Sandilands J.W. The history of the 7th Battalion Queen's Own Cameron Highlanders. Stirling: Eneas Mackay, Murray Place, 1922. 207 p.
49. Wyrall E. The history of the Second Division, 1914-1918. London ; Tomas Nelson and Sons, LTD., 1921. 739 p.

Художественные литература

50. Брук. Р // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.34.
51. Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1961. 426 с.
52. Олдингтон Р. Все люди – враги. М.: Астрель, 2011. 828 с.
53. Оуэн У. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.36.
54. Оуэн У. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.40-41.

55. Оуэн У. // Уилфред Оуэн. Поэмы: Сборник стихотворений / пер. Лукина Е.В. СПб.: СЕЗАМ-ПРИНТ, 2012 – с.8-9.
56. Розенберг И. Рассвет в окопах // Журнальный зал / пер. Лукин Е.В. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2013/4/31r.html> [22.02.2016]
57. Сассун. З. // Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965 – с.32.
58. Brittain V. Testament of Youth – An Autobiographical Study Of The Years 1900-1925. London: Hachette UK, 2009. 608 p.
59. Buchan J. The Three Hostages. The Three Hostages // Ebooks@Adelaide. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/buchan/john/hostages/> [дата обращения 21.01.2016]
60. Ewart W. Way of revelation : a novel of five years. NY.: D. Appleton and Company, 1922. 492 p.
61. Ford M.F. No More Parades. Ebooks@Adelaide. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/f/ford/ford_madox/no-more-parades/index.html [дата обращения 21.01.2016]
62. Raymond E. Tell England. NY.: George H. Doran Company, 1922. 342 p.
63. Smith H. Z. Not So Quiet ...Stepdaughters of War. New York: Feminist Press, 1989. 304 p.

Кинофотодокументы

64. Armistice day 1920 - homecoming of an unknown warrior // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008261> [дата обращения: 10.04.2014]
65. Eight years after // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060023380> [дата обращения: 10.04.2014]

66. Five years ago // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060022911> [дата обращения: 10.04.2014]
67. Victory: God bless the British army // Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060035424> [дата обращения: 10.04.2014]
68. Wilfred Owen in a letter to Leslie Gunston, 22 August 1917 // The Collected Letters of Wilfred Owen. URL: <http://wilfredowenletters.tumblr.com> [дата обращения 20.01.2016]

Научная литература

69. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской к-ры, 2004. 365 с.
70. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. Москва: АСТ, 2010. 984 с.
71. Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. 296 с.
72. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 418 с.
73. Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. 226 с.
74. Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн.1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Под ред. Листикова С.В. М.: Наука, 2008. 611 с.
75. Глущенко Е.А. Некоторые причины распада Британской империи // Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. С.106-111.

76. Дэниел К. Англия. История страны. М.: Эксмо, 2007. 485 с.
77. Добровольский В.Ю., Наумов А.В. Англосаксонские страны. Справедливая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2014. С.7-87.
78. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959. 263 с.
79. Забелина Н. Ю. Первая мировая война: британские героини Сербии // Women in Russian Society. 2010. Issue 1. p. 91-98
80. Зайончковский А. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. 278 с.
81. Из британской истории Нового и Новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992. 139 с.
82. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. 479 с.
83. Кознова И. Социальная память: потери и приобретения // Власть. Общественно-политический журнал. 1999. № 2, С.59-65.
84. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 193 с.
85. Куликов Д. К. Ситуация «память»: исследования нового феномена гуманитарных наук // Актуальные проблемы философии социально-гуманитарных наук. Ростов н-Д, 2008. С. 77-86
86. Лапп Д.С. Искусство помнить и забывать. СПб.: «Питер», 1995. 215 с.
87. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
88. Леффельбайн Н. Военные инвалиды в политике национал-социалистов // Вопросы истории. 2011. № 5. С.162-165.
89. Лукин Е.В. Уилфред Оуэн. Поэмы: сборник стихотворений. СПб.: СЕЗАМ-ПРИНТ, 2012. 111 с.
90. Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

91. Мэррей Дж. Всеобщая стачка 1926 года в Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. 200 с.
92. Миронов В.В. Механизм адаптации фронтовиков к экстремальной обстановке в годы Первой мировой войны // Запад - Россия - Кавказ. Научно-теоретический альманах. URL: http://www.history.vuzlib.su/book_o064_page_14.html [дата обращения 05.01.2016]
93. Миронов В.В. Австрия. Неизвестная война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2014. С.307-349.
94. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. 333 с.
95. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2003. 448 с.
96. Оболонкова М.А. Усиление государственного вмешательства в английскую экономику в годы Первой мировой войны и сдвиги в общественном сознании // Из британской истории нового и новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992. С.76-93.
97. Оболонкова М.А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. 2010. Выпуск 1 (13). С.8-14.
98. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю.А. Писарева, В.Л. Малькова. М.: Наука, 1994. 306 с.
99. Первая мировая война: пролог XX века / Под ред. В.Л. Малькова. М.: Наука, 1998. 693 с.

100. Поляков Е.Ю. На пути к доминиону (Британская империя и Ирландия) // Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. С.145-166.
101. Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Зенкевича / Предисл. Н. Тихонова. М.: Прогресс, 1965. 160 с.
102. Прокопов А.Ю. Лейбористская партия и Версальский мирный договор // Первая мировая война, Версальская система и современность/ отв. ред. И.Н. Новиковой И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб: Издательство СПбГУ, 2012. С.253-261
103. Прокопов А.Ю. Британское общество в начале Первой мировой войны // Великая война. 1914-1918. Выпуск 2. М., 2013. С. 44-50.
104. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.
105. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Под ред. Е.П. Серапионовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С.8-16.
106. Рикёр П. Память, история, забвение // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/ [дата обращения 21.01.2016]
107. Сенокосов А.Г. Роль «Либерал-пацифистов» во внешней политике Великобритании накануне Первой мировой войны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета.2013. №21. С.109-120.
108. Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Российское военно-историческое общество. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/obraz-vragha-v-soznanii-uchastnikov-piervoimirovoi-voiny> [дата обращения 06.08.2015]
109. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

110. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: итоги и задачи изучения // Исторические записки. Вып. 121(3). М.: Наука, 2000. С. 254-284.
111. Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121. В соавт. с А. С. Сенявским.
112. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. №1. С.6-12.
113. Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. №4. Том 1. С.95-98
114. Соловьев, С. А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны. М. : Издательство МГУ, 1985. 152 с.
115. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. 616 с.
116. Стоун Н. Первая мировая война. Краткая история. Москва: АСТ, 2009. 224 с.
117. Суслопарова Е. А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866-1937). К политическому портрету лейбористского лидера // Новая и новейшая история. 2003. №4. С. 141-157
118. Суслопарова Е. А. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. // Вестник Московского Университета. Серия: История, 2009, №1.С. 5-25.
119. Суслопарова Е.А. Дебаты «о капитализме» в британском парламенте в 1923 г. // Вестник Московского университета. 2014. Серия 8. История. № 6. С. 3-17
120. Ткаченко Д.С. Первая мировая война глазами британских солдат // Новая и новейшая история. 2014. №6. С.62-71.

121. Торопова С.Ю. Дэвид Ллойд Джордж и радикальная политика британских либералов в 20-е годы XX века // Британская история XIX-XX веков: люди, события, идеи / Под ред. А.Г. Чевтаева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1997. С.147-164;
122. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М.: «Международные отношения», 1982
123. Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: из-во Пермского ун-та, 1995. 194 с.
124. Фадеева Л.А. Социальные идеи и идеалы английского «образованного класса» в конце XIX-начале XX века // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 335-354.
125. Фадеева Л.А. Трансформация образа викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Время — История — Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 159-169.
126. Фомин А.М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72-91.
127. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> [дата обращения 21.01.2016]
128. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
129. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 422 с.
130. Хмелевская Ю.Ю. Британские фронтовики в 1914 - 1916 гг.: от эйфории патриотизма к психологии «Большой войны» // Из британской истории

- нового и новейшего времени / Под ред. Н.А. Ерофеева. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1992 С. 51-67
131. Хмелевская Ю.Ю. Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морали британской армии в 1914-1918 гг. // Государственный специализированный институт искусств. URL: http://www.gsii.org/brit_sport_ww1.htm [дата обращения 06.08.2015]
132. Чевтаев А.Г. Британская история XIX-XX веков: люди, события, идеи. Челябинск, 1997. 186 с.
133. Шаццлло В. Первая мировая война 1914-1918. Факты и документы. М.: «Олма-Пресс», 2003. 480 с.
134. Широков Г.К. Экономические предпосылки заката Британской империи // Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. 112-125.
135. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины. Тамбов: Изд. Юлис, 2005. 509 с.
136. Atkin J. A War of Individuals. Manchester: Manchester University Press, 2013 – 250 p.
137. Badsey S. Doctrine and Reform in the British Cavalry 1880–1918. Farnham: Ashgate Publishing, 2008. 360 p.
138. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University press, 1995. 344 p.
139. Barth B. Dolchstosslegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914 – 1933. Düsseldorf: Droste, 2003. 625 p.
140. Bishop A. Brittain, Vera Mary (1893–1970) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/32076> [дата обращения 25.05.2015]

141. Bond B. *Survivors of a Kind – Memoirs of the Western Front*. L.: Bloomsbury Publishing, 2008. 216 p.
142. Bonfiglioli M., Munson J. *Full of Hope and Fear: The Great War Letters of an Oxford Family*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 448 p.
143. Caesar A. Brooke, Rupert Chawner (1887–1915) // *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/32093> [дата обращения 30.07. 2014]
144. Cassidy R. *Counterinsurgency and the Global War on Terror: Military Culture and Irregular War*. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group, 2006. 224 p.
145. Bond B., Cave N. *Haig – A Reappraisal 70 Years On*. Barnsley: Pen & Sword, 2009. 288 p.
146. Chandler D. *The Oxford History of the British Army*. Oxford: Oxford paperbacks, 2003. 512 p.
147. Chapell M. *The British Army in World War I. The Western Front 1916-18*. Oxford: Osprey publishing, 2005. 48 p.
148. Connelly M. *The Great War, Memory and Ritual: Commemoration in the City and East London, 1916-1939*. Suffolk: Boydell & Brewer Ltd, 2015. 271 p.
149. Corrigan G. *Mud, Blood & Poppycock*. London: Cassell, 2002. 432 p.
150. Darrow M. H. *French Women and the First World War: War Stories of the Home Front*. London: Bloomsbury Academic, 2000. 341 p.
151. D'Arcy F. *Remembering the War Dead: British Commonwealth and International War Graves in Ireland Since 1914*. 457 p.
152. Eichenberg J., Newman J. P. *The Great War and Veterans' Internationalism*. London: Palgrave Macmillan, 2013. 248 p.
153. Eichenberg J. *Kämpfen für Frieden und Fürsorge: Polnische Veteranen des Ersten Weltkriegs und ihre internationalen Kontakte, 1918-1939*. München: Oldenbourg Verlag, 2011. 259 p.

154. Ecksteins M. Rites of Spring: The Great War and the Birth of the Modern Age. NY: Doubleday. 396 p.
155. Evans-Pritchard E.E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press, 1940. 271 p.
156. Fletcher A. Between the Lines: First World War Correspondence // History Today. URL: <http://www.historytoday.com/anthony-fletcher/between-lines-first-world-war-correspondence> [дата обращения 07.08.2015]
157. Foley R. T. German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the Development of Attrition, 1870–1916. NY: Cornell University Press, 2005. 317 p.
158. Forty S. Mapping the First World War: battlefields of the great conflict from above. NY.: Bloomsbury USA, 2014. 144 p.
159. Fussell P. Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1989. 363 p.
160. Gardner N. Trial By Fire: Command and the British Expeditionary Force in 1914. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group, 2003. 259 p.
161. Gorham D. Vera Brittain: A Feminist Life. Oxford: Blackwell, 1996. 350 p.
- Grant R. G. Der Erste Weltkrieg: die visuelle Geschichte. München: Dorling Kindersley Verlag, 2014. 360 p.
162. Grayzel S. R. Women and the First World War. L.: Routledge, 2013. 216 p.
163. Grayzel S. R. At Home and under Fire: Air Raids and Culture in Britain from the Great War. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 356 p.
164. Griffith P. Fortifications of the Western Front 1914–18. Oxford: Osprey Publishing, 2004. 64 p.
165. Griffiths W. R. The Great War. Wayne: Avery Publishing Group, 1986. 240 p.

166. Gudmundsson B., Anderson D. The British Army on the Western Front 1916. Oxford: Osprey Publishing, 2007. 96 p.
167. Hart-Davis R. Sassoon, Siegfried Loraine (1886–1967) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/35953> [дата обращения 30.07. 2014]
168. Hofer H. G. Nervenschwäche und Krieg. Modernitätskritik und Krisenbewältigung in der österreichischen Psychiatrie (1880- 1920). Köln: Böhlau, 2004. 443 p.
169. Holmes R. Tommy: The British Soldier on the Western Front, 1914–1918. NY: HarperCollins, 2004. 717 p.
170. Horn J., Kramer A., German Atrocities: A History of Denial. New Haven: Yale University Press, 2001. 608 p.
171. Housman L. War Letters of Fallen Englishmen. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2002, 298 p.
172. Hull I. V. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 400 p.
173. Hynes S. A War Imagined – The First World War and English Culture. NY: Random House. 528 p.
174. Jeffrey K. Social memory studies: from "collective memory" to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. vol. 24. P.105-140.
175. Kienitz S. Beschädigte Helden. Kriegsinvalidität und Körperbilder 1914-1923. Paderborn: Schöningh, 2008. 380 p.
176. King A. Memorials of the Great War in Britain : The Symbolism and Politics of Remembrance. London: Bloomsbury, 2014. 288 p.
177. Kramer A. Dynamic of Destruktion. Cultere and Mass Killing in the First World War. Oxford: OUP Oxford, 2007. 448 p.

178. MacGreevy T. Richard Aldington: An Englishman // The Tomas MacGreevy archive. URL <http://www.macgreevy.org/style?style=text&source=book.rae.xml&action=show> [дата обращения 21.11.2015]
179. Marrison R.J. Fosten D.S.V. The British Army 1914-18. London: Osprey publishing, 1978. 48 p.
180. McKibbin R. Classes and Cultures: England, 1918–1951. Oxford: Oxford University Press 1998. 562 p.
181. Messenger C. Call to Arms: The British Army, 1914–18. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 574 p.
182. Meyer J. Not Septimus Now: wives of disabled veterans and cultural memory of the First World War in Britain // Women`s History Review, Volume 13, № 13, 2004 – p.117-138.
183. Morrow J. The Great War An Imperial History. London: Routledge, 2005. 384 p.
184. Morgan K. Twentieth-Century Britain: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2000. 128 p.
185. Mosse.G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford: Oxford University Press, 1991. 264 p.
186. Ouditt S. Fighting Forces, Writing Women. London: Routledge, 1994. 256 p.
187. Prior R. The First World War. London: Cassell, 1999. 224 p.
188. Prior R., Wilson T. The Somme. New Haven : Yale University Press, 2005. 368 p.
189. Reichard S. Faschistische Kampfbünde: Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismus und in der deutschen SA. Köln: Böhlau Verlag Köln Weimar, 2009. 824 p.
190. Richard V.E., Humphries S. Veterans : the last survivors of the Great War. London :Leo Cooper, 1998. 208 p.

191. Robb G. *British Culture and the First World War*. London: Palgrave Macmillan, 2014. 296 p.
192. Roberts A. *Love, Tommy: Letters Home, from the Great War to the Present Day*. Oxford: Osprey Publishing, 2012. 272 p.
193. Roshwald A., Stites R. *European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914-1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 444 p.
194. Saunders M. Aldington, Edward Godfree (1892–1962) // *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/30366> [дата обращения 5.05.2015]
195. Sheffield G D. *Leadership in the Trenches: Officer-man Relations, Morale and Discipline in the British Army in the Era of the First World War*. London: Palgrave Macmillan, 2000. 296 p.
196. Stallworthy Jn. Owen, Wilfred Edward Salter (1893–1918) // *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/37828> [дата обращения 30.07.2014]
197. Stegmann N. *Kriegsdeutungen - Staatsgründungen - Sozialpolitik: der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei 1918 - 1948*. München: Oldenbourg Verlag, 2010.
198. Switzer C. *Unionists and Great War Commemoration in the North of Ireland, 1914-1939: People, Places and Politics*. Portland: Irish Academic Press, 2007. 211 p.
199. Todman D. *The Great War – Myth and Memory*. London: A&C Black, 2014. 304 p.
200. Tucker S., Roberts P.M. *World War I: Encyclopedia*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 2454 p.
201. Tucker S. *The Great War 1914-1918*. London: UCL Press, 1998. 272 p.

202. Wandsworth J. Letters from the Trenches – The First World War by Who Were There. Barnsley: Pen and Sward, 2014. 176 p.
203. Warner, W. Lloyd. The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans. New Haven: Yale University Press, 1959. 528 p.
204. Watson J. Fighting different wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 333 p.
205. Weber C. Auf der Suche nach der Nation. Erinnerungskultur in Bulgarien von 1878-1944. Berlin: LIT Verlag Münster, 2006. 440 p.
206. Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 310 p.
207. Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 262 p.
208. Winter J. Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century. London: Yale University Press, 2006. 340 p.
209. Winter J. Remembering War. The Great War between memory and history in twentieth century. London: Yale University Press, 2006. 340 p.
210. Whelpton V. Richard Aldington – Poet, Soldier and Lover 1911-1929. Cambridge: Lutterworth Press, 2014. 414 p.
211. Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 307 p.
212. Ziemann B. Contested Commemorations: Republican War Veterans and Weimar Political Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 315 p.

Диссертационные исследования

213. Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 – Челябинск, 2013. – 248 с.

214. Вершинина Д. Б. Две волны женского движения в Великобритании: динамика взаимоотношений с властью и обществом : дисс. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2007. – 286 с.
215. Гелла Т. Н. Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX - начале XX в. (1895-1905 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Москва, 1984. – 215 с.
216. Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Москва, 2011. – 265 с.
217. Миронов В.В. Социокультурный облик фронтовика-австронемца в годы Первой мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Тамбов, 2001. – 195 с.
218. Новикова Н. В. Суфражистское движение в Великобритании в годы Первой Мировой войны : дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2000. – 215 с
219. Сидорук Е.М. Социокультурные аспекты развития американского общества в 1918 - 1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Тамбов, 2005. – 200 с.
220. Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Москва, 2011. – 334 с.
221. Хмелевская Ю.Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914-1918 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Пермь, 2000 – 257 с.

Электронные ресурсы

222. British newspaper archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/>
[дата обращения: 18.01.2016]

223. Commonwealth War Graves Commission // URL: <http://www.cwgc.org/>
224. Europeana 1914-1918 URL: <http://www.europeana1914-1918.eu/en> [дата обращения 21.01.2016]
225. Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/> [дата обращения: 18.01.2016]
226. Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/public/index.html> [дата обращения 26.01.2016]
227. The First World War Poetry and Digital Archive. URL: <http://www.oucs.ox.ac.uk/ww1lit/> [дата обращения: 18.01.2016]
228. The London Library. URL: <http://www.londonlibrary.co.uk/> [дата обращения: 18.01.2016]